

Д Ж О Н

ЛО

ПОСЛЕ
МЕТОДА

Б Е С П О Р Я Д О К

И СОЦИАЛЬНАЯ НАУКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

ПОСЛЕ МЕТОДА:
БЕСПОРЯДОК
И СОЦИАЛЬНАЯ НАУКА

John Law

After Method:

Mess in Social Science Research

Джон Ло

После метода:
беспорядок
и социальная наука

Перевод с английского
Станислава Гавриленко,
Александра Писарева
и Полины Хановой

Научный редактор перевода
Станислав Гавриленко

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА
МОСКВА · 2015

УДК 316.2
ББК 60.5
Л68

Ло, Джон

Л68 После метода: беспорядок и социальная наука [Текст]/ пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева и П. Хановой. Науч. ред. перевода С. Гавриленко. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. — 352 с.

ISBN 978-5-93255-406-7

Критической целью Джона Ло являются методы социальных наук, ориентированные на достижение ясности и точности. В своей претензии они опираются на ставшую обыденной метафизику, которая навязывает реальности однозначность и определенность. Ло критикует эту установку, показывая, что текучесть, множественность, гетерогенность и неопределенность — не результат эпистемической ошибки, а качество самой реальности.

Особенность его критики в том, что она опирается не столько на концептуальные, сколько на эмпирические аргументы. Его интересуют исследовательские ситуации, в которых не сбрасывают традиционные установки и критику осуществляют сами вещи: атеросклероз, водяной насос, система здравоохранения, разбивающиеся поезда, научная лаборатория, молитвенное собрание квакеров...

Чтобы перестать навязывать миру свои порядки и наконец прислушаться к нему самому, необходимо переизобрести методы и политики социальных наук с учетом того, что они не только позволяют описывать социальную реальность, но и участвуют в ее создании.

УДК 316.2
ББК 60.5

© Издательство Института Гайдара, 2015
© 2004 John Law

Все права сохранены. Никакая часть настоящей книги не может быть перепечатана, воспроизведена или использована в какой-либо форме или с помощью каких-либо электронных, механических или иных средств, ныне известных или изобретенных в будущем, включая фотокопирование и запись, или в каких-либо системах накопления, хранения и поиска информации без письменного одобрения издателей.

Перевод с англоязычного издания, опубликованного Routledge, членом Taylor & Francis Group

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности · 7

Глава 1. После метода: введение · 11

Как мог бы метод справиться с беспорядком? · 12;
STS · 34; набросок аргументации · 36; Интерлюдия:
об эмпиризме и автономности · 40

Глава 2. Научные практики · 44

Устройства записи и реалии · 45; Пять допущений о реальности · 54; Хинтерланд · 62; Рутинизированный хинтерланд: создание и демонтаж определенных реалий · 72; Заметая следы · 79; Метод-сборка · 83; Интерлюдия: О парадигмах · 93

Глава 3. Множественные миры · 99

Разные места · 99; Единственная история · 109; Различия точек зрения · 111; Множественность, реализация и объекты · 117; Виртуальная единственность · 124; Множественность и дробность · 127; Онтологическая политика · 137; Интерлюдия: О вмешательствах и киборгах · 143

Глава 4. Текущие результаты · 147

Места · 147; Картографирование мест? · 156; Неопределенный объект · 161; Изменение формы, изменение имени, текучесть · 167; Определенные текучести? · 171; Интерлюдия: О присутствии и отсутствии · 173

Глава 5. Ускользящие объекты · 180

То, что не произносится · 180; Аллегория · 183; Двусмысленность и амбивалентность · 190; Катастрофа на станции Ладброк-Гроув · 195; Столкновение как аллегория · 198; Собрание · 205; Интерлюдия: о симметрии · 212

Глава 6. Неконвенциональные формы · 218

Введение · 218; Лаборатория Дарсбери Совета по науке и технике Великобритании · 220; Слепление и упрощение · 224; Молитвенное собрание квакеров · 236; Резонанс · 241; Интерлюдия: о чистоте и гибридности · 246

Глава 7. Воображение и нарратив · 252

Изучая практику · 252; Путеводитель · 254; Два установления · 260; Активность и дуализм · 271; Онтологическая дизъюнкция · 276; Распознавание установки · 282; Интерлюдия: хинтерланд и реальность · 288

Глава 8. Заключение: онтологическая политика и после · 293

Реалии · 296; Собрание · 298; Блага · 304; Переупорядочение · 311; Заключение · 316

Глоссарий · 321

Библиография · 333

Благодарности

ЭТА КНИГА выросла из текстов, бесед, дружбы и поддержки многих коллег, друзей и студентов, а также контекста, который складывался и возделывался в течение многих лет. В особенности я бы хотел поблагодарить Мадлен Акрич, Кристин Асдал, Эндрю Барри, Рут Беншоп, Бриту Бренна, Мишеля Каллона, Клаудиа Кастанеда, Боба Купера, Анни Дагдейл, Эдит Элдридж времен ее поздних работ, Донну Харауэй, Ханса Харберса, Дикси Хенриксен, Джона Холма, Каспера Дженсена, Торбена Дженсена, Карин Кнорр-Цетина, Бруно Латура, Морин МакНил, Тьюрид Маркуссен, Ивана да Коста Маркеса, Тьяго Морейра, Бернике Пасвеера, Дженнет Полс, Волона Рабехарисоа, Ларса Ризана, Джона Стоденмайера старшего, Мерилин Стратерн, Люси Сачман, Найджела Трифта, Дэвида Тернбулла, Джона Урри, Марджу Вехвилайнен, Лору Уоттс и Стива Вулгара. Лично или через свои тексты, эти люди пробудили во мне интерес к теме метода и помогли сформулировать аргументы этой книги. Некоторые из них прочли ее первые черновики и дали развернутые комментарии. Я всем им очень благодарен.

Вдобавок к этой большой группе пятеро друзей и коллег особенно помогли этой книге обрести ее формулировки и структуры, поддержав мои усилия в прояснении ее аргументов. Я благодарен Кевину Хетерингтону, который разделяет центральный для этой книги интерес к окольным путям аллего-

рии. Разговоры с ним, обычно за ужином, всегда поддерживали меня и были источником идей. Также Анн-Мари Мол, которая изобрела различие и множественность и часто во время энергичных прогулок оспаривала, побуждала, вдохновляла и сопротивлялась расширению моих аргументов на каждом этапе работы. Я благодарен Ингунн Мозер, чей интерес к сложным субъективностям, различным типам воплощенности, распределений и ускользающего, часто обсуждавшимся во время еще более энергичных прогулок, был стимулом для изучения многих из позиций, обсуждаемых в нашей совместной работе и в этой книге. Я также хотел бы поблагодарить Вики Синглтон, которая, к счастью, прогуливается медленнее, но чья чувствительность к ускользающему и скрытому, множественности мира и неуловимым вещам, а также их исследование глубоко повлияли и на наши совместные работы, и на развитую здесь аргументацию. И, наконец, я благодарен Хелен Верран, прогулки с которой тоже были более спокойными. Однако при этом ее работы о разных видах онтико-эпистемического воображаемого, распространяясь, путешествуют на весьма большие расстояния. Оживленные беседы с Хелен сыграли решающее значение и в прояснении многих фактов об истории и практиках аборигенов, и как вдохновение в размышлениях о методе, реальностях и их возможностях. Хотя словами не выразить их вклад в создание этой книги, я хотел бы в особенности поблагодарить этих пятерых друзей. И, конечно, я несу ответственность за то, какими предстанут их аргументы в этом тексте.

Я также благодарен Шейле Халсолл, Ангусу Ло и Дункану Ло. Книга не появилась бы без их по-

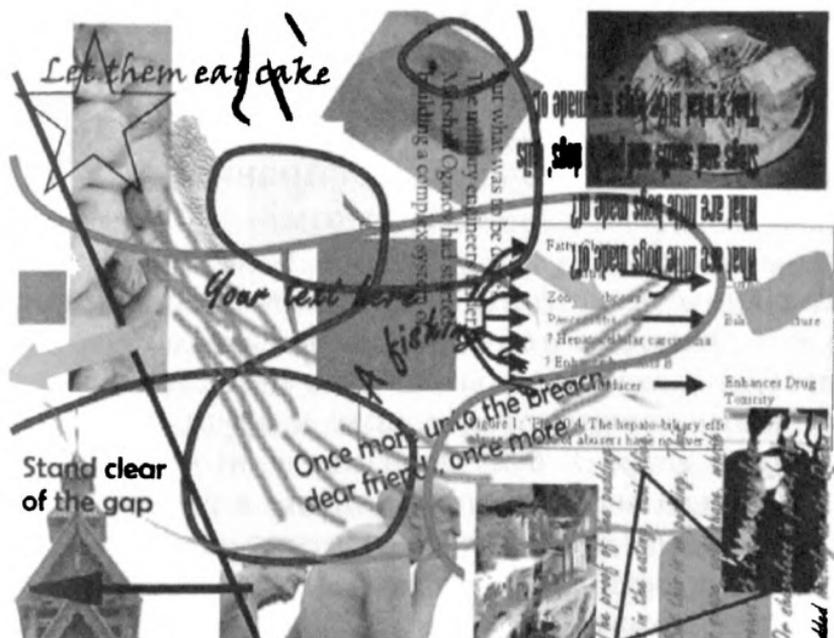
стоянной личной поддержки и интеллектуального ободрения. Было особенно приятно обсуждать с Дунканом многие из аргументов на каждом этапе их разработки, и я благодарен Шейле за ее фотографическое вдохновение.

Наконец, я хотел бы принести благодарность Центру исследований наук, Отделению социологии и Факультету социальных наук (все — в Ланкастерском университете). Ланкастер — это творческое и благоприятное для исследований в области социальных наук интеллектуальное сообщество, оно щедро предоставляет своим членам творческие отпуска. Первый черновик этой книги был написан во время такого отпуска в сентябре-декабре 2001 года.

Примечание: Проблемы метода, вытекающие из этой книги, обсуждаются на сайте Отделения социологии Ланкастерского университета. См.: <http://www.comp.lancs.ac.uk/sociology/>

ГЛАВА 1

После метода: введение



Если это чудовищный беспорядок...
то не принесет ли менее беспорядочное описание
еще больше беспорядка?

Алиса рассмеялась.

— Это не поможет! — сказала она. — Нельзя поверить в невозможное!

— Просто у тебя мало опыта, — заметила Королева. — В твоём возрасте я уделяла этому полчаса каждый день! В иные дни я успевала поверить в десяток невозможностей до завтрака!

Льюис Кэрролл. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье¹

Как мог бы метод справиться с беспорядком?

Взгляните на картинку выше и на вопрос в подписи к ней. Эта книга — об этой подписи и о том, что случается, когда социальная наука пытается описать сложные, проникающие друг в друга и перемешанные вещи. Я буду доказывать, что чаще всего она только вносит путаницу. Дело в том, что простые и ясные описания не работают, если описываемое ими неупорядоченно. Сама попытка добиться ясности попросту увеличивает беспорядок. Потому эта книга — попытка представить себе, как можно переделать социальную науку, чтобы она смогла работать со смешениями, путаницей и относительным беспорядком.

Конечно, некоторые вещи в мире действительно можно прояснить и определить. Распределения доходов, глобальные выбросы CO₂, границы национальных государств и условия торговли — это виды

1. Цит. по: *Кэрролл Л. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье* / пер. Н. М. Демуровой. М.: Наука, 1991. — *Примеч. пер.*

относительно устойчивых реалий, с которыми социальные и естественные науки работают более или менее эффективно. Но мир текстурируется не только такими феноменами, есть и иные. Мой тезис состоит в том, что академические методы исследования не улавливают их. Что за текстуры они упускают?

Если мы начнем составлять список, то вскоре поймем, что он потенциально бесконечен. Боль и радость, надежды и ужасы, интуиции и представления, потери и искупления, повседневность и мечты, ангелы и демоны, вещи, которые скользят и ускользают, появляются и исчезают, меняют форму или не имеют формы как таковой, непредсказуемые вещи — это только некоторые из феноменов, едва ли схватываемых методами социальной науки. Конечно, вполне может быть и так, что они вообще не принадлежат компетенции социальной науки. Но, возможно, частично все же принадлежат или должны принадлежать. Во всяком случае, именно это я и предполагаю. Какие-то части мира схватываются в наших этнографиях, историях и статистике. Но иные части — нет, или, если все же схватываются, то ценой их искажения ради ясности представления. Этой проблемой я и намерен заняться. Если значительная часть мира неопределенна, рассеяна или смутна, скользка, эмоциональна, эфемерна, неуловима или неотчетлива, меняется как калейдоскоп или вообще, по сути, лишена структуры, то что это меняет для социальной науки? Как ухватить эти недостающие реалии? Можем ли мы вполне их познать? *Следует* ли нам их познавать? Является ли «познание» той метафорой, которая нам нужна? И если нет, то как нам относиться к этим феноменам? Таковы проблемы, раскрываемые в этой книге.

У меня нет единого ответа на эти вопросы. Данная книга — скорее приглашение к размышлению,

нежели изложение готовых ответов. Во всяком случае, если значительная часть реальности изменчива и неуловима, то не стоит ожидать однозначных ответов. Если мир сложен и неупорядочен, то, по меньшей мере, на какое-то время нам придется отказаться от упрощений. Одно известно наверняка: если мы намереваемся размышлять о смещениях реальности, то нам придется научиться по-новому мыслить, практиковать, устанавливая связи и познавать. Мы должны будем научиться познавать некоторые реалии мира с помощью методов, необычных для социальной науки или неизвестных в ней.

Пример? Вот некоторые возможности. Быть может, нам придется познать их в голоде, в вкусах, неудобствах или страданиях наших тел. Это формы познания как телесного воплощения. Быть может, мы должны будем познать их с помощью «личных» эмоций, открывающих нас мирам уязвимостей, страстей, интуиций, страхов и предательств. Это формы познания как эмоциональности или предчувствия. Возможно, нам придется переосмыслить свои идеи ясности и строгости и найти способы познания неясного и ускользающего, не предполагающие попыток схватить и удержать свой предмет. Познание здесь было бы возможно посредством техники умышленной, осторожной неточности. Быть может, нам понадобится переосмыслить то, как далеко путешествует познаваемое нами, чем бы оно ни было, и сохраняет ли оно свой смысл в других местах, и если да, то как. Это познание как ситуативно обусловленное исследование. Почти наверняка придется хорошенько поразмыслить над нашими отношениями с тем, что мы познаем, и задаться вопросом, насколько процесс познания познаваемое и производит. И красной нитью через всю книгу будет проходить вопрос,

адресованный нам самим: подходит ли нам метафора «познания»? Или, точнее, когда подходит? Возможно, академии стоит подумать о других метафорах для своей деятельности — или вообразить другие типы деятельности.

Такой разговор нов и не нов одновременно. В социальной науке есть множество намеков на начало такого поворота. В последние два десятилетия приобрели значимость методы анализа визуального материала, перформативные подходы и понимание методов как поэтики или интервенционистского нарратива. Ученые в антропологии, культурных исследованиях и социологии уже освоились с разными способами описания и мышления децентрированных субъективностей и географических сложностей, которые возникают, когда тесная связь больше не предполагает физическую близость. Кроме того, формируется понимание того, что глобальные потоки неопределенны, непредсказуемы и даже хаотичны (в математическом смысле). Многие теперь считают, что этнографы должны работать иначе, если хотят понять производимый сетями или текущий мир. Идея ограниченности и контекстуальности знания стала общим местом², феминистки изучали ситуативно обусловленные типы знания, в то время как антропологи исследовали письменную культуру и культурную рецепцию. В исследованиях рынка, за-

2. Литература по этой проблематике обширна, поэтому я не смогу дать здесь обстоятельный обзор, только список для ориентирования. О поэтике: Clifford, Marcus (1986), Naraway (1989). О рефлексивных методах и множественных нарративах: Ashmore (1989), Latour (1996). О визуальных методологиях: Naraway (1997), Rose (2001). О текстовальном и телесно воплощенном нарративе: Butler (1993), Thrift (2000). О географически распределенных методах: Hine (2000), Thrift (2000), Urry (2000).

частую более впечатляющих, чем академическая социальная наука, были разработаны методы вроде оценочных фокус-групп для понимания не-когнитивного и изменчивого. А в непревзойденном управленческом консалтинге были освоены «мягкие методы» вмешательства в организации посредством инсценировок, исполнений и перформансов.

Мир находится в непрестанном движении, а социальная наука с неохотой следует за ним. Агентность понимается как эмотивная и телесно воплощенная, а не когнитивная: природа человека меняется в социальной теории и практике. Структуры мыслятся более ломкими или непредсказуемыми в своей текучести. Но в то же время обсуждение «метода» в социальной науке все еще исчерпывается относительно ограниченным репертуаром решений. В исследовательской методологии многих областей социальной науки (значительная часть социологии, экономики, психологии и социально-экономической географии) ключевую роль играют сбор и оперирование количественными данными определенных типов. А в антропологии, культурных исследованиях, исследованиях науки и иных частях социологии и социально-экономической географии первую скрипку играют качественные данные. Количественная/качественная иконография — и само ее разделение — встроена в структуру многих курсов по методам исследования. В англоязычном мире необычно, а то и вовсе невозможно стать квалифицированным исследователем социального, не пройдя такие курсы и не изучив определенный арсенал методов. В Великобритании программы по социальным наукам получают государственное признание, если в них изучаются как количественные, так и качественные методы, хотя многие студенты и преподаватели недолюбливают такие курсы, считая,

что их содержание в лучшем случае лишь косвенно касается исследовательского процесса.

В этой книге приводятся аргументы в пользу более гибкого, свободного и великодушного мышления о методе, в ряде аспектов отличающегося от обычных представлений. Следовательно, это и наступление на границы, установленные этими представлениями. Но по ряду причин тут потребуются осторожность. Дело в том, что «метод социальной науки» — ободряюще многоголовый зверь. Он разнообразен и разнообразен уже на теоретическом уровне, и еще больше — на практическом. Существующее разнообразие, безусловно, важно, чего бы оно ни касалось, коль скоро я ратую за большее методологическое разнообразие. То есть проблема не в недостатке многообразия в *применении* метода, а в претензиях некоторых *подходов* к методу на гегемонию и господство. К вопросу о нормативности метода я вернусь позднее.

Другая причина для осторожности состоит в том, что стандартные исследовательские методы зачастую важны и даже необходимы. Один хорошо известный пример: достоверную связь между курением и раком легких помогло установить именно количественное эпидемиологическое исследование³. Другой пример, ближе к социальной науке — снова преимущественно количественные исследования, продемонстрировавшие тесную связь между плохим здоровьем и рядом форм социального неравенства, включая бедность⁴. Или между уязвимостью перед бедствиями и возрастом, между социальной изоляцией и бедностью⁵. Конечно, всегда есть сложности

3. См.: Doll, Hill (1950).

4. Для введения в тему см.: Nettleton (1995). P. 16off.

5. См.: Klinenberg (2002).

и неоднозначности⁶. Тем не менее подобные исследования стали основой для большинства кампаний по просвещению в области здравоохранения. Можно еще долго приводить примеры историй успеха стандартных качественных и количественных методов.

Следовательно, дело вовсе не в том, что эти методы совершенно неправильны. Они были и будут важны. Поэтому я и выступаю за более широкое, или мягкое, понимание метода, а равно и такое его понимание, которое бы отличалось от обычного. Но заговорить о различиях значит обратиться к критике. Как уже упоминалось выше, я хочу показать, что хотя стандартные методы чрезвычайно эффективны в своей области, они совершенно не приспособлены для исследования изменчивого, неопределенного и нерегулярного. Это значит, что проблема вовсе не в самих стандартных методах, а в нормативности, приписываемой им в методологическом дискурсе. Если «методам исследования» можно притязать на методологическое господство или (что еще хуже) монополию (думаю, кое-где так и делается), то, как только мы связываемся с такими методами, мы оказываемся, несмотря на протесты, в ограничивающих нормативных оковах. Нам говорят, как следует смотреть на мир и что делать, когда мы занимаемся исследованиями. Нужно отметить, что навязываемые правила при этом несут в себе набор условных и историче-

6. О возможных сложностях, проработанных на примере британской программы обследования шейки матки (это выглядит как успех, но является ли им? Если это успех, то как это получилось?) см.: Singleton (1998). Я обсуждаю это далее в Главе 5.

ски заданных допущений европейско-американской культуры⁷.

Проблема здесь не в том, что наши методы (и представления о правильном методе) были созданы в конкретном историческом контексте. *Все* конструируется в конкретном историческом контексте, от истории не избавиться. Дело скорее в том, что методы, или по крайней мере их защитники, притязают на чрезмерное обобщение в утверждениях о своем статусе. Аргументация часто имеет следующую форму (вспомните, к примеру, о правилах статистической выборки или избегании наводящих вопросов в интервью): «Если вы хотите верно понять реальность, необходимо придерживаться методологических правил. Эти правила навязывает вам сама реальность. Если мы не сможем следовать им, то в итоге останемся с некачественным знанием — искаженным или не представляющим то, что оно предположительно описывает». В ответ на такие рассуждения о важности следования методологическим правилам я хотел бы сказать две вещи. Первая контринтуитивна и состоит в том, что методы, их правила и еще более их применение не только описывают, но и помогают *про-*

7. Я буду использовать этот термин для указания на в той или иной мере господствующий набор утверждений о методе, не принимая во внимание расхождений на практике. Обсуждение заметных сложностей в связи с термином см. в: Ingold (2000). Есть много исследований, посвященных конструированию и социальным коррелятам социальной (и естественной) науки. Ниже я кратко рассматриваю разделение труда между истиной и политикой (см.: Shapin, Schaffer (1985), Haraway (1997)). См. также работы Теодора Портера и Яна Хакинга о контингентности отношений между квантификацией и научным (а также социально-научным) изысканием: Hacking (1990), Porter (1995).

изводить познаваемую реальность. Позднее я продемонстрирую основания для подобного заявления. А пока позвольте мне просто отметить, что есть много серьезных работ по истории науки и, в частности, социальной науки, в которых отстаивается именно этот тезис. Кроме того (и, возможно, это опять покажется контринтуитивным), если методы производят описываемую ими реальность, это необязательно плохо, хотя и может быть таковым. Сейчас важно сказать, что если эти два тезиса верны, то они имеют глубокие следствия для нашего понимания природы научного исследования.

Есть еще один, более радикальный, тезис: утверждения об универсальной значимости методологических правил зачастую натурализируются в дискуссиях социальных ученых. Можно ставить под вопрос и обсуждать *конкретные* наборы правил и процедур, но не необходимость правил и процедур как таковую. Она принимается как самоочевидная. А за этим допущением обязательности правил и процедур скрывается целый спектр допущений, тоже натурализованных и в той или иной мере скрытых. Они определяют самое важное — типы релевантных исследованию фактов, а также соответствующие техники сбора и анализа этих данных. Все они тоже натурализованы в здравом смысле исследователя. Да, вещи меняются. Несмотря на это «исследовательские методы», доставшиеся нам после столетия существования социальной науки, работают на основе допущения, что мир может быть корректно понят только как *множество достаточно определенных и более или менее опознаваемых процессов*.

Какие методы (и теории) считаются в социальной науке наилучшими для исследования этих до некоторой степени определенных процессов? Это пред-

мет нескончаемых дискуссий. Неомарксисты обнаруживают миросистемы, или неравномерности развития, или строят теории о регулировании. Фукинианцы открывают системы правительственности. Сторонники коммунитарной теории работают с сообществами и потребностью в неформальных объединениях и ответственности. Феминисты обнаруживают «стеклянные потолки»⁸, культурный сексизм или гендерные предрассудки, встроенные в методологию наук, в частности социальной науки. Ввиду всего этого здравый смысл социальной науки также предполагает, что общество меняется. На самом деле это одно из обоснований социальной науки: она способна участвовать в этом изменении и направлять его. (Вспомните упомянутые исследования неравенства состояний здоровья, а также большое политическое наследство европейско-американской социальной культуры.) Но социальное повсюду берется как вполне определенное. Это структурирующая исследовательское поле посылка: в мире протекают определенные процессы, и они ждут того, чтобы быть открытыми. Дискуссии и вся аргументация относительно характера социальной реальности разворачиваются *внутри* этого поля. Такова цель социальной науки: обнаруживать наиболее важные из этих устойчивых процессов. И это проблема: *все вовсе не обязательно так*. Соответственно, проблема указывает на расширение поля, которое я и хочу сделать. Задача состоит в том, чтобы представить себе методы, уже не ищущие

8. Негласный барьер в иерархии компании или иной организации, препятствующий занятию высших позиций женщинами и членами меньшинств при отсутствии официальных законов или правил, запрещающих это. — *Примеч. пер.*

щие определенное, воспроизводимое и более или менее стабильное — уже не полагающие их своей целью.

Что это за неуловимые реальности? Это вопрос для обсуждения. У меня свое представление о том, что именно могло бы оказаться важным, и это определяет мою аргументацию. Однако я не намереваюсь узаконивать конкретный набор исследовательских методов. Это было бы равносильно еще одному заключению в оковы, но уже другие. Вместо этого я утверждаю, что калейдоскоп впечатлений и текстур, представленный мной выше, отражает и преломляет в себе мир, который, по сути, нельзя сполна понять как ограниченное множество определенных процессов. Это ключевой пункт: то, что важно в мире, включая его структуры, — не просто технически сложно. То есть события и процессы не просто сложны в смысле технической сложности их схватывания (хотя часто так и есть). Скорее, они сложны, поскольку *необходимо превосходят нашу способность их познать*. Конечно, локальные структуры можно идентифицировать, но мир в целом бросает вызов любому подходу, основанному на идее общей упорядоченности (и я намереваюсь доказать это). Не следует пытаться понять мир в целом путем принятия методологической версии аудита⁹. Регулярности и стандартизации — невероятно мощные инструменты, но и они устанавливают свои ограничения. Это часть их (обоюдоострой) силы. Они устанавливают даже более жесткие ограничения, когда пытаются, исходя из позиции господства, встроиться в предполагаемую связность.

Следовательно, нужны гетерогенность и изменение. Речь идет о том, чтобы последовать за коро-

9. Анализ достоинств и ограничений аудита см.: Power (1997).

левой из книги Льюиса Кэрролла, играть со способностью помыслить шесть невозможных вещей до завтрака и культивировать ее. И тем самым создавать метафоры и образы для того, что невозможно или едва возможно, немислимо или почти немислимо. Ускользящие, неотчетливые, неуловимые, сложные, рассеянные, перемешанные, текстурированные, смутные, неопределенные, спутанные, беспорядочные, эмоциональные, болезненные, приятные, надеющиеся, ужасные, потерянные, искупленные, предвидящие, ангельские, демонические, мирские, земные, интуитивные, скользящие и непредсказуемые — вот некоторые из использованных мной метафор. Каждая — способ попытаться открыть пространство для неопределенного. Каждая — способ понимания или оценки перемещения. Каждая — возможный образ мира, нашего опыта этого мира и нас самих. И такова комбинация метафор. Позднее я займусь исследованием того, что это могло бы значить на практике. Но все вместе они — способ указания и артикуляции смысла мира как бесформенного, но порождающего потока сил и отношений, осуществляющего работу по производству конкретных реалий.

Мир как «порождающий поток», который *производит* реалии? Что это значит? Ответ на этот вопрос я могу собрать лишь по крупичкам, и в любом случае он будет неполон. Тем не менее при таком подходе мир не является структурой или чем-то, что можно картографировать средствами социальной науки. Вместо этого можно было бы представить его как водоворот или бурное течение. Вообразите, что это он наполнен потоками, вихрями, течениями, воронками, непредсказуемыми переменами, штормами и моментами затишья и спокойствия. Иногда в некоторых местах у нас и правда есть возможность

выписать структуру происходящего вокруг нас. Иногда это помогает нам производить кратковременную стабильность. Конечно, бывают моменты, когда схемы полезны — когда они работают, помогают сделать что-то стоящее, как в случае со статистикой неравенства состояний здоровья. Однако львиную долю времени это почти невозможно — по крайней мере, если мы придерживаемся конвенций картографирования, принятых в социальной науке. Такова задача книги: попробовать представить себе, какими могли бы быть исследовательские методы, приспособленные к миру, который бы содержал и знал себя как течение, поток и, по сути, непредсказуемость.

Эта задача уведет нас неопределенно далеко от общепринятых дискуссий вокруг метода, а также от допущений нашего здравого смысла относительно характера мира и того, как мы его познаем. Это, в свою очередь, значит, что важно избежать возможных заблуждений:

- Во-первых, как уже отмечалось выше, я вовсе не утверждаю, что для принятых исследовательских методов нет места.
- Во-вторых, я не говорю, что в исследовании мира нет смысла. Я не предлагаю признать поражение. Напротив, задача состоит в переопределении сути эмпирического и теоретического исследований. Вопрос в следующем: каким могло бы быть в социальной науке исследование в бесформенном, но производящем реалии мире? Какие формы оно могло бы принимать? И, что не менее важно, какой была бы в таком мире ответственность?
- В-третьих, я не предлагаю политический квиетизм. Далее я многое скажу о политике, но основная идея проста. Поскольку исследования в социальной науке (и естествознании) вмести-

ваются в мир, они, так или иначе, всегда играют какую-то роль, производят различия — в политическом или ином плане. В результате что-то меняется. Проблема, следовательно, не в том, чтобы найти способ изъять себя из мира, а, скорее, в том, как включиться. Речь о том, как делать хорошие различия в обстоятельствах, когда реальность и непознаваема, и производительна.

- Наконец, защищаемая мной позиция не является еще одной версией философского идеализма. Я не утверждаю, что если мир отвергает любую попытку его полного описания или понимания, то мы можем вполне реалистично говорить о нем все, что нам заблагорассудится. Более подробно я буду обсуждать этот пункт ниже, но все заявляемое мной предполагает, что есть независимый мир и что познание и другие наши действия должны соответствовать этой независимости. Как уже отмечалось, это сложный и производительный мир. И я буду доказывать, что мы с нашими методами помогаем производить его. Суть проста: убежденности в чем-то недостаточно, чтобы сделать это что-то истинным.

Как уже видно, эта аргументация затрагивает философию. Подобно другим ученым, работающим в исследованиях науки, технологии и общества (STS), я изучал, как наука практикуется в лабораториях, и делать это трудно, не работая с текстами философов естественной и социальной науки. Кроме того, как и множество исследователей в STS, я не разделяю многие из наиболее распространенных представлений здравого смысла и философии о природе научного (и социально-научного) познания. В первом приближении STS утверждает, что наука — это набор практик, сформированных своими историческими, организационными и социальными контекстами.

Далее, согласно STS, научное знание конструируется в этих практиках¹⁰. Таким образом, хотя такие аргументы опираются на историю и философию науки, они привлекают и философию. Здесь нужно сделать предупреждение. Насколько это не книга о методе в его общепринятом понимании, настолько же это не работа по философии естественных или социальных наук в их расхожем понимании. Обоснование новых способов мышления о методе (по крайней мере, как я их понимаю) заключается в их результатах и последствиях, а не предшествующих им условиях. Тем не менее разрабатываемые мной аргументы все же имеют философские послышки. Они опираются на некоторые тезисы философии науки, а также философский романтизм и постструктурализм (вероятно, это современная форма романтизма). Скажу несколько слов об этих двух традициях.

Социальная наука боролась с наследием философского романтизма по крайней мере двести лет (одновременно сражаясь с его зеркальным отражением, классической верностью разуму и познанию, встроенной в проект Просвещения¹¹). Позднее я затрону некоторые из релевантных аргументов. Пока же полезно просто отметить, что в подходы многих выдающихся социальных теоретиков (к примеру, Карла Маркса, Георга Зиммеля, Макса Вебера, Георга Лукача, Джорджа Герберта Мида и Вальтера Беньямина) встроены существенные элементы философского романтизма. Это значит, что они, хотя и по-разному, разделяли один набор представле-

10. Такая формулировка пренебрегает некоторыми важными различиями между авторами STS. Некоторые из них я разбираю в последних главах.

11. Gouldner (1973).

ний: мир так богат, что наши теории о нем обречены схватывать только его часть; что, следовательно, есть палитра возможных теорий о совокупности возможных процессов; что эти теории и процессы, вероятно, несводимы друг к другу; и наконец, что мы не можем покинуть мир и занять за его пределами позицию всеобъемлющего «взгляда из ниоткуда», который склеивает всю теорию и процессы.

Сходные интуиции можно найти у таких постструктуралистских авторов, как Мишель Фуко, Жиль Делез и Жак Деррида. Вместо предположения о существовании особой внешней реальности, на которой мы основываем свои попытки познать мир, эти авторы мобилизуют такие метафоры, как поток, чтобы подчеркнуть, что наличное в мире не может быть по-настоящему или исчерпывающе схвачено исследовательскими сетями науки и социальной науки в частности (на самом деле любой формой познания). Они говорят о «дискурсе», «отсрочке» или «эпистеме», чтобы указать на методологические усилия, направленные на создание и познание ограниченных моментов в потоках, производящих реальность.

Философский романтизм и постструктурализм способствовали формированию ряда методов (в основном качественных) в социальной науке. Они послужили источником эмпирических исследовательских стилей в социологии, антропологии, культурных исследованиях, феминизме, социально-экономической географии и исследованиях науки, технологии и общества (STS). Чтобы увидеть, какую форму эти философские интуиции приняли в методологической практике¹², можно обратиться

12. Последние примеры: Campbell (1987) в понимающей социологии, Becker (1982) в символическом интеракционизме,

к понимающей социологии, символическому интеракционизму, антропологии и культурным исследованиям различия, постколониальным исследованиям, акторно-сетевой теории или некоторым ветвям феминистских исследований технонауки. Несмотря на это, обсуждения метода в социальной науке чаще всего означают нечто совсем другое — это определенная версия строгости. Это идея о том, что важно добиваться наилучшего и технически ясного, насколько это возможно, объяснения реальности, в котором предполагается (выше я об этом говорил), что реальность это достаточно определенный набор познаваемых сущностей и процессов. *Таков* мир: набор гипотетически обнаружимых процессов¹³.

Моя задача — расширить метод, подорвать его и по возможности переделать. Я бы хотел освободить тему метода от ее «гигиенического» наследства, избавившись от моралистической идеи, мол, здоровую научную жизнь можно вести только правильно применяя методы. Согласно этой идее, только так можно открыть отдельные истины, с которыми хотя бы на время согласятся все разумные люди. Кроме того, я хотел бы освободить метод от того, что я на-

Said (1991) в постколониальных исследованиях (*Саид Э. Ориентализм. М.: Русский мир, 2006. — Примеч. пер.*), Latour (1996; 1998) в так называемой акторно-сетевой теории и Нагаву (1991b) в феминистских исследованиях технонауки.

13. Символический интеракционизм дает нам пример преимущественно романтического по характеру подхода к методу, который впоследствии стал скромнее, чтобы соответствовать гораздо более определенному и детерминированному образу мира, который бытовал в социологии в США после Второй мировой войны. К примеру, обратите внимание на предпосылки, встроенные в метод обоснованной теории. Есть прекрасный исторический и философский обзор: Rock (1979).

зываю «единственностью»: это идея, утверждающая, что определенные и ограниченные множества процессов, единственные наборы процессов, становятся доступны, только если исследователь ведет здоровую научную жизнь. Также я хочу избавить тему метода от приверженности особой версии политики: пока ученый не занимается конкретными, более или менее ограниченными феноменами (например, класс, гендер или этническая принадлежность), его работа лишена политической значимости. Я хочу подорвать метод, поспособствовав переделке методов: более не морализирующих и способных на воображение и участие в политике и других формах блага новаторскими и творческими способами; не постулирующих единственность и творчески отвечающих на вызовы мира, конституированного избытком порождающих сил и отношений.

Для этого нам придется избавиться от многих из своих методологических привычек, в том числе желания определенности, ожидания регулярных и более или менее устойчивых выводов о том, каковы вещи в реальности; убеждения, что, будучи исследователями социального, мы обладаем особой проницательностью, которая позволяет нам глубже и дальше, чем другим, прозревать некоторые части социальной реальности; а также ожиданий всеобщности, вписанных в то, что часто называется «универсализмом». Но прежде всего нам нужно избавиться от желания и ожидания безопасности.

Метод, как мы его обычно понимаем, — это система для предложения более или менее доходных гарантий. Он обещает в той или иной степени быстро и безопасно довести нас до пункта назначения, то есть знаний о процессах, действующих в едином мире. Обещает снизить риски, с которыми мы сталкиваемся на протяжении всего пути. Метод позво-

ляет нам отбраковать ложные гипотезы: это важная часть саморепрезентации методологии, и у нее есть важные достоинства¹⁴. Еще он позволяет нам узнавать, что *отдельные методы* не работают. Но в качестве рамки, метод *как таковой* по крайней мере временно надежен. Дело в том, что он работает как множество обходных путей, наилучшим образом связывающих нас с реальностью и позволяющих более или менее быстро возвращаться из реальности в свои лаборатории и кабинеты с находками, достаточно безопасными по крайней мере до поры до времени¹⁵. Но от этого нам более всего и надо отучиться. Метод в предлагаемой мной версии зачастую будет медленным и изменчивым. Рискованный и тревожный процесс — понадобятся время и усилия, чтобы создать реалии и удержать их хоть на момент в борьбе против потоков и неопределенности вокруг.

У Дэвида Аппельбаума есть замечательная книга «Остановка»¹⁶. В ней быстроте зрения противопоставляется ощупывание у слепого человека. «Нам кажется, — пишет автор, — что у слепого нет зрения». Несомненно, так и есть. Но тезис Аппельбаума состоит в том, что у движения наощупь, прерывистого продвижения посредством палки, тоже есть свои преимущества. Слепой, поскольку

14. Этот аспект систематизирован Карлом Поппером, см.: Popper (1959) (*Поппер К. Логика научного исследования* / пер. с англ. под общ. ред. В. Н. Садовского. М.: Республика, 2004. — *Примеч. пер.*). В более современном контексте реализм и критический реализм описывают себя как фаллибилистские методы. См., например, описание в: Benton, Craib (2001).

15. Латур высказывает схожие вещи о теории, когда ее представляют себе как нечто, что можно быстро и легко переместить. «Это не так», — говорит он. На практике требуется проделать огромный объем работы. См.: Latour (1998).

16. Appelbaum (1995).

ку он движется методом пробы, воспринимает то, что зрячий не видит. Дело в том, что вместо использования прямых линий зрения, направленных к удаленным объектам, слепой ощупывает весь свой путь по местности. Аппельбаум утверждает, что в ощупывании есть своего рода колебание, это «колеблющееся восприятие». Речь идет

о собирании к моменту появления нового. Это восприятие следов скрытого смысла. Это восприятие, принадлежащее остановке¹⁷.

Так понятая слепота предполагает диапазон чувствительности и восприимчивости, недоступный для зрячего. Слепота больше не является нехваткой. Или, если это нехватка, то одновременно и выигрыш. Этот урок Аппельбаума поучителен. Данная книга посвящена методу (и реальности), то есть тоже остановке. Остановка замедляет нас. На то, чтобы что-то сделать, уходит больше времени. Больше времени нужно, чтобы понять и осмыслить. Остановка рассеивает идею, надежду, убеждение, что мы можем видеть до горизонта, можем охватывать взглядом огромные пространства. Она разрушает идею, что, охватив взглядом пространство, можно получить представление о единой реальности. Так что у остановки есть свои издержки. Мы меньше узнаем о некоторых типах вещей, но больше — о гораздо более широком диапазоне реалей. И мы принимаем участие в создании этих реалей (по крайней мере, я буду доказывать это).

Метод? То, с чем мы тут имеем дело, это, конечно, не только метод. Это не просто набор техник, или философия метода, или методология. Речь

17. Ibid. P. 64.

даже не о видах реалий, которые мы хотим узнать, и не о видах миров, которые мы надеемся создать. Речь, по сути, о способе существования. О том, какими видами социальной науки мы хотим заниматься. И, в продолжение этого, о том, какими людьми мы хотим быть и как нам следует жить¹⁸. Методу соответствуют работа, способы работы и способы существования. Я бы хотел, чтобы мы работали настолько успешно, вдохновенно и щедро, насколько это возможно в социальной науке. И размышляли над тем, что значит хорошо работать.

Аппельбаум пишет, что «опасность метода состоит в том, что он ведет к механической замене»¹⁹. Последняя не имеет ничего общего с машинами, но связана с автоматом. Я надеюсь, что мы можем научиться жить так, чтобы меньше зависеть от автоматов. Жить посредством медленного, или уязвимого, или мягкого метода. Множественного метода. Скромного метода. Изменчивого метода. Таковы черты метода, развитие которого я бы хотел увидеть в социальной науке и за ее пределами.

УДОВОЛЬСТВИЯ ЧТЕНИЯ

Почему книги делятся на две категории, художественные и академические? Почему романы читаются по выходным, в праздники или 10 минут перед сном? Почему учебные пособия читают днем, в самое оживленное время?

Или другой вопрос. *Как* читаются столь разные типы книг? Почему чтение романа доставляет удовольствие не только благодаря сюжету и героям, но и благодаря использованию слов? Если поразмышлять над удовольствием от чтения хорошо написанного романа (в котором слова тщательно подобраны и верно вы-

18. Addelson (1994).

19. Appelbaum (1995).

строены), то можно спросить: какое удовольствие приносит чтение академических текстов? И многие ли из академических книг хорошо написаны на уровне слов? А на уровне мастерства?

Эти два типа книг часто, а может быть, и в основном читаются очень по-разному. Если мы читаем романы, мы читаем их часто как действие в себе, получая удовольствие от чтения, «хорошего чтива» триллера или искусных текстов Барбары Кингсолвер, Пенелопы Лайвли или Джона Максвелла Кутзее. Приносить удовольствия — их суть. В то же время, полагаю, академические книги мы нечасто читаем ради удовольствия от самого чтения, наслаждения самим путем, так сказать. Скорее, мы читаем ради пункта назначения, куда нас приведет книга, куда мы будем доставлены. Конечно, мы получаем удовольствие от хорошо написанной академической книги — мне на ум приходят в основном исторические. Но интересно другое.

Тогда, возможно, разграничение проходит между средствами и целями. Романы — это цели в себе, их стоит читать сами по себе. Академические тексты — средства для других целей. Текстура, само письмо — все подчинено этим целям. Быть может, приятнее путешествовать первым классом, чем третьим, но прибудем мы в итоге в один пункт назначения.

Что бы изменилось, если бы мы применили к академическим текстам критерии, обычно применяемые к романам (или даже больше, к поэзии)? Не опустеют ли библиотечные полки, ведь тогда целые категории книг дисквалифицируют себя? Что у нас останется? И, что важнее, если бы нам пришлось писать свои академические тексты, как если бы они были поэмами, а каждое слово имело вес, то как именно по-другому мы бы писали? Сколько бы мы вообще писали?

Конечно, нам бы пришлось иначе представить себе репрезентацию. Поэзия и романы *производят* вещи в борьбе с субстанциями языка (the materials of language). Это вещи, которые считаются воображаемыми. Важно именно создание, процесс или эффект создания. Текст в течение всего процесса не может быть отделен от того, что производится, слово за словом, в то время как полки академических книг спешат описать реаль-

ность, лежащую вокруг них, и указать на нее. Они референциальны, остенсивны. Они рассказывают нам о том, что есть вокруг нас.

Как же тогда представить себе академический стиль, который бы заботился о качестве своего письма? О творческой составляющей своего письма? Что тем самым изменилось бы для референта, для внешнего?

STS

Аргументы из области STS (наука, технология и общество) будут играть важную роль в аргументации этой книги. То есть, хотя я и опираюсь на ряд ресурсов, моим рычагом Архимеда является, в основном и прежде всего, STS. Поэтому стоит сказать несколько слов об этой дисциплине и ее роли в моем доказательстве.

STS — это исследование науки и технологии в социальном контексте. Базовая интуиция проста: научное знание и технологии развиваются не в вакууме. Скорее, они участвуют в социальном мире, формируются им и одновременно формируют его. Некоторые из следствий этой интуиции бесспорны. Кто станет отрицать социальную значимость геномики или информатики или возьмется доказывать, что они не сформированы социальными или экономическими интересами? Другие следствия менее очевидны и гораздо более спорны. Патриархальна ли структура современной научной аргументации? Является ли содержание научного знания одновременно по сути своим социальным? Обязательно ли научная теория и практика несет в себе и реализует социальную и политическую повестку? Является ли социальной случайностью различие между научным изысканием и знанием, с одной стороны, и иными формами познания или опыта —

с другой? Каков характер производимого учеными знания — оно в той или иной мере обусловлено контекстом и локально или же универсально? Способствует ли научная практика производству описываемых и объясняемых в ней объектов? Многие из STS-исследователей ответили бы утвердительно на каждый из этих вопросов. Однако очевидно, что все они в той или иной степени идут против здравого смысла, равно как и против многих версий общепринятой философской мудрости.

Поэтому по мере того, как я буду развертывать аргументы из STS (и релевантных позиций, выстраиваемых в таких дисциплинах, как антропология, социология и культурные исследования), мы будем углубляться в более или менее незнакомые и иногда тревожащие области. Но это и есть мой объект. За 30 лет существования в STS были выдвинуты серьезные и контринтуитивные тезисы о характере науки. Их следствия имеют потенциально глубокое значение для деятельности естественных наук. Но если у этих тезисов есть следствия, важные для естественных наук, то они потенциально важны и для социальных наук. Печально, что эти аргументы (и их следствия) не сыграли большей роли в социальной науке и ее рефлексии по поводу метода и методологии.

Что ж, таков предмет этой книги. Я прорабатываю некоторые из находок STS в контексте социальной науки и тем самым пытаюсь дестабилизировать стандартные версии здравого смысла социальной науки. Это значит, что мое доказательство будет двигаться между естественными и социальными науками. Конечно, между ними есть существенные различия, но здесь меня в основном интересуют общие черты. Полагаю, они поучительны и важны. С этого я и начну.

Набросок аргументации

В Главе 2 я предлагаю подход к лабораторной этнографии, описанной исследователями из STS-лагеря: Бруно Латуром и Стивом Вулгаром. Они рассматривали проблему того, как производится научное знание. Ответ этих исследователей таков: оно производится смешанным набором практических контингентностей. Но самое поразительное — это их сопутствующий тезис: в своей практике наука и *производит*, и описывает реальность. Это краеугольный камень моего доказательства. Он противоречит здравому смыслу, и его легко неверно понять, поскольку звучит он так, будто «все дозволено»²⁰ и можно верить во что угодно. Но это ошибочная трактовка. Если реалии и можно строить, то делать это сложно, показывают Латур и Вулгар. На практике блестящие идеи очень далеки от реальности. И ключевое слово здесь «практика». Если новые реалии «там-вовне» и новое знание этих реалий «здесь-внутри» должны твориться, то практики, способные справиться с хинтерландом уже существующих социальных и материальных реальностей, также должны выстраиваться и поддерживаться. Я называю реализацию хинтерланда и его пучка ветвящихся отношений «метод-сборкой».

Но сходятся ли эти практики воедино, чтобы произвести единую реальность? В Главе 3 я разби-

20. Это схоже с философией Пола Фейерабенда, во многом не понятой. Его приверженность методологическому анархизму проистекает из его допущения, что пролиферация методов порождала бы лучшую и наиболее строгую науку. См.: Feurabend (1975) (*Фейерабэнд П.* Против метода: очерк анархистской теории познания. М.: АСТ; Хранитель, 2007. — *Примеч. пер.*). Перевод этих идей в социальную науку: Phillips (1973).

раю подход Анн-Мари Мол к практикам медицинской диагностики и доказываю, что не сходятся. Она демонстрирует, что разные практики производят не только разные *точки зрения*, но и разные *реалии* — даже в тех случаях, когда речь вроде бы идет о состояниях организма, обусловленных только одной болезнью. Она называет это «проблемой множественности». Но если есть разные реалии, то возникает много вопросов. Как они соотносятся? Как мы выбираем между ними? Как нам следует это делать? По мнению Мол, нам нужна *онтологическая политика*. Если истина сама по себе не является «золотым стандартом», то, возможно, есть дополнительные *политические* причины для предпочтения и реализации той или иной реалии. Во всяком случае, такая возможность есть.

Если произведенные с помощью методов реалии множественны, то должны ли они быть определенными и обладать постоянной формой? В Главе 4 дается отрицательный ответ. На примере еще двух исследовательских случаев (лечения алкогольного поражения печени в Национальной службе здравоохранения Великобритании и водяного насоса в Зимбабве) я покажу, как реалии могут менять свои формы или становиться в какой-то степени неопределенными. Но так ли это? Разве втулочный насос или алкогольное поражение печени — это не вполне определенные объекты, которые мы просто не смогли хорошенько понять? Является ли неопределенность наших представлений следствием методологической ошибки? Возможно. Но я так не думаю. Напротив, я доказываю, что (социальной) науке кроме прочего следует попытаться создать и познать неуловимые и неопределенные реалии, *потому что значительная часть мира реализуется именно так*. В таком случае требуется более широкое понимание методов

науки. Я предлагаю понимать их как метод-сборки, то есть как реализации отношений, разделяющих вещи на присутствующие «здесь-внутри» (репрезентации, объекты, восприятия) и отсутствующие «там-вовне». У последних есть две формы: явленное отсутствие (к примеру, как то, что репрезентировано) или более проблематичный хинтерланд неопределенной, необходимой, но скрытой Инаковости.

Но если это так, то как мы можем узнать о неопределенном или не-связном? Ясно, что мы не можем познать нечто неопределенное, лишенное границ. Оно беспрестанно ветвится. Но мы по крайней мере можем изучить этот вопрос, и это тема Главы 5, где я рассматриваю аллегорию как метод не-связной репрезентации. Здесь опять в ход идут примеры. Я доказываю, что сокращенный набор предпосылок можно понять как аллегорию сбоя организации службы здравоохранения, поскольку он толерантен к множественным, рассеянным и не-связным реалиям. Кроме того, опираясь на работу Вики Синглтон, я предполагаю, что британская программа профилактики рака шейки матки удерживает свое единство как с помощью противоречивости, так и с помощью непротиворечивости — то есть повсеместной практикой аллегорического. Наконец, я доказываю, что ужасы железнодорожной катастрофы тоже можно понять как перформативную аллегорию железнодорожного беспорядка — а также боли и страдания. Все это способы познания, метод-сборки, которые не производят и не требуют четких, определенных и стройных подходов. И они не делают этого именно потому, что представляемые ими реалии избыточны и находятся в движении, а не четки, определены и просто организованы. Но это не значит, что они не хороши как методы.

Итак, метод-сборка работает в ситуации множественности, неопределенности и постоянного движения. Но как можно об этом мыслить? Что *есть* метод — или метод-сборка? В Главе 6 я разбираю этот вопрос на материале трех очень разных исследовательских областей: техники управления, социологической этнографии и религиозного опыта. Я доказываю, что все они — метод-сборки, поскольку обнаруживают, резонируют и усиливают конкретные паттерны отношений в избыточных и захлестывающих потоках реального. Это и есть определение метода-сборки: это комбинация детектора и усилителя реалии.

В Главе 7 я возвращаюсь к вопросу истины и задаюсь вопросом о последствиях того, что истина больше не является методологическим золотым стандартом, единственным «благom». Политика, как мы видели, является другим «благom», но есть и иные. Это эстетическое (красота) и духовное, или священное. Этот аргумент я разрабатываю, обращая внимание на формы метод-сборки там, где мало пытаются провести различие между такими благами. Используя материалы, полученные при исследовании практик австралийских аборигенов, и тексты Хелен Верран и Дэвида Тернбулла, я показываю, что в космологии аборигенов мало европейско-американских допущений о репрезентации и реальности. Нет никакой универсальной реальности. Реалии не гарантированы, напротив, они должны осуществляться в практиках. Мир не пассивен и не ждет, пока его увидят люди. Космология аборигенов соединяет блага, которые в европейско-американской метафизике обычно разделяются, и в ней явным образом все есть реализация. Это вовсе не значит, что практики науки и социальной науки должны следовать модели аборигенов, но этим еще раз де-

монстрируется, что метафизики метода, в принципе, бесконечно разнообразны.

Аргументация книги поднимает ряд в разной степени радикальных вопросов о методе, им посвящена Глава 8. Я отстаиваю более щедрый и открытый подход к методу и в ходе этого кратко затрагиваю некоторые беспокоящие вопросы о характере и роли академического исследования, а также о знании в целом. Дело в том, что лежащее в основе академии разделение труда между благом истины и другими благами (политикой, эстетикой, справедливостью, любовью, духовным, священным и личным) постепенно стирается. Это значит, что нам нужно обращать внимание не только на наши практики, но и на институты, если мы хотим создать более скромные и щедрые методы. Возможно, нужная нам модель, или одна из нужных, это модель «частичного соединения»²¹. Во всяком случае, если моя аргументация вообще работает, то нам нужно найти способ жить в ситуации неопределенности. Гарантий и золотых стандартов, предлагаемых для методов и методами, уже недостаточно. Нам нужно найти пути разработки скромных методов, медленных методов или нетребовательных методов. В частности, нужно найти способы создания методов без сопутствующих империализмов.

Интерлюдия: об эмпиризме и автономности

У европейско-американского здравого смысла есть склонность к одному рефлексу: важно установить условия, при которых наука может должным образом

21. Strathern (1991).

работать. Дело в том, что научное изыскание нуждается в защите от искажений, могущих прийти извне. Такая идея часто, хотя и не всегда, связывается с «эмпиризмом» и «позитивизмом». *Эмпиризм* — это семейство традиций в философии науки, которые утверждают, что научные истины вырастают из верно проведенных эмпирических наблюдений и производятся путем их обобщения. *Позитивизм* — другой тесно связанный с эмпиризмом набор традиций, утверждающих, что научные истины — это строгие комплексы логических отношений или законов, описывающих отношения между (строгими) эмпирическими описаниями.

В социальных науках к эмпиризму и, особенно, позитивизму обычно относятся негативно. Рэймонд Уильямс, например, так пишет о позитивизме: «это бранное слово, которым никто не ругается»²². Это, конечно, так. Однако их базовые интуиции пронизывают европейско-американское обыденное мышление о естественной и социальной науке. Принято считать, что наблюдения должны быть непредвзятыми и репрезентативными, а теории — логичными и не противоречить друг другу и наблюдениям.

Социология науки, изобретенная Робертом Мертоном²³, отталкивалась именно от этого допущения. Для интуиций Мертона были веские причины: он писал во времена нацистской расовой науки и сталинской лысенковщины (согласно которой растения могут передавать и наследовать приобретенные признаки). Мертон доказывал, что такие провалы в функционировании собственно научных

22. Williams (1988). P. 239.

23. Merton (1973a; 1973b).

стандартов были следствиями провала попыток отделить науку от политической повестки в тоталитарном обществе. Эта повестка подрывала возможности непредвзятого наблюдения и логического рассуждения. Мертон считал, что наука должна быть защищена «этосом науки». Во-первых, она должна быть универсалистской, то есть ученые должны проверять свои идеи исходя из «предустановленных безличных критериев: согласующихся с наблюдениями и прежде доказанным знанием»²⁴. Это означает, что раса, гендер, политические пристрастия или национальная принадлежность не имеют никакого значения для установления истины. Во-вторых, наука должна быть *непредубежденной*. Научные утверждения должны оцениваться независимо от местных социальных, экономических, политических и личных интересов. В-третьих, наука должна быть *скептической*. Ученым не следует принимать что-либо на веру. (Мертон говорил об организованном скептицизме.) И, наконец, она должна быть *коллективной*: наука будет развиваться лучше всего, если ученые будут публиковать свои результаты.

Мертоновское понимание науки обнаруживает некоторые проблемы. (Например, едва ли возможны ученые, занимающие последовательно скептическую позицию: в действительности, чтобы исследование продвигалось, они вынуждены многое принимать на веру.) Проблемы есть и с эмпиризмом и позитивизмом (некоторые из них встретятся нам далее). Однако социология Мертона — подходящая точка для начала, поскольку он ясно указывает, что все, вмешивающееся в эмпирически подтвержденные и логически непротиворечивые выражения законо-

24. Merton (1973a). P. 270.

мерностей²⁵, нелегитимно, так как лишает силы эмпирический и логический базис истины. То есть теория Мертона ведет к тому, что исследование должно быть *изъято* из социального и психологического и сплетено только с логикой, фактами и методами для определения фактов²⁶.

Это язык, к которому мы вернемся. Разные понимания науки предполагают, что она должна быть (или уже) в разных отношениях вплетена в мир и из него изъята. У эмпиризма свой рецепт: наука (в том числе социальная) должна быть автономна, чтобы работать надлежащим образом. Она должна быть освобождена от влияния социального.

25. Ibid.

26. Я заимствую понятия сплетения (entanglement) и изъятия (disentanglement) у Мишеля Каллона. См.: Callon (1998a).

ГЛАВА 2

Научные практики

...орудия труда существуют только по отношению к смесям, которые они делают возможными или которые делают возможными их. Стремя влечет за собой новый симбиоз человека и лошади, каковой, одновременно, влечет за собой новое вооружение и новые инструменты. Орудия труда неотделимы от симбиозов или слияний, определяющих машинную сборку Природа-Общество. Они предполагают социальную машину, отбирающую их и принимающую в свой «*phylum*»-общество определяется собственными слияниями, а не орудиями труда. Сходным образом в своем семиотическом или коллективном аспекте сборка отсылает не к продуктивности языка, а к режимам знаков, к машине выражения, чьи переменные задают употребление элементов языка. Эти элементы достойны самих себя не более, чем орудия — себя.

*Жиль Делез и Феликс Гваттари. Тысяча плато: капитализм и шизофрения*¹

Высказывание, в противоположность утверждению, включает мир, находящийся в определенном состоянии... Тем самым, конструкция — это не исходящее от ума или общества представление о вещи, объекте, положении дел, а вовлеченность определенного типа мира в определенную разновидность коллектива.

*Бруно Латур. Предисловие: Шибболет Стенгерс*²

1. Цит. по: Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. Я. И. Свирского. Науч. ред. В. Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. С. 150. — *Примеч. пер.*

2. Latour (1997). P. xiii–xiv.

Устройства записи и реалии

В октябре 1975 года молодой французский философ приехал в Институт Солка³ в Сан-Диего. Его звали Бруно Латур. Позднее он напишет, что «ничего не смыслил в естественных науках», а уровень его английского языка был «очень слаб»⁴. Около двух лет он наблюдал за работой эндокринологов Института, а затем совместно с социологом науки Стивом Вулгаром написал об этом книгу — *Лабораторная жизнь*. Она вышла в 1979 году и вместе с несколькими другими работами⁵ способствовала появлению нового исследовательского поля — *этнографии науки*.

На протяжении этой книги мы будем внимательно наблюдать за этнографами во время их посещений научных лабораторий, клиник, больниц, религиозных церемоний и заседаний совета директоров. Также мы будем вести наблюдение за социальными (и другими) исследователями, когда они на практике производят знание. О чем говорит нам этнография науки? Ответ состоит в том, что этнография позволяет нам увидеть относительную неупорядоченность практики. Она смотрит по ту сторону официальных подходов к методу (как правило, очищенных и обнадеживающих), чтобы попытаться понять зачастую извилистые пути, которыми следует производство знания в исследовании. Важ-

3. Солк Джонас Эдвардс (1914–1995) — американский иммунолог. В 1963 создал в пригороде Сан-Диего Институт биологических исследований, названный его именем (Salk Institute for Biological Studies). — *Примеч. пер.*

4. Latour, Woolgar (1986). P. 273.

5. См., в частности: Knorr Cetina (1981) и Lynch (1985).

но, что этнография науки не видит необходимости в строгом разграничении между естественными науками, медициной, социальными дисциплинами или любыми другими вариантами исследования. Подобные разграничения бесполезны в ситуации беспорядочной смеси познавательных практик, открываемой этнографией. Она также стремится обнаружить непрерывности между естественными и социальными науками. Физики могут иметь собственные инструменты, но это в равной степени относится и к социологам. Многое из того, что мы узнаем о практике естественных наук, приложимо и к социальным.

Таким образом, первый тезис Латура и Вулгара таков: то, что они назвали «племенем ученых»⁶, не слишком сильно отличается от других племен. Ученые имеют культуру. У них есть верования и практики. Они работают, сплетничают и беспокоятся о будущем. И каким-то образом из своей работы, из своих верований и практик они производят знание, научное знание, отчеты о реальности. Как они это делают? Как они производят знание?

Обычно этнографы науки до некоторой степени *конструктивисты*: они утверждают, что научное знание конструируется в научных практиках. Это вовсе *не* означает, что оно конструируется учеными. Мы увидим, что научные практики включают (и предполагают) инструменты, архитектуру, тексты, т.е. целый ряд участников, простирающийся далеко за пределы множества людей. Но процесс построения научного знания — это и вопрос активности. Он требует работы и усилия. Аргумент состоит в том, что неверно представлять, будто при-

6. Latour, Woolgar (1986). P. 17.

рода запечатлевает свою реальность прямо в тех, кто ее изучает, при условии, что они просто отбросят в сторону свои предрассудки. Картина науки, представленная Мертоном, неверна. Но тогда каким образом создается эта конструкция?

Этнографы по-разному отвечают на данный вопрос. Однако Латур и Вулгар, которым я здесь слеую, рассматривают его в материальном аспекте. Они не назвали бы себя «материалистами», так как не считают, что все в конечном счете может быть объяснено в материальных терминах. Тем не менее их внимание обращено прежде всего на *материальность* — на физический состав лаборатории и ее архитектурную организацию. Например, лаборатория имеет химическую и физиологическую секции, в ней расположены рабочие столы и печатающие устройства, занятые преимущественно работой с документами. Далее, Латур и Вулгар говорят о пути движения материалов. Энергия, деньги, люди, химические реактивы, животные, инструменты, оборудование и разнообразные документы входят в лабораторию. В то же время люди, различные тексты, возможно, инструменты вместе с мусором и отходами из нее выходят. Если рассматривать лабораторию как систему материального производства, ее главным продуктом являются *тексты*. И они очень дорогостоящие: в ценах 1979 года они стояли около 30.000 долларов каждый. Несомненно, сегодня эта цифра оказалась бы значительно выше.

Если лаборатория Солка — это система материального производства, то как тогда различные ее материальные ресурсы превращаются в тексты? Латур и Вулгар прослеживают этот процесс при помощи нескольких шагов. Шаг первый: они замечают, что «рабочий стол выступает центром нашей произ-

водственной единицы»⁷. На рабочем столе расположены тексты двух видов: с одной стороны, это тексты, появившиеся в лаборатории извне (например, научные статьи или книги), с другой — тексты, произведенные внутри самой лаборатории. Но откуда берутся последние? Ответ следующий: они производятся тем, что Латур и Вулгар называют «*устройствами записи*».

И это второй шаг их аргументации. Устройство записи — это система (часто включающая машину, но к ней несводимая) для производства записей, или следов, из материалов, принимающих различные формы:

устройство записи — это любой элемент или специфическая конфигурация элементов, способная преобразовывать материальную субстанцию в числовые данные или диаграмму, непосредственно используемые одним из членов лабораторного пространства⁸.

Например, устройство записи может начать с крыс. Они будут принесены в жертву для получения экстрактов, которые поместят в небольшие тестовые пробирки. Затем данные тестовые пробирки будут размещены в машине (например, детекторе излучения), которая преобразует их в массив цифр и записей на листе бумаги. Предполагается, что эти записи имеют прямое отношение к «исходной субстанции».

В этой точке, на третьем шаге, происходит нечто интересное. Латур и Вулгар, утверждают, что *процесс производства следов отходит на задний план*:

7. Latour, Woolgar (1986). P. 48.

8. Ibid. P. 51.

Так конечная диаграмма или кривая становится центром обсуждения свойств субстанции. Промежуточная материальная активность и все аспекты зачастую длительного и дорогостоящего процесса заключаются в скобки в дискуссии о том, что значат полученные числовые данные⁹.

Аргумент состоит в том, что *материальность процесса оказывается стертой*. (Возможно, поэтому «конструктивизм» зачастую ошибочно рассматривается как концепция исключительно человеческой активности.) Ибо то, с чем впоследствии производятся манипуляции, это не крысы как таковые и даже не полученные из них экстракты. Скорее, это кривые, выведенные из числовых данных, полученных соответствующими устройствами записи. Именно кривые сопоставляются на рабочих столах исследователей.

Четвертый шаг этой истории — процесс разделения, обнаружения и именования:

Образцы мозгового экстракта подвергаются ряду *разделений*. Для этого используется какой-нибудь закрепляющий материал (например, гель или промокательная бумага) в качестве селективного фильтра, препятствующего смещению образца мозгового экстракта... В результате этого процесса образцы преобразуются в большое количество фракций, каждая из которых может быть тщательно изучена на предмет интересующих физических свойств. Результаты записываются в форме нескольких пиков на миллиметровой бумаге. Каждый из этих пиков представляет одну из выделенных фракций, которая может соответствовать ... отдельной химической субстанции... Для того, чтобы установить наличие этой субстанции, фракции возвращаются в физиоло-

9. Ibid. P. 51.

гическую секцию лаборатории для повторного анализа. Путем наложения результатов последнего анализа на результаты предыдущего очищения, можно увидеть частичное совпадение одного пика с другим. Если это совпадение может быть воспроизведено, то о фракции начинают говорить как о «субстанции» и дают ей имя¹⁰.

Этот момент очень важен. Латур и Вулгар говорят нам: именно *более или менее устойчивые сходства между кривыми* позволяют ученым утверждать, что они изолировали «субстанцию». Именно относительные сходства последовательно полученных кривых позволяют работающим в лаборатории называть нечто «субстанцией». В противоположность этому «ускользающие и мимолетные» субстанции, о которых свидетельствуют появляющиеся и исчезающие кривые, называются «артефактами» и игнорируются.

Хотя в чем-то их язык необычен, и они, конечно, увели нас в сторону от эмпиризма, но, то, что Латур и Вулгар говорили нам до сих пор, не так уж удивительно. А вот на следующем шаге мы действительно встречаемся с неожиданным:

Центральное значение материальной организации [лабораторных устройств записи] заключается в том, что ни один феномен, о котором говорят исследователи, не может без нее существовать. Например, без биоанализа нельзя было бы сказать, что субстанция существует. Биоанализ — это не просто средство получения некоторой независимо данной сущности. Биотест конституирует конструкцию субстанции¹¹.

10. Latour, Woolgar (1986). P. 60.

11. Ibid. P. 64.

«Без биоанализа нельзя было бы сказать, что субстанция существует». И это не просто манера речи. Опять же:

Дело не только в том, что феномены *зависят от* определенного материального инструментария. Скорее, феномены *полностью конституируются* материальным устройством лаборатории. Искусственная реальность, описываемая исследователями в терминах объективной сущности, в действительности была сконструирована при помощи устройств записи¹².

И это их пятый шаг: *конкретные реалии конструируются конкретными устройствами записи и практиками*. Позвольте мне подчеркнуть это: *реалии конструируются*. Но не людьми, а в практиках, ставших возможными благодаря сетям элементов, образующим устройство записи, а также сетям, внутри которых данное устройство записи функционирует. «Реалии, — говорят Латур и Вулгар, — попросту не существуют без соответствующих устройств записи». Они также утверждают, по крайней мере, имплицитно, что подобные устройства записи (и даже в большей мере их конкретные продукты) являются тщательно разработанными и объединенными в сеть сборками, которые более или менее неопределенны, более или менее способны удерживаться вместе и до некоторой степени ненадежны.

Очевидно, что данный способ рассмотрения научного исследования отклоняется как от общепринятых, так и от философских подходов к пониманию природы реальности и способов ее познания. Конечно, этот способ не является эмпирическим:

12. Ibid.

Мертон, наряду со многими другими, предполагает, что существует внешняя реальность определенной формы, ожидающая открытия — мы лишь должны найти к ней правильный подступ. Но не нужно быть эмпириком, чтобы почувствовать: это хорошая интуиция. Подобное представление лежит в основании гораздо более разработанных подходов к науке, например, различных версий реализма. Но что значит утверждать обратное, а именно: что реальности *конструируются* в сетях практик, включающих в себя устройства записи и их контексты? Что значит утверждение «без биоанализа *нельзя было бы сказать, что субстанция существует*»? Это загадки, которые оставляют нам Латур и Вулгар, и они являются центральными для аргументации данной книги.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ: ПЕРСПЕКТИВИСТСКИЙ ВЗГЛЯД НА РЕАЛЬНОСТЬ

Линейная перспектива. Историки искусства¹³ рассказывают нам, что она, известная античности и утерянная в Темные Века, была вновь открыта в начале XV века флорентийским архитектором Филиппо Брунеллески. В сущности, Брунеллески задавал себе следующий вопрос: возможно ли создать изображение здания, которое выглядело бы в точности как само здание? Его ответ, полученный в результате остроумного эксперимента с зеркалом, был «да, возможно»¹⁴. При должном прилежании изображение и в самом деле может воспроизвести пропорции своего объекта. Полученная система линейной перспективы позднее была развита и формализована еще одним архитектором Ренессанса Леоном Баттистой

-
13. Предлагаемый подход опирается на следующие исследования: Alpers (1989), Bryson (1983), Law, Benschop (1997), Rotman (1987).
 14. Использование разнообразных зеркал и оптики сыграло важную роль в развитии европейского изобразительного искусства с XV по XIX век. См.: Hockney (2001).

Альберти в его трактате *Della Pittura*, вышедшем в 1435 году. Он сообщал своим читателям, что заниматься искусством или наукой — значит думать о картине как об окне, через которое смотришь в направлении того, что должно быть нарисовано. Или, лучше, думать о ней как об изначально прозрачном экране, сквозь который может быть увиден внешний мир.

Но как это сделать? Альберти делает два шага. Первый шаг состоит в том, чтобы вообразить существование зрительных линий, исходящих от мира за окном/экраном, проходящих через экран и достигающих глаза художника. Если художник может отметить точку, где зрительные линии проходят через экран по пути к его глазу, то он с успехом может воспроизвести любой объект внешнего мира. Рельефная трехмерная реальность по ту сторону фигуративного окна преобразуется в двумерную репрезентацию. Таким образом, первый шаг состоит в том, чтобы вообразить зрительный конус, начинающийся или заканчивающийся в глазу. Зрительные линии, заканчивающиеся или берущие свое начало в глазу, веером расходятся через фигуративное окно к объектам в мире за этим окном.

Второй шаг — это изобретение того, что обычно называют «точкой схода». Главный вопрос здесь в том, как наилучшим образом сохранить пропорции объектов внешнего мира, когда они преобразуются в репрезентацию на двумерной поверхности. Альберти предлагает нам вообразить второй конус, другой веер. Но на этот раз вместо схождения в глазу художника, он сходится *по ту сторону* картины/окна, в середине зрительного поля, в дальней точке на горизонте, расположенной прямо напротив глаза художника. Это точка, в которой сходятся грани объектов реального мира, находящиеся под правильными углами к картине/экрану. В целях облегчения написания картины этому художнику нужно нарисовать этот второй конус, изобразить его на двумерной поверхности картины/экрана.

Какую форму он принимает? Он становится набором линий, расходящихся из одной точки на поверхности. Это и есть точка схода. Ее положение фиксировано, поскольку здесь линия, проходящая через центр двух созданных конусов (один сходится в точке схода вовне, в мире, а другой — здесь, в глазу художника) проходит сквозь поверхность картины/окна.

Данное теоретизирование только малая часть истории. Правила линейной перспективы были разработаны в самом конце XIV века итальянскими художниками. Историки искусства, такие как Норманн Брайсон¹⁵, показывают, что и в самом деле потребовалось несколько поколений, чтобы новая техника прочно вошла в репертуар художников Ренессанса. Частично это объясняется доступностью иных мощных традиций репрезентации, например, модели всевидящего Божественного Ока и символизма, добавляемого к различным изображаемым чертам природы или тела (*gesture*). Тем не менее новая техника вела к таким сильным репрезентациям, как «Обручение Девы Марии» Рафаэля (1504 г.)¹⁶.

Пять допущений о реальности

Чтобы осмыслить истории о лаборатории Солка и западном перспективизме, я должен говорить о «реальности», о том, что есть, и о том, чего нет вовне, в реальном мире. Мне нужно заняться тем, что философы называют «метафизикой» или «онтологией». *Онтология* — это часть философии, изучающая то, что *есть* или что может быть¹⁷. Философы говорят о *метафизике*, когда размышля-

15. Bryson (1983).

16. Рафаэль. Обручение Девы Марии. 1504. Дерево, масло. Пинакотека Брера, Милан.

17. Например, «идеализм» — это онтология, утверждающая, что нет ничего материального. Все, включая материальное, создается духом, разумом или процессом познания. Напротив, материализм — это онтология, утверждающая, что все материально. «Дух» или «сознание» являются выражениями материального. Последнее хорошо известно в социальных науках отчасти благодаря марксистской традиции. Известно, что Маркс в своем историческом материализме поставил идеалистическую диалектику Гегеля с головы на ноги.

ют о непроверяемых и зачастую неявных допущениях, упорядочивающих опыт. С философской точки зрения, мы все работаем в терминах до некоторой степени непроверяемых метафизических (и онтологических) предпосылок. И это не проблема: здесь нет выбора! Но меня интересуют те предположения о реальности, которые делаются в этих двух историях, и особенно то поразительное заключение Латура и Вулгара, согласно которому отдельные реалии конструируются в наборах практик, включающих специфические устройства записи. В то же время меня интересует и то, почему эта мысль для нас удивительна.

Чтобы разобраться с этими вопросами, мне хотелось бы выделить допущения, которых представители европейско-американской культуры склонны придерживаться, когда они (в действительности — мы) мыслят о том, чем заняты в мире ученые, социальные исследователи или обычные люди. Иными словами, когда мы мыслим о реальности, о том, что есть, об онтологии.

Прежде всего (и это допущение наиболее общее), оказывается, что наш опыт во многом (если не полностью) организован вокруг интуиции, что *там вовне есть реальность* — за пределами нас самих. Заметьте, что если мы допускаем это, то не связываем себя с чем-то очень специфическим. На самом деле, я сформулировал данное положение в манере одновременно слишком общей и расплывчатой. Это «вовне» может принимать разные формы. Давайте думать о нем как о «примитивной» или «изначальной» версии реальности и говорить о нем просто как о *там-вовне*, или *внешнем*. Но для большинства евро-американцев (во всяком случае, на протяжении большей части времени) чувство реальности, носителями которого они являются (мы являем-

ся), оказывается гораздо более нюансированным. Что же оно в себя включает? Вот некоторые дополнительные предположения.

Большинство из нас, думаю, неявно предполагают, что эта внешняя реальность обычно независима от наших действий и в особенности от наших восприятий¹⁸. Обратите внимание, что данное положение (я назову его *приверженностью «независимости»*) не тождественно допущению там-вовне, или внешнего, в его изначальной, примитивной форме. Как я отметил, внешнее, по крайней мере в принципе, может переживаться как более тесно связанное с нашими восприятиями, как более зависимое от них, чем это обычно имеет место в европейско-американской культуре¹⁹. Я говорю «обычно», так как существуют направления современной науки (например, квантовая механика), в которых реальность рассматривается как тесно связанная с любой попыткой ее измерить.

Другое, до некоторой степени родственное, допущение здравого смысла состоит в том, что внешняя реальность возникает до нас, она нам предшествует. Опять же, данное положение не тождественно примитивной приверженности внешнему. Это ее возможная версия или детализация, но можно представить и альтернативы, например теологию или метафизику, в которой внешнее возмож-

18. Я пишу «обычно», потому что мы также принимаем во внимание, что иногда наши действия воздействуют на определенные части внешней реальности, особенно в случае социальной реальности. Философские реалисты, к примеру, проводят различие между транзитивным и нетранзитивным. Хороший обзор см.: Sayer (2000).

19. В Главе 7 я рассмотрю космологию австралийских аборигенов, которая, как представляется, выражает именно эту связь.

но лишь в отношении к познающему и разумному существу или же в отношении к набору методов, позволяющих обнаружить и постичь данную реальность. Варианты подобной точки зрения (обычно квалифицируемые как философский идеализм) время от времени обсуждались в западной метафизике. Но кроме, наверное, некоторых физиков в их профессиональной жизни, евро-американцы, как правило, не воспринимают вещи таким образом. Такой вариант внешнего, предполагающий, что оно предшествует нам, я буду называть «*предшествованием*».

Следующее допущение здравого смысла: внешняя реальность имеет множество *определенных форм или отношений*, или образована ими. И снова, это положение не содержится непосредственно в примитивном подходе к внешнему. Скорее, оно выступает в качестве его возможной операционализации или ее варианта. Можно, например, жить в мире, в котором все, что происходит, оказывается смутным, рассеянным, неопределенным, текучим, ускользающим и/или неразрешимым — и принимается в качестве такового. И хотя социальный мир иногда воспринимается таким образом, европейско-американский эмпирический опыт обычно так не работает. Он опирается на допущение, что мир более или менее конкретен, ясен, определен, определим и разрешим. Конечно, мы можем мечтать и воображать, двигаясь по смутным и неопределенным тропам, но это не имеет никакого отношения к реальности. Индивиды и группы могут иметь неясные и туманные (или просто ошибочные) представления о характере мира. Наши методы постижения мира могут оказаться слабо развитыми, искаженными или сами по себе расплывчатыми. Но все это обычно рассматривается

как провал тех, кто пытается получить правильное знание, а не как свойство самого мира. Данное положение я буду называть допущением «*определенности*».

Еще одно допущение здравого смысла сводится к тому, что мир является общим, совместным. Он *везде один и тот же*. Это положение также не следует из примитивного подхода к внешнему. Различные индивиды, группы и культуры могут существовать в разных мирах. Можно представить себе множество вариантов реального (это не тождественно множеству точек зрения на одну и ту же реальность). Эта возможность применительно к контексту социальной жизни иногда рассматривается, может быть, несколько метафорически: разные люди живут в разных «социальных мирах». Тем не менее, за исключением части физиков, это вовсе не обычное европейско-американское представление о физическом или в конечном счете социальном мире. Последнее привержено принципу «*единственности*».

Легко представить себе другие возможные формы или характеристики реального. Соблазнительно, к примеру, подумать о *постоянстве* как следующей категории. (Остаются ли процессы или объекты в целом теми же самыми, пока не подверглись возмущению? Большинство евро-американцев ответят утвердительно.) Другая возможная черта, к которой я еще вернусь в конце книги, это *пассивность* (в европейско-американской версии реальное, как правило, «расколдовано» и видится пассивным). Еще одна характеристика реального (хотя, возможно, она во многом выполняет ту же работу) — *универсализм*. Но остановимся. На данный момент этого исходного списка достаточно, так как он позволяет провести различие между:

- a. перспективизмом Альберти;
- b. пониманием Латуром и Вулгаром научного исследования в лаборатории Солка;
- c. представлением ученых о своей работе (которое, вероятно, не слишком отличается от мертоновского);
- d. нашим возможным удивлением тому выводу, который сделали Латур и Вулгар.

Начнем с перспективизма Альберти. Следовать ему значит следовать всему списку черт. *Внешнее?* Конечно. Перспективизм опирается на строгое различие между наблюдателем и наблюдаемым. *Независимость?* Хотя перспектива на протяжении по крайней мере пятисот лет была для западных художников инструментом творчества и воображения, все же главная проблема (вспомните Брунеллески) состояла в том, чтобы найти способы представления внешнего мира. *Предшествование?* Опять же, вспомним Брунеллески: перспектива должна представлять пред-существующий мир. Это предполагает, что мир уже есть вовне и ждет, чтобы его изобразили. *Определенность?* Снова да. Важно, что аппарат перспективизма артикулирует самую конкретную и точную версию того, что значит быть определенным. Система перспективы — это проекция, основанная на предположении, что мир является евклидовым пространством и что это пространство заполнено представимыми объектами, обладающими евклидовыми объемами. Заниматься наукой или искусством значит открывать и следовать правилам, позволяющим переносить трехмерные объемы на двумерную поверхность. И, наконец: *единственность?* И вновь да. Линейная перспектива имеет собственную трактовку единственности мира.

Если пространство является евклидовым и заполнено объемными телами, то отсюда следует, что из различных точек нам будут открываться разные виды или перспективы. В то же время, поскольку правила эксплицитны, они обеспечивают проекцию единичного объекта трехмерного мира из нескольких перспективных точек зрения. Поэтому перспективизм решительно отвержен не только специфической версии определенности, но и своеобразному, основанному на пространстве варианту единственности. Знание мира укоренено в субъекте.

Но достаточно о перспективизме. Его вариант внешнего весьма своеобразен. А как насчет ученых в Лаборатории Солка? Взгляните на следующий отрывок из разговора двух ученых этой лаборатории, приводимый Латуром и Вулгаром в «Лабораторной жизни»:

Дитер: Есть ли структурная связь между меланостимулирующим гормоном и бета-липотронным гормоном?

Роза: Как известно, у этих гормонов есть общие компоненты. ... Мог бы ты ожидать, что в синапсоме обнаружатся протеолитические ферменты?

Дитер: Конечно.

Роза: Хорошо, это давно известно?

Дитер: Ну... И да и нет. Есть статья Харрисона, показывающая, что у них не получилось²⁰.

Как и любую другую беседу, этот диалог можно проинтерпретировать по-разному. Прямолинейное прочтение предполагает, что Роза и Дитер, как и ху-

20. Latour, Woolgar (1986). P. 160.

дожники эпохи Альберти, принимают все пять характеристик реальности, рассмотренные выше. *Примитивное внешнее?* Да. Меланостимулирующий гормон и бета-липотронный гормон — внешние сущности, появляющиеся в разговоре. *Независимость?* Да. Каждая из этих структур рассматривается как имеющая свойства, независимые от верований, идей и практик научного сообщества. *Предшествование?* Да. Гормоны существуют до всякой попытки их познать. *Определенность?* Конечно. О том и речь. Предполагается, что меланостимулирующий гормон, бета-липотронный гормон и протеолитические ферменты имеют определенные свойства. Трудность, с которой борются Роза и Дитер во второй части диалога, не ставит это допущение под вопрос. Сомнение у ученых вызывают, скорее, конкретные свойства ферментов. И, наконец, *единственность?* И снова — да. Меланостимулирующий гормон — это объект. Единичный объект, который можно сравнить с бета-липотронным гормоном. Он не является и не может быть разным в разных местах.

Таким образом, Роза и Дитер разделяют набор допущений о реальности, который очень схож с допущениями евклидова перспективизма. Единственное различие состоит в способе обнаружения определенности и единственности. В перспективизме он определяется в геометрически пространственных терминах, в то время как в эндокринологии — в химических.

А что же Латур и Вулгар? Как насчет их оценки научных практик и их контринтуитивного заключения о том, что отдельные реалии не существуют без множеств практик, включающих устройства записи и сети, внутри которых они локализованы? Чтобы ответить на эти вопросы, нам нужно вернуться в лабораторию Солка.

Хинтерланд

Латур и Вулгар настаивают: наука связана с *манипуляцией записями и утверждениями*. Как я уже отмечал, рабочий стол ученого в лаборатории Солка, столь важный для научного производства, завален текстами. Одни из них возникают из лабораторных устройств записи, другие появляются в лаборатории извне — статьи, обзоры, препринты, написанные учеными где-то в другом месте. Аргумент состоит в том, что тексты собираются вместе и сталкиваются друг с другом. Какова цель всего этого? Цель — произвести утверждения, имеющие авторитет и говорящие о внешнем мире.

Что представляют собой подобные утверждения? Латур и Вулгар делят их на ряд категорий. Некоторые из этих утверждений безусловны. Они просто описывают внешний мир без всякой оценки, например: «Рибосомные протеины начинают синтезировать пре-РНК вскоре после начала ее транскрипции»²¹. С ними тесно связаны утверждения, которые едва ли являются утверждениями в строгом смысле, так как принимаются каждым в качестве само собой разумеющихся. Они эксплицируются только для студентов и посторонних. Далее следуют утверждения (обычно, хотя и не всегда, менее авторитетные), которые включают то, что Латур и Вулгар называют «*модальностями*». Модальности — это условия, ограничения или контексты, обнаруживающиеся в тексте. Это могут быть отсылки к авторам или обстоятельствам, в которых было сделано утверждение:

21. Latour, Woolgar (1986). P. 77.

Данный метод был *впервые* описан Пьеттой и Маршаллом. Если бы они имели более прочную репутацию, это сделало бы их утверждение более основательным²².

Однако другие модальности стремятся подорвать убедительность утверждения:

Недавно Одель сообщил, что ткани гипоталамуса, если их выращивать в инкубаторе... увеличили бы количество тиреотропина²³.

Слово «*сообщил*» намекает на агностицизм в отношении данного утверждения, которое, следовательно, рассматривается как сомнительное. Однако другие модальности превращают утверждения в спекуляции или просто возможности; они еще более разрушительны:

Есть еще этот парень в Колорадо. Они утверждают, что получили прекурсор гистада... Я только что получил препринт их статьи²⁴.

В течение длительного времени ученые сравнивают утверждения разной силы, отбирают и сталкивают их друг с другом, стараясь создать безоговорочные утверждения. Эта практика схожа с процедурой сравнения кривых, произведенных устройствами записи. Мы видели, что если кривые соответствуют друг другу, то есть вероятность, что была открыта новая «субстанция». Теперь ей можно дать имя. То же самое и с отношениями между утверждениями и их модальностями. Подобия, наложе-

22. Ibid.

23. Ibid. P. 78.

24. Ibid. P. 79.

ния, повторения или положительные связи между утверждениями способствуют увеличению их авторитета. Если все идет хорошо, то становятся возможными высказывания, утверждающие безоговорочные тезисы о субстанциях и реалиях, связывающие, фиксирующие их и делающие их определенными. Но это не единственная возможность. На практике, говорят Латур и Вулгар, большинство утверждений являются модально ограниченными и неопределенными. Никогда не достигающая свободного от модальности существования, их «спекулятивная» жизнь относительно коротка²⁵. В лаборатории Солка:

цель игры состояла в создании как можно большего числа [безоговорочных] высказываний... перед лицом различных форм давления, наделяющих их модальностями и, тем самым, превращающих их в артефакты... цель состояла в том, чтобы убедить коллег отбросить все модальности в отношении данного утверждения²⁶.

Подобная манера выражения предполагает, что наука — это литературное упражнение. Она имеет дело с судьбой утверждений, взаимодействующих друг с другом. Это не совсем ошибочно, но может и ввести в заблуждение, так как важно, что *наука — это не просто литературное упражнение*. Естественные (и социальные) науки работают с высказываниями определенного происхождения. То есть, утверждения не парят в воздухе и не падают с неба. Они откуда-то появляются. Каждый может выдумать список

25. Иногда к утверждениям, которые ранее были безоговорочными, может быть добавлена модальность, и они теряют свою безоговорочность.

26. Latour, Woolgar (1986). P. 81.

пожеланий к характеру реальности, но без поддержки других утверждений или записей подходящего происхождения они далеко не пойдут. Таким образом, мы можем сформулировать следующее положение: *для сохранения утверждения необходимо, чтобы оно основывалось на соответствующем хинтерланде и, возможно, вносило в него вклад.* Но какова природа хинтерланда?

Для науки у нас уже есть частичный ответ. Часть хинтерланда утверждения образована связанными с ним утверждениями. Согласовано ли оно с ними? Оказывают ли они ему поддержку? Если ответ «да», то они усиливают авторитет этого утверждения. Но мы видели, что это только часть истории. Научные утверждения также в той или иной мере используют сеть или хинтерланды соответствующих *устройств записи*. Производят ли практики, в которые встроены устройства записи, изображения, которые могут быть сопоставлены и способны усилить друг друга? Если ответ «да», то авторитет утверждения растет. Если же ответ «нет», то утверждение входит в лимб упущенных возможностей. Это важнейший момент: именно характер хинтерланда и его практик определяет, что такое заниматься наукой или практиковать одну из научных дисциплин. Тогда в первом приближении наука — это активность, предполагающая одновременное сочетание широкой палитры соответствующих литературных и материальных сборок. Наука — это координация подходящих и устойчивых хинтерландов.

Устройства записи: Латур и Вулгар осторожны в употреблении этого термина. Устройство записи может быть (хотя и необязательно) технологией или инструментом. В более общем виде устройство записи — это множество средств для нанесения меток, именованя и счета. Это набор устройств

для преобразования *не подобных следу отношений в подобную следу форму*. Это множество практик, изменяющих материальные модальности. В этом и состоит понимание Латуром и Вулгаром специфической материальности науки. Это процесс создания в экспериментальной и инструментальной среде особых видов отношений и преобразования их в следы. Вот почему они настаивают:

Мы не хотим сказать, что факты не существуют или что нет такой вещи как реальность. В этом смысле наша позиция не является релятивистской. Наша точка зрения состоит в том, что «там-вовне», или внешнее, есть *следствие* научной работы, а не ее *причина*. Вот почему мы хотим подчеркнуть важность распределения во времени²⁷.

Научные практики создают отношения. По мере создания отношений *они также производят реалии*. Именно поэтому Латур и Вулгар так интересуются распределением во времени. Вещи исходно неопределенны, а соответствующие реалии еще не созданы. Вот потом — да, определены и созданы²⁸. Это значит, что научная работа требует больших затрат сил и энергии и одновременно является ненадежной. Ее ненадежность, как правило, невидима для посторонних и очевидна для каждого, кто посещает лабораторию или знает о действительном функционировании науки. Как я уже отмечал, дела постоянно идут не так. Счетчик излучения не откалиброван, крысы больны, новые образцы сыворотки

27. Latour, Woolgar (1986). P. 81.

28. Привлекательную версию данного аргумента, представленного при помощи несколько другой идиомы, можно найти в: Collins (1975). Далее я вернусь к этому.

испорчены, поставки кислорода приостановлены. И даже (что, может быть, характерно) если все идет хорошо, эксперименты склонны производить следы, которые противоречат друг другу и скорее ослабляют, чем усиливают предполагаемые объяснения реальности. В океане неопределенности будущее реальности всегда под вопросом. В лаборатории чрезвычайно сложно выстроить устойчивые отношения. Очень трудно создать отношения, которые будут оставлять более или менее стабильные следы.

Вот как Латур описывает свои неуклюжие действия в лаборатории:

Он должен был запомнить, в какую мензурку поместил дозу и сделать отметку, что, например, доза №4 помещена в мензурку № 12. Но обнаружил, что забыл сделать запись о временном интервале. Он замер в замешательстве с наполовину наполненной пипеткой: сделал ли он отметку до действия или после? Очевидно, он не сделал запись о моменте, когда делал отметку! Он запаниковал и выжал содержимое пастеровской пипетки в мензурку № 12. Но теперь, возможно, в мензурке находится двойная доза. Если это так, то прочтение будет неверным. Он зачеркнул цифру²⁹.

Методические процедуры и тщательное ведение записей необходимы. Иначе работа, сделанная за день, будет потеряна. (Чтобы вы не подумали, что Латур был особенно неуклюж, добавлю, что и я совершал похожие небольшие промахи в ходе своих этнографических исследований лаборатории.) Таким образом, научные практики неизбежно текстуальны. Маркировка, именование, запись, оставление заме-

29. Latour, Woolgar (1986). P. 245.

ток — все это нацелено на слежение за вещами. Если эти процессы дают сбой, то и вся лабораторная работа терпит крах.

О ненадежности процесса производства устойчивых следов устойчивых реалий свидетельствует еще одна хорошо задокументированная черта лабораторной науки: *на удивление сложно воспроизвести открытие, сделанное в одной лаборатории, — в других*. Не редкость, когда утверждения, порожденные устройствами записи одной лаборатории, больше нигде не могут быть воспроизведены³⁰. Не является ли это поводом для подозрения? Не сомнительно ли новое утверждение о реальности? Ответ на оба этих вопроса: «да». Если одни утверждения не соответствуют другим, если не повторяются определенные паттерны, тогда подрываются реалии, о которых они сообщают. Все выглядит так, как если бы утверждения сообщали не о факте, а об артефакте. Но что это значит? Ответ: если создание фактов — это связанная с отношениями активность, т.е. вопрос сборки и тонкой настройки подходящих устройств записи, то в равной степени вероятно, что происходящее является провалом подобной настройки. Если все так, то, возможно, требуется более тщательная доводка приборов, новое и специальное оборудование, создание специальных опытных образцов (от этого сильно зависела лаборатория Солка), квалификация экспериментаторов и техников, компетентность штатного программиста. Если люди могут быть обучены или могут путешествовать, если может быть точно воспроизведена конкретная экспериментальная установка, а новое оборудование —

30. Это случается и с инструментами, работающими в одном месте и не работающими в другом. Показательный пример см. в: Collins (1974).

построено, короче, если отношения одной лаборатории могут быть воссозданы в другой, то вызывающая сомнения реалья может быть воспроизведена. Латур и Вулгар прямо об этом пишут:

Мы никогда не наблюдали независимую верификацию утверждения, произведенного в лаборатории. Напротив, мы видели расширение некоторых лабораторных практик на другие области социальной реальности, например, клинику или промышленность³¹.

Вот еще более определенно:

... если вы проводите то же испытание, то произведете тот же объект³².

Если это невозможно, если «то же испытание» не проводится, то реалья исчезает в лимбе сомнительных модальностей.

Таково следствие из аргумента Латура и Вулгара. В противоположность европейско-американскому здравому смыслу, они говорят нам, что невозможно изолировать друг от друга: а) производство отдельных реалий; б) производство *утверждений* об этих реалиях; в) создание *технических, инструментальных, человеческих конфигураций и практик*, устройств записи, производящих эти реалии и утверждения. Все это производится вместе. Научные реалии приходят только вместе с устройствами записи. Без устройств записи и создаваемых ими утверждений и записей реалии не существуют.

Но что остается на долю «внешнего»? Мы видели, что Латур и Вулгар трактуют его «скорее как *результ-*

31. Latour, Woolgar (1986). P. 182.

32. Ibid. P. 183.

tat научной работы, чем ее причину». Но теперь следствия их аргумента стали яснее, и мы можем вернуться к списку черт «внешнего».

Независимость: независима ли внешняя реальность от наших восприятий и действий? Это зависит от того, что мы понимаем под «нашими восприятиями и действиями». Для индивидов или конкретных мест научного производства ответ в основном «да». Трудно представить себе обстоятельства, при которых мы могли бы воображать, воспринимать или осуществлять реалии индивидуально, или в своей работе. В этом смысле внешний мир независим от нас. Но коллективно и в долгосрочной перспективе ответ другой, так как отдельные реалии создаются множеством устройств записи и дисциплинарных практик естественных и социальных наук. То есть реальность *не является независимой от аппаратов, производящих отчеты о реальности*.

Предшествование: предшествует ли внешняя реальность нашим отчетам о ней? Опять же, как посмотреть. В общем, ответ «нет», не предшествует. Реальность и соответствующие ей утверждения совместно производятся дисциплинарными и лабораторными аппаратами записи. Но в определенных обстоятельствах (а мы все постоянно находимся в определенных обстоятельствах) всегда имеется обширный хинтерланд уже работающих устройств и практик записи. Это значит, что уже производится в равной степени обширный хинтерланд утверждений и соответствующих им реалий. У реалий есть фон, или контекст, и на него невозможно закрывать глаза.

Определенность: является ли внешняя реальность множеством определенных форм и отношений? Ответ снова: и да и нет. Там, где утверждения взаимно подогнаны и усиливают друг друга, соответствующие

объекты именуются и приобретают определенную форму. Если же это не происходит, объекты лишены имен и определенности. И хотя, как показывают Латур и Вулгар, цель игры — произвести определенные утверждения, соответствующие определенным реалиям, значительную часть времени научное исследование имеет дело с неопределенностью, смутностью, неразрешимостью. Пример: Латур и Вулгар описывают, как на протяжении семи лет, начиная с 1962 г., в вопросе о существовании и характере субстанции, интересовавшей эндокринологов лаборатории Солка и позднее получившей известность как TRG (тиреотропин-рилизинг-гормон), господствовала неопределенность. Эта субстанция демонстрировала неудовлетворительную с научной точки изменчивость: она была нечеткой, смутной, неустойчивой. Были сомнения в самом ее существовании. И только после 1966 г. стало возможным говорить о «TRG» как определенной субстанции, а ее химический состав превратился в твердое суждение только в 1969 г. Мораль этой истории в том, что порой вещи определены, а порой — нет.

Единственность: является ли мир общим, существует ли единственная реальность? Для Латура и Вулгара ответ «да», но только после того, как разрешены разногласия, а утверждения о природе приобрели фиксированный, определенный и недвусмысленный характер. Прежде чем это произойдет, реальность не только неопределенна, но и, по крайней мере, во время научных разногласий, множественна. Множественность — продукт или эффект различных совокупностей устройств и практик записи (например, в разных лабораториях), производящих различные и конфликтующие утверждения о реальности. Но конечная точка — с трудом, но все-таки достижимая в науке — это единственная

реальность и единственное уполномоченное множество устройств записи.

В итоге Латур и Вулгар несколько отдаляют нас от повседневных ожиданий европейско-американской культуры в отношении внешнего. Реальность и не является независимой, и не предшествует аппарату ее производства. Точно также она не является ни определенной, ни единственной, пока аппараты производства не займут свое место. Реалии создаются. Они — *эффекты аппаратов записи*. В то же время, благодаря тому, что есть такие аппараты, уже находящиеся на месте, мы живем в мире (и переживаем его), заполненном реальными и более или менее стабильными объектами.

Рутинизированный хинтерланд: создание и демонтаж определенных реалий

Так почему же научная реальность относительно стабильна, по крайней мере, значительную часть времени? Латур и Вулгар считают, что мы должны думать об этом в терминах *цены*: подрыв отношений, встроженных в общепринятые утверждения, затратен:

Множество утверждений, рассматриваемых как слишком дорогостоящие, чтобы быть модифицированными, конституируют то, что называют «реальностью». Научная деятельность — это не что-то «о природе», а жестокая борьба за *конструирование* реальности. *Лаборатория* — это рабочее пространство и совокупность продуктивных сил, делающих такое конструирование возможным. Каждый раз, когда утверждение стабилизируется, оно повторно вводится в лабораторию (под видом машины, устройства за-

писи, навыка, рутины, предрассудка, дедукции, программы и т.д.) и используется для усиления различий между высказываниями. Цена проблематизации реифицированного утверждения невероятно высока. Реальность спрятана³³.

«Реальность спрятана». Заметьте, что в этой фразе есть своеобразная петля обратной связи. Утверждения стабилизируются, а затем возвращаются в лабораторию. Это означает, что как только они утрачивают свою модальность, *вчерашние модальные высказывания становятся завтрашним хинтерландом*. Частью этого процесса является изменение материальной формы утверждений:

Масс-спектрометр — это овеществленная часть всего поля физики, это действительный фрагмент оборудования, инкорпорирующий львиную долю более ранней научной практики³⁴.

Так почему и каким образом утверждения изменяют свою материальную форму? Отчасти ответ заключается в том, что легче произвести утверждения о реалиях (легче произвести реалии), когда они становятся стандартизированными и переносимыми. Латур и Вулгар говорят о реификации, но, может быть, понятие *рутинизации* лучше акцентирует внимание на самом важном. Выше мы видели, что практика прилаживания друг к другу разрозненных вещей для создания более или менее устойчивых следов — дело весьма рискованное. В лабораторной науке многое идет не так. Но если машины, навыки и утверждения могут быть превращены

33. Latour, Woolgar (1986). P. 243.

34. Ibid.

в [черные] ящики³⁵, то пока все работает (это всегда область неопределенности), нет необходимости самому собирать все элементы, образующие [черный] ящик, и бороться со всеми сложностями. Это скорее покупка готового персонального компьютера, чем изучение электроники, воплощенной в ней физики и сборка компьютера. В приведенном выше примере поле физики, являющееся хинтерландом масс-спектрометра, может быть принято как само собой разумеющееся. Тот, кто использует прибор, не должен его пересоздавать и даже понимать принципы его работы. В ряде работ по социологии науки говорится о «стандартизированных черных ящиках». Суть в следующем: любое описание реальности и ее производство практиками естественных (и социальных) наук основывается на более или менее временных стандартизированных черных ящиках, являющихся частью или опорой устройств и практик записи. В начале этой главы я цитировал Латура:

Высказывание, в противоположность утверждению, включает мир в определенную ситуацию... Тем самым, конструкция — это не исходящее от ума или общества представление о вещи, объекте или положении дел, а вовлеченность определенного типа мира в определенную разновидность коллектива³⁶.

Здесь Латур двадцать лет спустя говорит о философии науки Изабеллы Стенгерс³⁷ (то, что он говорит

35. Социологи науки иногда называют это «помещением в черный ящик».

36. Latour (1997). P. xiii–xiv.

37. См.: Stengers (1997).

о высказываниях, а не утверждениях — небольшое изменение словаря, но оно может сбить с толку). Аргумент, по сути, остается неизменным. Дело не в словах, представляющих мир. Слова и миры рождаются вместе. Высказывания (как их теперь называет Латур) включают реалии — включают коллектив. Включают и произрастают из того, что я называю «хинтерландом».

Есть ряд дополнительных следствий. Хинтерланд производит более или менее рутинизированные реалии и утверждения о них. Но это предполагает, что в то же самое время несметное количество других реалий *демонтируются* или никогда не были созданы вообще. Говорить о «решениях» относительно того, какие реальности создавать, слишком просто и волюнтаристично. Хинтерланд стандартизированных черных ящиков по меньшей мере формирует наши «решения» и «выборы». Мы, то есть те, кто «выбирает», воплощаем и носим в себе множество хинтерландов. Тем не менее есть уйма реалей, которые не являются, так сказать, реальными, но могли бы стать таковыми, если бы аппараты производства реальности были чуть другими.

Еще одно следствие: хинтерланд производит определенные классы реалей и утверждений о них, но при этом не производит другие. Некоторые виды стандартизированных устройств и практик записи являются действующими. Одни классы реалей могут быть относительно легко созданы, другие — нет, или же они никогда не были главной целью. Так хинтерланд определяет географию в целом — топографию реалей-возможностей. Одни классы возможностей созданы мыслимыми и реальными, другие — менее мыслимыми и менее реальными, и, наконец, третьи оказываются совершенно невозможными и нереальными.

Экономическая метафора предполагает, что проще и дешевле создать новые устройства записи, новые утверждения и новые реалии, опираясь на уже доступные рутинизированные черные ящики. Она также предполагает, что по мере развития процесса становится все сложнее и дороже игнорировать или демонтировать рутины и создавать другие, альтернативные, реалии. И снова Латур и Вулгар:

Как только большое количество аргументов оказываются инкорпорированными в черный ящик, стоимость выдвижения альтернатив становится слишком высокой. Например, вряд ли кто-либо станет оспаривать электронную схему компьютера... или статистику, на которой основывается t-критерий Стьюдента, или названия сосудов в гипофизе³⁸.

Отдельным исследователям лучше использовать большой и дорогостоящий набор устройств записи, ниспровержение которого обошлось бы слишком дорого. Латур и Вулгар приводят следующий пример:

Когда Бургус использовал для доказательства масс-спектрометр, он сделал затруднительным выдвижение альтернативных возможностей, поскольку это означало бы оспаривание всей физики. Коль скоро продемонстрирован слайд со всеми линиями спектра, соответствующими одному атому в аминокислотной последовательности, маловероятно, что у кого-то возникнет желание встать и возразить. Разногласие улажено. Но если на слайде — пятна тонкослойной хроматографии, десять химиков поднимутся и заявят: «Это не доказательство». Разница во втором слу-

38. Latour, Woolgar (1986). P. 242.

чае в том, что любой химик может с легкостью обнаружить дефекты используемого метода³⁹.

Для работающих ученых это практический вопрос еще и по другой причине. Должны ли они основываться на стандартизированных черных ящиках или, наоборот, повышать ставки и издержки, идти против течения и стараться реорганизовать хинтерланд для того, чтобы создать новый? Большинство исследователей не могут себе позволить эту возможность, даже буквально в экономическом смысле. Деньги и время, необходимые для демонтажа, к примеру, физики, лежащей в основе масс-спектрометра, и создания альтернативного набора устройств записи с соответствующими им утверждениями о реалиях и реалиями скорее всего недоступны.

Исходя из этого аргумента, именно хинтерланд научной рутинизации, созданной с огромными затратами и по очень высокой цене, обеспечивает непрерывную в целом стабильность естественно- и социально-научной реальности. Элементы внутри этого хинтерланда и даже отдельные его области могут быть отброшены. Возможно, это и имел в виду Кун (к которому мы обратимся ниже), говоря о «научных революциях». Но в целом и большую часть времени Латур и Вулгар уверяют нас, что именно стоимость альтернатив позволяет хинтерландам научной реальности достигнуть относительной устойчивости. Именно потому, что научная реальность создается, она оказывается более или менее единой. Она представляется (и на практике так и есть) независимой от наших конкретных научных восприятий и действий. Представляется, что она предшествует этим действиям (и на практике так и есть).

39. Ibid.

И, конечно же, оказывается определенной и единственной. (К вопросу о единственности я вернусь в следующей главе).

ЗАМЕЧАНИЕ О ФУКО:
ПРЕДЕЛЫ УСЛОВИЙ ВОЗМОЖНОСТИ^{40?}

Аппараты естественнонаучного (и, возможно, социально-научного) производства сходны с тем, что Фуко описывал как условия возможности. Если следовать экономической метафоре, то они устанавливают необходимые пределы (до некоторой степени проницаемые, но все же пределы) для этих условий.

Чем представленный здесь аргумент отличается от аргумента Фуко? Ответ касается эмпирического масштаба. Фуко и его интерпретаторы настаивают на том, что есть неограниченная возможность варьирования и творческой инновации в пределах имеющихся условий возможности⁴¹. Тем не менее, как хорошо известно, Фуко утверждал, что нынешние условия возможности были учреждены в конце XVIII века рядом стратегий в рамках того, что он называл «современной эпистемой». Аргумент состоит в том, что в начале XXI века мы до сих пор производим эту эпистему и ее условиями возможности.

Может быть, это так, а может, и нет. Однако картина естественно-научного (и социально-научного) производства, предлагаемая Латуром, Вулгаром и другими исследователями науки и техники, имеет меньший масштаб. Возможно, существуют крупномасштабные пределы, устанавливаемые современными дисциплинарными стратегиями, которые вписаны в устройства и практики записи современной науки и реализуются ими. Но предложение Латура и Вулгара более скромно: пределы научного знания и реальности устанавливаются *определенными и кон-*

40. См., например: Foucault (1970; 1972; 1979). (Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977; Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная академия; Университетская книга, 2004; Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. — Примеч. пер.)

41. См., например: Rose (1999).

клетными наборами устройств записи. Отношениями между ними — вопрос эмпирический.

Учитывая гибкость современной эпистемы, эта позиция необязательно несовместима с позицией Фуко. Более того, они разделяют приверженность идее, что не только знание о реалиях, но сами реалии как таковые порождаются в практиках создания. Мой вопрос (я вернусь к нему в Главе 3) касается единственности. Латур и Вулгар склонны допускать, что устройства записи (и их хинтерланды) достаточно хорошо переплетены между собой. Мне это представляется не столь очевидным.

Заметая следы

Но тогда встает важный вопрос: почему все так не выглядит? Почему не очевидно, что устройства записи производят не только утверждения о реальности, но и реалии как таковые? Как могут люди не видеть, что «феномены *полностью конституируются* материальным устройством лаборатории»⁴²? Почему реальность принимается в качестве независимой, предшествующей, определенной и единственной? Почему об ученых говорят, что они «открывают» реальность, которая определена, предшествует им и т.д.?

Латур и Вулгар предоставили нам необходимые элементы для ответов на эти вопросы. Так, мы видели, что цель научной практики — производство безусловных утверждений о реальности. Все ограничивающие модальности должны быть стерты. Мы также видели, что необходимо рутинизировать утверждения путем преобразования их в само собой разумеющиеся допущения, инструменты и навыки. Чем более стандартизирован и (по крайней

42. Latour, Woolgar (1986). P. 64.

мере в определенных аспектах) скрыт хинтерланд, тем лучше.

Но это значит, что по мере исчезновения модальностей то же самое происходит почти со всеми процессами производства утверждений и реалий. Большая часть работы, сделанная в ходе их создания, оказывается стертой. В конце концов, исчезают и сами устройства записи, хотя новейшие из них, скорее всего, удержат позицию в методологических разделах научных статей. Но первыми исчезают «субъективное» и «личное». Все следы и утверждения в лаборатории используются «таким образом, чтобы было возможным соотнести их с чем-то внешним, находящимся по ту сторону читательской и авторской субъективности»⁴³. Стирание субъективности — это решающий момент. В естественных и социальных науках предполагается, что утверждения об объектах исходят непосредственно от мира, исследуемого правильными методами, а не от индивида, которому случилось проводить эксперимент. Если это недостижимо, то недостижимыми оказываются и независимость, и предшествование. Если ученый появляется в своем тексте как личность, то это подрывает любое высказывание о реальности.

Каковы следствия этого процесса стирания? Латур и Вулгар полагают, что научные высказывания должны рассматриваться как «расколотые сущности»:

С одной стороны, высказывание — это множество слов, представляющее утверждение о реальности. С другой стороны, оно соответствует объекту в себе, приобретающему собственную жизнь. Все происходит так, как если бы изначальное высказывание спроецировало собствен-

43. Latour, Woolgar (1986). P. 84.

ный виртуальный образ, который теперь существует вне его⁴⁴.

Таким образом, имеют место стирание и раскол. Но затем происходит кое-что еще, дополняющее эффект: каузальная перестановка или инверсия. Манипуляция записями не рассматривается больше как способ создания отдельных реалий. Напротив, *реалии суть то, что есть сначала*:

Вскоре, реальность все больше приписывается объекту и все меньше — утверждению *об* объекте. Как следствие, происходит инверсия: объект становится причиной того, почему было сделано утверждение⁴⁵.

Так реальность становится определяющим фактором. Уже не процессы сравнения, противопоставления и оценки записей производят реальность. И не длинная последовательность действий, событий и переговоров, в которых сводятся вместе и выстраиваются устройства записи. Менее всего это использование специальных навыков отдельных техников и программистов. Реальность *не производится* ни аргументами, ни дебатами, ни стоящей за ними работой, ни разногласиями. Напротив, именно *реальность* разрешает разногласия, именно реальность производит утверждения.

Вещь и утверждение соответствуют друг другу просто потому, что они происходят из одного источника. Их разделение лишь *конечная стадия процесса их конструирования*⁴⁶.

44. Ibid. P. 176.

45. Ibid. P. 177.

46. Ibid. P. 183.

Результатом является мир, существующий там-вовне в гораздо большей степени, чем мир в примитивной или исходной форме. Это внешнее, которое, как предполагается, независимо от попыток науки познать его и предшествует им. Считается, что оно определено (даже если по причине отсутствия нужных методов мы пока не знаем эту определенную форму) и единственно.

Предположение Латура и Вулгара состоит в том, что этот пучок внешних реалий может быть понят скорее как результат, чем как то, что определяет и устанавливает пределы нашим способам познания мира. Более того, это внешнее лучше понимать как исполнение, чем как нечто, данное в порядке вещей. Словом, именно скрытый хинтерланд научного метода и переносимые им практики *производят* независимую, предшествующую, определенную и единственную реальность.

Это ключевой момент этнографии науки Латура и Вулгара. Хинтерланд методов вводит в игру реалии, и (можно перевернуть данное положение) эти реалии затем определяют условия возможности дальнейшего исследования. Они не делают это бесцельно или случайно. Это не вопрос воли, страсти, желания или политических представлений. Ничто не может быть сделано реальным без разветвлений соответствующего хинтерланда. Но тем не менее реалии реализуются. И если это трудно принять, то потому, что тем самым ставится под вопрос самоочевидность европейско-американской метафизики и подрывается необходимость методов, оказавшихся по случаю у нас в распоряжении. Наконец, это трудно, потому что нам показываются возможности, опасные и потенциально дестабилизирующие (по крайней мере в принципе) не только метафизику, в кото-

рую встроены наши методы, но и реалии, которые эти методы производят.

Метод-сборка

Предположение Латура и Вулгара состоит в том, что внешнее достигается или выполняется, а не имеет исходно определенную форму. Реалии создаются вместе с описывающими их утверждениями. Аргумент в том, что реалии не являются с необходимостью независимыми, предшествующими, определенными и единственными. Если они предстают в качестве таковых (так обычно и бывает), то это практически произведенный эффект — *следствие* метода. Данное положение — прямой вызов почти всей европейско-американской метафизике, включая стандартные версии эпистемологии и социальной науки.

При столкновении с подобным заявлением у нас есть выбор. Мы можем остаться со стандартной метафизикой, настаивая, что аргумент неверен и что любое внешнее (во всяком случае, обычно) является независимым, предшествующим, определенным и единственным. Если мы занимаем эту позицию, то должны продолжать выстраивать свои исследовательские методы в соответствии с имеющимися направлениями. Мы должны будем думать о своих методах как об инструментах открытия реальности или ее аспектов, которые есть там, вовне, и имеют определенную, но в той или иной степени скрытую от нас форму. Позиция удобная и обнадеживающая. Она соответствует многим представлениям о методах. Впрочем, есть достаточно оснований для рассмотрения менее конвенциональной альтернативы, заключающейся в том, что метафизика неправа.

Многое можно сказать об этом. Вот несколько соображений. Во-первых, хотя аргумент Латура и Вулгара непривычен, он правдоподобен. Даже если их подход не соответствует стандартным европейско-американским объяснениям, он соответствует *практикам* естественных и социальных наук. Открытия их этнографии эмпирически вовсе не сверхъестественны, а теоретически — не притянуты за уши. Они прекрасно объясняют, почему ученые (а также социальные исследователи и обычные люди) склонны придерживаться сильной версии внешнего. Но одновременно они показывают, как это согласуется с идеей, что внешнее, или там-вовне, реализуется практически. Как я показал выше, ученые вовлечены в хинтерланд, который был создан и при этом относительно устойчив, так как его слишком трудно подорвать⁴⁷.

Аргумент Латура и Вулгара хорошо приложим и к нашим социальным наукам. У нас тоже есть инструменты исследования. Мы также мыслим и работаем в рамках устойчивых реалий, созданных хинтерландом этих инструментов. Например, статистика не существует *sui generis*. Очевидно, инструменты исследования должны быть созданы. Более того, была проделана огромная историческая работа, чтобы создать такой хинтерланд за более чем два столетия посредством тщательно разработанных систем счета, измерения, переписи, хронометрирования (или производства времени), гео-

47. Это относится и к собственным заявлениям Латура и Вулгара. Они также захвачены устойчивым хинтерландом (и помогают строить его), включающим европейско-американский опыт здравого смысла, в соответствии с которым внешнее является неподатливым, предшествующим и т.д. Следовательно, их позиция внутренне последовательна.

дезии и сбора экономических данных. Подобные аппараты (хинтерланды большинства социальных наук) вписывают и вводят в игру множество допущений о природе социального. Вероятно, «социальное» было произведено по мере того, как они развивались и становились носителями стратегий социального и государственного контроля. Теперь, однако, принимая во внимание, сколько повседневных практик (публичных и частных) зависят от официальной и иной статистики, возможность ее устранения вызывает сомнения. Ее можно подправить, но полное избавление от нее будет очень дорогим и буквально, и метафорически. Как результат, мы вынуждены жить в социальной реальности (и при этом мы созданы ею), которая частично квантифицирована весьма специфическими способами. Большая часть этого хинтерланда конститутивна для социальных исследований и сплетена с ними⁴⁸. Стоит добавить, что отдельные его части созданы самими социальными науками⁴⁹.

Это вовсе не означает, что статистика неверна. Ее можно критиковать за тот или иной дефект, но дело не в этом. Статистика и отношения, в которые она вписана, являются хинтерландами и социальными реалиями там-вовне, совместно делающими возможной и ограничивающими любую работу в социальных дисциплинах. Они устанавливают пределы для условий возможности социальной

48. Развитию сбора количественных данных и связанных с ними критериев достоверности посвящена обширная литература. См., например: Hacking (1990) и Porter (1995). Хронометрированию тоже посвящено немало исследований: см. классическую работу Thompson (1967) и хороший обзор Thrift (1996).

49. См.: Osborne, Rose (1999) и Law, Urry (2004).

науки. Таким образом, это первая причина, чтобы всерьез принять аргументы Латура и Вулгара. Хотя их аргумент о введенных в игру реалиях и звучит контринтуитивно, он совместим с нашими европейско-американскими интуициями о том, что реалии, природные и социальные, достаточно устойчивы. Сказать, что нечто было «сконструировано», не значит отрицать его реальность.

Вторая причина, не менее значимая, заключается в том, что их аргумент позволяет нам по-другому и более творчески размышлять о методе. В частности, предположение, согласно которому отдельные формы внешнего учреждаются и воспроизводятся, делает возможным размышление о том, какие реалии было бы лучше реализовать. Это, как я, надеюсь, показал, не является простым или тривиальным вопросом выбора подходящего по случаю варианта внешнего. «Выбор», если это слово вообще подходит, ограничен необходимостью построения хинтерландов, которые будут поддерживать утверждения о реальности, и отношений к этим хинтерландам. Изабелла Стенгерс формулирует этот аргумент в несколько других терминах:

ни одно научное высказывание, описывающее научную деятельность, не может (в любом значимом смысле) быть названо «истинным», если оно *не привлекло «интерес»*. Заинтересовать кого-то необязательно значит пойти на поводу у чьего-то желания власти, денег или славы. Не означает это и подчинения предшествующим интересам. Заинтересовать кого-то в чем-то означает, прежде всего, что эта вещь — аппарат, аргумент или гипотеза... — сможет затронуть личность, вторгнуться в ее жизнь и в конце концов ее трансформировать. Заинтересованный ученый

задаст следующий вопрос: могу ли я включить эту «вещь» в свое исследование?⁵⁰.

Это не тривиальный вопрос. «Заинтересовать» не так уж просто. Тем не менее, следствия существенны. Если внешние реалии конструируются или учреждаются, а не ждут того, чтобы их открыли, то отсюда следует, что их истинность или ложность только один из критериев, значимых для их создания. Политика в той или иной форме тоже становится важной. Но, признавая это, мы сталкиваемся с новыми вопросами. Какие виды внешнего возможны? Какие из них настолько укоренены, что не могут быть изъяты? Где мы можем попытаться разобрать или пересобрать их? Как мы можем отклонить исследовательские программы в том или ином направлении⁵¹? Словом, если мы думаем таким образом, то реальность перестает быть судьбой и предназначением.

Оставшаяся часть книги посвящена этой неконвенциональной возможности. Ставки для политики, но также и для истины, настолько высоки, что было бы ошибкой не попытаться ее продумать. Но в таком случае, есть по меньшей мере две причины, почему мы нуждаемся в более совершенном словаре для разговора о методе. Первая касается *симметрии*, а вторая — *хинтерланда*.

50. Stengers (1997). P. 82–83.

51. Это мягкая формулировка позиции, которая может принимать гораздо более радикальный характер. Феминистские исследования технауки особенно настаивали на интерференции исследовательских программ с соответствующими теоретическими и методологическими инструментами. Хорошо известна работа Донны Харауэй о не-милитаристском, не-сексистском, не-расистском киборге. См.: Haraway (1991a).

Как я отметил во введении, общепринятый разговор о «методе» тесно связан с правилами и нормами лучшей практики. Более того, хотя обычно метод к ним не сводится, иногда он становится неотличимым от списков рекомендаций и запретов. Но если мы хотим работать с более свободными версиями метода, нам стоит всерьез обдумать методы, игнорирующие правила. Тут нам могут помочь социологи науки. В Главе 5 я буду подробнее обсуждать их понятие «симметрии», сейчас же отмечу, что идея симметрии требует, чтобы мы не позволяли своим представлениям о том, что истинно или что ложно (в науке или где бы то ни было еще), влиять на то, как мы смотрим на наши предметы. Например, если мы встраиваем свои допущения о природе хороших методов в исследования метода, то вероятнее всего придем к выводам, отражающим эти допущения. Мы обнаружим, что «хорошие методы» дают «хорошие результаты». Мы будем склонны воспроизводить текущую практику использования метода. Альтернативой является следование за Латуром и Вулгаром. Как мы видели, они устраняют асимметричные нормативности обычных разговоров о методе («это хорошая наука, а это плохая») из своих историй о том, как методы работают на практике. В этом отношении их исследование симметрично, таковыми же являются термины их анализа. Итак, это первая причина для выработки нового словаря⁵².

Вторая причина связана с хинтерландом метода. Я утверждал, что метод и его внешнее производятся соответствующим хинтерландом и про-

52. Важность симметрии впервые была подчеркнута в этих терминах Блуrom (Bloor, 1976), хотя неявным образом она содержится в работах таких историков, как Кун. Я вернусь к этому вопросу более подробно в Главе 5.

изводят его. Я также предположил (и это важный пункт), что хинтерланд постоянно разветвляется. Это значит, что метод выходит далеко за рамки своих пределов, как мы их себе представляем. Выходя за пределы лабораторных столов, реагентов, экспериментальных животных, анкет, протоколов интервью, пакетов анализа статистических и количественных данных, метод пронизывает неявное знание, программное обеспечение, языковые навыки, управленческие способности, транспортные и коммуникационные системы, шкалы заработной платы, потоки финансов, приоритеты субсидирования, политические и экономические программы. Список бесконечен. Каждая из этих форм — часть хинтерланда исследования. Его границы проницаемы и распространяются наружу во всех направлениях. Проблема, однако, в том, что слово «метод» не схватывает эти разветвления. Например, оно не схватывает то, как дискурсы о «пользователях» стали неотъемлемой частью львиной доли финансируемых исследований в Великобритании за последние двадцать лет, или то, каким образом связанные с этим дискурсом допущения об аудите оказались встроены в практику исследования. Это вторая причина, по которой нам нужен новый словарь. Мы нуждаемся в таком способе говорить, который поможет нам признать и работать с текучестями, рассеяниями и переплетениями, составляющими хинтерланд исследования. Это позволит нам допустить и зафиксировать не только происходящее в лабораториях или кабинетах исследователей социального, но и подводную часть айсберга метода.

Для этого я предлагаю (частичный) неологизм. Когда я хочу указать на метод в указанном расширительном смысле, я буду говорить о *метод-сборке*. Я неоднократно буду возвращаться к переопреде-

лению данного термина (особенно в Главах 3 и 5). Я начну с указания на то, что термин «сборка» [assemblage] появляется в английском переводе «Тысячи плато» Делеза и Гваттари (см. цитату, открывающую эту главу)⁵³. Хелен Верран и Дэвид Тернбулл говорят, что для Делеза и Гваттари сборка:

схожа с эпистемой, к которой добавлены технологии, но при этом «сборка» коннотирует ситуативную, ad hoc, контингентность коллажа в его способности охватывать широкое разнообразие несовместимых компонентов. Кроме того, достоинством термина «сборка» являются коннотации активных и разворачивающихся практик, а не пассивных и статичных структур⁵⁴.

Верран и Тернбулл схватывают здесь именно то, что необходимо. *Сборка* (без метода) — это эпистема плюс технологии. Она ad hoc необязательно согласованна, а также активна.

В случае «Тысяча плато» Делеза и Гваттари английский термин «сборка» [assemblage] использовался для перевода французского «agencement». Как и «сборка», слово «agencement» — абстрактное существительное. Это действие (или результат действия) глагола «agencer». Во французском языке слово «agencer» имеет широкий спектр значений. Малый франко-английский словарь перечисляет следующие из них: «расставлять», «размещать», «налаживать», «комбинировать», «упорядочивать». Большой Французский словарь предлагает дюжину синонимов слова «agencement», которые показывают, что у слова нет единого эквивалента

53. См., например: Deleuze, Guattari (1988) и Deleuze, Parnet (1987).

54. Watson-Verran, Turnbull (1995). P. 117.

в английском языке⁵⁵. Это означает, что хотя «assemblage» и не является неправильным переводом «agencement», многое оказывается при переводе утерянным⁵⁶. В частности понятие стало звучать более определенно, четко, в нем стало больше спланированности, рациональности, чем во французском языке. Оно также воспринимается как обозначение скорее положения дел или обустройства, чем неопределенного и разворачивающегося процесса⁵⁷. Если «сборка» должна выполнять нужную работу, то необходимо понимать ее как осторожное, колеблющееся развертывание, которое лишь в незначительной степени находится под той или иной формой намеренного управления. Нужно понимать ее и как глагол, и как существительное. Вот замечание Деррида (конечно же, в переводе):

55. Среди них (в переводе) следующие глаголы: «снаряжать», «пригонять», «приводить в порядок», «примирять», «приводить к согласию», «урегулировать», «размещать», «расставлять», «соединять», «объединять», «составлять», «создавать», «придавать форму», «координировать», «организовывать», «планировать», «подготавливать», «распределять», «привязывать», «ограничивать», «сцеплять», «подключать», «приводить в порядок», «выстраивать», «обустроить», «размещать», «класть», «устанавливать», «скреплять», собирать, «монтировать», «созывать», «компоновать», «сводить вместе». Упомянутый в тексте Малый франко-английский словарь — это Concise Oxford French Dictionary (Chevalley A., Chevalley M., 1963), Большой французский словарь — это большой Робер (Robert, 1974). Я благодарен Мишелю Каллону за обсуждение сложностей термина «assemblage» в английском языке.

56. См.: Cooper (1998). P. iii и предисловие переводчика к: Deleuze, Parnet (1987). P. xiii.

57. Возможно, оно воспринимается и как обозначение специальных действий по сбору (смотру), например, в армии, школе, тюрьме или же составлению списка вещей при сборе в путешествие.

... слово «пучок», как представляется, более удачно отмечает то, что предложенное собрание имеет структуру сплетения, ткань, скрещения, которая даст разделить различные нити и различные смысловые — или силовые — линии, и в то же время позволит завязать новые⁵⁸.

Отметьте это. «Структура сплетения». «Пучок». А вот Делез и Клар Парнэ:

В множественности важны не термины или элементы, а то, что находится «между», промежуток, набор неотделимых друг от друга отношений⁵⁹.

Таким образом, сборка — это процесс связывания, собирания или, лучше, рекурсивного само-собирания, в котором соединяемые элементы не приобретают фиксированную форму и не принадлежат к более обширному пред-данному списку, а конструируются (по крайней мере отчасти) в ходе взаимного переплетения. Это значит, что не может быть фиксированной формулы или общих правил, определяющих хорошие и плохие пучки, и что метод-сборка (как я теперь буду это называть) произрастает из собственных хинтерландов (но также и создает их), которые изменяют форму в той же мере, в какой остаются неявными, неопределенными, нечистыми.

Но что же такое *метод-сборка*? В Главе 5 я определяю ее как учреждение или создание пучка разветвляющихся отношений, который порождает присутствие, явленное отсутствие и Иное, где именно создание присутствия является отличительной чер-

58. Цит. по: Деррида Ж. Поля философии / пер. с фр. Д. Кралечкина. М.: Академический проект, 2012. С. 25. — *Примеч. пер.*

59. Deleuze, Parnet (1987). P. viii.

той *метода*-сборки. Но мне необходимо развивать это определение дальше, ведь предлагаемая Латуром и Вулгаром возможность — скорее временная и более ограниченная. Метод-сборка может быть понята как изготовление хинтерланда разветвляющихся отношений, которое различает: а) «здесь-внутри» утверждения, данные или описания (появляющиеся, например, в публикациях в естественных и социальных науках и включающие описания метода); б) «там-вовне» реалии, о которых свидетельствуют указанные утверждения (естественные феномены, процессы, методы и т.д.); в) бесконечное разветвление процессов и контекстов «там-вовне», которые одновременно необходимы для того, что «здесь-внутри», и невидимы для него. Они простираются от того, что известно каждому из обсуждаемого круга (как делать хроматографию), через обыденные вещи, которые никто не замечает до тех пор, пока они происходят (поставка электроэнергии), до проблем или процессов, которые активно подавляются, чтобы произвести представления, принимаемые в качестве прямых отчетов о реалиях (они включали бы активный характер авторства или следы непрерывности между утверждениями и реалиями, которые они описывают).

Интерлюдия: О парадигмах

Книга Т. Куна «Структура научных революций» является наиболее известной из работ, которые катком прошли по эмпирическому и позитивистскому представлению о науке⁶⁰. Кун работает

60. Об этом написаны целые библиотеки, нам же здесь нужен только краткий очерк. Для начала хорошим введением

при помощи образцовых исторических примеров, и его аргументацию нелегко обобщить. Для него примеры являются уроками того, как видеть и понимать мир. Быть ученым значит прорабатывать примеры. Быстрые объяснения не позволяют проникнуть в суть вещей. Разговоры и утверждения только вершина айсберга. Поэтому если я говорю, что для нас важны три черты его подхода к науке, то (хотя это и не совсем неверно) это расходится с глубинным смыслом куновской истории. Тем не менее.

Во-первых, ученые не приступают к своей работе в состоянии наивного простодушия. Они обладают целым арсеналом, который Кун называет *парадигмой*. Она включает в себя законоподобные обобщения, неявные допущения, инструментальные и телесные навыки, рабочие модели и общий, более или менее имплицитный, взгляд на мир. Она также содержит образцовые примеры применения релевантных моделей и теорий. Научная подготовка, говорит Кун, это обучение видеть выбранные эмпирические положения дел в терминах, соответствующих их восприятию другими разделяющими парадигму учеными, видеть отдельные положения дел как примеры или применения релевантных моделей и теорий. Он пишет, что от студентов:

регулярно можно услышать, что они прочитали насквозь главу учебника, поняли досконально все, что в ней содержится, но тем не менее затрудняются в решении ряда задач, предлагаемых в конце главы. Обычно эти трудности разреша-

в эти дебаты являются: Kuhn (1970) (*Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И. З. Налетова. М.: Прогресс, 1977. — Примеч. пер.*), Lakatos, Musgrave (1970) и Barnes (1982).

ются одним и тем же способом, как это происходило в истории науки. Студент находит с помощью или без помощи своего инструктора способ уподоблять задачу тем, с которыми он уже встречался»⁶¹.

Нужно просто идти в лабораторию и проводить эксперименты, учиться правильно видеть их. Чтение учебников не поможет.

Во-вторых, ученые — *решатели головоломок*. Мир предлагает эмпирические и теоретические головоломки, которые могут быть решены применением, приспособлением и расширением парадигмы. Решатель головоломок, верный парадигме, применяющий и расширяющий ее — вот кто такой ученый.

В-третьих, парадигмы очень редко терпят неудачу. Систематические попытки решить некоторую важную головоломку ни к чему не приводят. Если это происходит достаточно долго, то развивается чувство кризиса, которое может привести к «*научной революции*», в которой одна парадигма замещается другой. Но это происходит редко. Большинство ученых погружены в повседневный творческий процесс решения головоломок.

Подход Куна во многом схож с подходом Латура и Вулгара, что и неудивительно: они приходят после Куна и многое у него заимствуют. Мы можем рассматривать ученых института Солка как решателей головоломок, которые опираются на хинтерланд более или менее стандартизированных инструментальных, теоретических и телесно воплощенных ресурсов и вплетены в него. Более того, большая часть

61. Цит. по: Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И.З. Налетова. М.: Прогресс, 1977. С. 246–247. — *Примеч. пер.*

хинтерланда неявна: парадигмы воплощены в навыках, непроговариваемых допущениях и устройствах записи⁶². Знание несводимо к определенному набору утверждений и теорий. Оно является до некоторой степени неявным и расплывчатым хинтерландом.

Это означает, что переплетения куновской картины науки не похожи на те, что предложил Мертон. Во-первых, они гораздо менее четки. Во-вторых, эмпирическое имеет другую значимость, поскольку исходя из рассуждений Куна *невозможно нейтральное наблюдение природы* — что и как наблюдают ученые, определяется их парадигмой⁶³. В научном наблюдении *требуется* распознать сходство:

62. Это важнейший урок Куна, хотя его можно найти и у других авторов. См., например: Ravetz (1973) и Polanyi (1958) (*Полани М. Личностное знание: На пути к посткритической философии* / пер. с англ. М. Б. Гнедовского. М.: Прогресс, 1985. — *Примеч. пер.*).

63. Это имеет ряд радикальных следствий. Одно из них состоит в том, что раз существуют научные революции, т.е. разрывы в истории, то нелегко показать прогресс науки. Возможно, она просто изменяется. Кун натерпелся от своих критиков, потому что заявил, что раз научные революции — это разрывы, то движение науки прерывисто. Большинство предшествующих подходов к науке предполагали, что в целом наука со временем увеличивает свою предсказательную силу, область действия своих теорий, свой эмпирический базис. Этот аргумент выдвигался самыми разными способами, но, как правило, предполагал, что наука создает обобщения все большей силы и экономности и/или фальсифицирует те из них, которые оказались эмпирически неадекватными. Но это (обычно) предполагает наличие своеобразной эмпирической линейки для измерения области действия научных теорий. Будьте уверены, ученые — или даже целые группы ученых — могут держаться за неправильный конец линейки и дурачить самих себя, думая, что открыли феномен, которого в действительности нет. Но в общем и целом предполагалось, что хорошее наблюдение пробьется

То, что «встроено» в нервные процессы, которые преобразуют стимулы в ощущения, имеет следующие характеристики: оно передается в процессе обучения; благодаря многочисленным испытаниям оно признано более эффективным, нежели конкурирующие варианты, имевшие место в процессе исторического развития среды, окружающей группу; и, наконец, оно подвержено изменениям как в процессе дальнейшего обучения, так и благодаря обнаружению несоответствия со средой. Все это характеристики знания, и они оправдывают то, что я использую именно этот термин. Но это необычное словоупотребление, поскольку одна из характеристик упущена. Мы не обладаем прямым доступом к тому, что знаем, никакими правилами или обобщениями, в которых можно выразить это знание⁶⁴.

Наблюдения не могут быть нейтральными. Их невозможно изъять из контекста обучения или процесса решения головоломок, образующих хинтерланд. Хотя *ученые и решают реальные эмпирические головоломки*, реальность, с которой они имеют дело, частично зависит от самой парадигмы. Внешнее не является произвольным или изменчивым. Оно не может быть создано волей-неволей. Но конкретные принимаемые им формы более или менее специфичны. Куновский взгляд на науку прагматичен: парадигмы — это инструменты обращения с внешним.

в той мере, в какой процесс исследования будет освобожден от пагубных последствий политических и экономических влияний. О фальсификации см.: Popper (1959) (*Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. — Примеч. пер.*).

64. Цит. по: Кун Т. Структура научных революций. / пер. с англ. И.З. Налетова. М.: Прогресс, 1977. С. 255–256. — *Примеч. пер.*

Но они же частично учреждают это внешнее. Тем самым, хотя и есть различия между Куном с одной стороны и Латуром и Вулгаром с другой стороны, достаточно только небольшого сдвига куновского представления о науке, чтобы сказать, что специфические версии внешнего не являются независимыми от парадигмы и ей не предшествуют. И если эти версии оказываются определенными и единственными, то они становятся таковыми только в отношении конкретной парадигмы.

Структура научного переплетения слишком далека от представлений Мертона.

Множественные миры

Разные места

Картина метода начинает меняться. Аргументом больше не является то, что методы *открывают* и запечатлевают реальности. Все дело в том, что они участвуют в осуществлении этих реальностей. Кроме того, метод — это не просто более или менее сложный набор процедур или правил, а, скорее, связанный хинтерланд. Он тянется через навыки, инструменты и утверждения (реализации предшествующих методов, разворачивающиеся здесь-внутри), через описываемые в качестве там-вовне реалии, превращаясь в ветвящееся и неопределенное множество отношений, мест и допущений, которые теряются из виду. Что из этого следует? Этому вопросу посвящены оставшиеся главы книги. Чем являются реалии, произведенные методом? Каковы формы там-вовне, внешнего? Какие реалии, формы внешнего, *можно* сделать с помощью метода? А как производится внутреннее, и как оно могло бы выглядеть? Как сплетены друг с другом разные реалии, разные методы и разные формы внутреннего?

Исследование должно быть практическим, то есть изучением практикуемого метода. Что же происходит с различными методами на практике и как они соотносятся друг с другом? Чтобы ответить на этот вопрос, мы переместимся в большую университетскую клинику, «Клинику Z» в Нидер-

ландах и последуем за Анн-Мари Мол. Она наблюдала за докторами и пациентами, лечившими атеросклероз нижних конечностей. Это распространенная, даже прозаичная болезнь, но она мучительна, болезненна и сопряжена с трудностями, а иногда и приводит к летальному исходу. Мол задает вопрос: что такое атеросклероз нижних конечностей? Чтобы ответить на этот вопрос, она проводит нас по ряду мест, начав со смотрового кабинета хирурга:

Хирург приглашает в кабинет следующего пациента. Они пожимают руки... Пациентка, восьми-десятилетняя женщина, садится на стул по другую сторону стола, держа сумочку на коленях. Врач просматривает лежащую перед ним папку и достает последние записи. «Итак, миссис Тильстра, ваш терапевт пишет здесь, что у вас проблемы с ногой. Это так?». — «Да-да, доктор. Я потому и пришла к вам». — «Расскажите, что за проблемы. Когда вы их заметили? Когда они проявляются?» — «Ну, что сказать, доктор. Все начинается, когда я пытаюсь что-нибудь делать — двигаться, ходить — да что угодно. Например, раньше я подолгу гуляла с собакой, а теперь не могу, ну почти не могу. Очень больно». — «А где болит?» — «Здесь, доктор, в основном вот здесь, в районе икры. Левая нога». — «Значит, при ходьбе у вас болит левая икра. А через сколько метров начинает болеть?» — «Где-то метров через 50». — «Хорошо. Вернее, не очень, конечно. Так. А после небольшого отдыха вы можете снова ходить?» — «Да, если немного подождать, то после — конечно, да. Да, могу»¹.

Миссис Тильстра описывает симптомы того, что профессиональные медики называют «пере-

1. Mol (2002). P. 21–22.

межающейся хромотой». Это периодическая боль при ходьбе. Пациентка не говорила бы с хирургом, если бы уже не побывала на приеме у врача общей практики. И она не побывала бы там, если бы не почувствовала боль в ноге во время прогулки с собакой. Но у нее на самом деле не было (или так говорит Мол вслед за Латуром и Вулгаром) состояния, называемого «перемежающейся хромотой», пока она не показалась хирургу. До того болезнь была «рассеянной»². Мол продолжает:

Это не означает, что болезнь миссис Тильстра возникает благодаря врачу. Когда он один в своем кабинете, он может пояснить посетившему его этнографу, что влечет за собой клинический диагноз, но без пациента он не сможет *поставить* диагноз. Чтобы «перемежающаяся хромота» была на практике, нужны двое. Врач и пациент³.

Перемежающаяся хромота требует и пациента, и врача. Для того чтобы реализоваться, она должна быть создана историей первого и практически знаниями последнего. Мы видим здесь переплетение хинтерланда а, кроме того, — тень ученых, как их описывал Томас Кун: хирург натренированным взглядом видит сходство между случаем миссис Тильстра и всеми виденными им прежде случаями перемежающейся хромоты. Дело в том, что иногда истории обманчивы. Например, мистер Зендер тоже говорит хирургу о боли в ногах, но она возникает, когда он сидит, а не ходит. С его ногами что-то не так, но это не перемежающаяся хромота.

2. Ibid. P. 22.

3. Ibid. P. 23.

Как говорит хирург: «У вас вполне может быть боль. Но проблема не в артериях ног»⁴.

Практика перемежающейся хромоты вырастает из специфического хинтерланда, включающего историю пациента и навыки врача, а последние включают теорию причин болезни. Согласно этой теории, перемежающаяся хромота вызвана недостаточным поступлением крови в нижние конечности. Недостаточность возникает, когда ногам требуется больше кислорода — обычно во время нагрузки. Это, в свою очередь, вызвано атеросклерозом (вот почему проблема мистера Зендера в другом). Но все ли это? Рассказ и теория? Зачастую нет. Тело пациента тоже важно в кабинете врача. Оно не говорит о перемежающейся хромоте, но в руках проводящего осмотр хирурга оно может стать подкрепляющим свидетельством:

Сосудистый хирург держит ступни мистера Ромера в своих ладонях, чтобы оценить и сравнить температуру обеих. Он обследует кожу. Двумя пальцами нащупывает пульсации артерий в паху, колене и ступне⁵.

Одна ступня теплее другой — это знак плохого поступления крови во вторую. Также на второй ноге хуже кожа — еще один признак. В районе лодыжки слабый пульс — третий признак. Так что тело тоже важно. Оно лучше всего, если подтверждает рассказ пациента, как в случае мистера Ромера. Однако так происходит не всегда. К примеру, как говорят хирурги, пациенты иногда заучивают истории из ТВ-передач или рассказов других и говорят, слов-

4. Mol (2002). P. 42.

5. Ibid. P. 25.

но у них есть перемежающаяся хромота. Но затем осмотр дает теплые ноги с хорошо пульсирующими артериями. Подобные случаи не норма, но встречаются.

Оставим клинику и переместимся во второе место. Несколькими этажами ниже в том же здании находится *лаборатория патологии*, в которой имеется большой холодильник, и в тот день, когда Мол посетила ее, в нем находились ступня и нижняя часть ноги. Они были ампутированы накануне и отправлены в лабораторию для определения состояния кровеносных сосудов⁶. Что это значит на практике? Во-первых, патологоанатом вырезает фрагменты артерии и помещает их в контейнеры с консервационной жидкостью. Затем техник декальцинирует артерию и делает тонкие срезы. Эти срезы окрашиваются и помещаются в предметные стекла⁷. После этого их можно изучать под микроскопом. Вот о чем говорят Мол и патологоанатом, пока рассматривают через микроскоп один из срезов артерии:

«Видите, это сосуд, вот здесь, не совсем круглый в поперечнике, но почти. Он розовый из-за красителя. А фиолетовый вот здесь — это обызвестление, это в средней оболочке его стенки... Смотрите, все это, вся эта мешанина вот тут — артефакт отсюда». Он передвинул указатель в середину круга. «Это просвет протока. Там клетки крови внутри, видите... А здесь, вокруг просвета, это первый слой клеток, то есть интима, внутренняя оболочка. Она утолщена. О, ну не толстая ли она? Везде, отсюда и досюда. Смотрите. Вот и ваш атеросклероз. Утолщение интимы. Вот что это такое на са-

6. Ibid. P. 33.

7. Ibid. P. 37–38.

мом деле»... Затем после короткой паузы он добавил: «Под микроскопом»⁸.

Патологоанатом говорит о чем-то, напоминающем покрытую накипью или налетом трубку. Этот налет в трубке — утолщение интимы. В учебниках и медицинских заключениях покрытая налетом артерия с утолщенной интимой затрудняет кровообращение — тогда история соответствует описанному выше осмотру мистера Ромера. Из-за затрудненного кровотока пульса нет, или он слабый, и в пораженную ступню поступает недостаточно кислорода. Это соответствует и истории миссис Тильстра, потому что перемежающаяся хромота, боль при ходьбе, вызвана, как мы знаем, нехваткой кислорода.

Таким образом, атеросклероз нижних конечностей производится и в клинике, и в лаборатории патологии. Но он реализуется и в *отделении радиологии*. Здесь пациент лежит на столе, в его бедренную артерию вставлена игла — очень напряженный для специалистов момент, ведь все может пойти не так, как надо. К игле присоединяется катетер. Затем все кроме пациента переходят в соседнюю комнату за свинцовым экраном, нажимаются две кнопки. Одна впрыскивает в артерию через катетер непрозрачную для рентгеновских лучей (рентгеноконтрастную) жидкость, а другая запускает рентгеновский аппарат, который делает серию снимков ноги. Если все проходит хорошо, то в результате производится серия ангиографических изображений (эта техника называется *ангиографией*), которые показывают двухмерную версию просвета сосуда и свободные от налета секции сосудистой системы ноги. Это визуальное представление мест, куда

8. Mol (2002). P. 30.

может добраться кровь (и контрастное вещество). В результате получается что-то вроде карты-схемы, которую можно показывать и обсуждать. Где локализован стеноз (сужение просвета сосуда), снижение кровотока, и какой он степени?

Консилиум. Негатоскоп (устройство для просмотра рентгеновских снимков). Хирург подходит к обсуждаемым ангиографическим снимкам. «На сколько вы оценили это?», — спрашивает он радиологов, указывая на стеноз. — «70%». — «Ну что вы, это не 70%. Если вы сравните этот участок с участком выше, а этот примете за норму, вот здесь, то, я бы сказал, получится почти 90% сужения в этом просвете»⁹.

Подобно лаборатории патологии у отделения радиологии есть свои методы и практики. Его хинтерланд включает: рентгеновский аппарат, контрастное вещество, катетеры, свинцовые экраны, хирургический разрез, антисептик, пациента под обезболивающим, стол, на котором он лежит, и еще много всего. Но продуктом здесь является не предметное стекло микроскопа. Вместо него ангиограф — другая, довольно сильно отличающаяся версия и визуализация атеросклероза нижних конечностей. Это другой способ работы с сужением просвета, хотя на этот раз нет прямой визуализации утолщения интимы. Но именно визуализация может привести к дискуссиям вроде процитированной выше, ведь различия в оценках потери просвета, как правило, существенны.

Клиника, лаборатория патологии, отделение радиологии. Три места. Но есть четвертое — еще один способ обнаружения и локализации сужения крове-

9. Ibid. P. 73-74.

носных сосудов, т.е. стеноза, и он отличается от других. Это так называемый «дуплекс»¹⁰, он использует *ультразвук*. К коже пациента чуть выше кровеносного сосуда прижимается небольшой зонд — хотя сначала надо найти сосуд и убедиться, что зонд хорошо контактирует с кожей (на нее наносится специальный гель). Зонд испускает ультразвук и улавливает отраженные сигналы. Оператор ищет проявления эффекта Допплера, то есть различия в длинах отраженных волн, вызванные кровотоком. Они отображаются с помощью цветов на экране. В частности, он ищет изменения в скорости кровотока, поскольку предполагается, что кровь течет быстрее там, где сосуд частично закупорен (где сужение просвета наибольшее), и медленнее там, где все в норме. На практике оператор пытается сравнить скорости (обычно пиковую систолическую скорость, ПСС) для здоровых и частично окклюзированных участков, чтобы

-
10. При дуплексном сканировании используется два ультразвуковых режима: В-режим и «доплеровский». В первом режиме датчик испускает ультразвук определенной частоты, который отражается на границах тканей с разными плотностями и возвращается к датчику. Аппарат улавливает отраженные сигналы через равные промежутки времени. Чем дальше от зонда отражающая структура, тем больше промежуток времени между излучением и приемом сигнала. В-режим дает двухмерное черно-белое изображение сосудов и окружающих тканей. Доплеровский режим использует эффект Допплера: при отражении ультразвук меняет частоту («доплеровский частотный сдвиг») пропорционально скорости отражающего объекта. Так измеряется скорость кровотока (отражающими объектами выступают эритроциты), вернее, спектр скоростей (у разных потоков в сосуде — разная скорость). Поэтому кроме количественной оценки (скоростей) этот режим дает и качественную — характера кровотока (равномерный или с завихрениями). — *Примеч. пер.*

посчитать индекс соотношения ПСС (PSV-ratio)¹¹. Затем он преобразует этот индекс (операция до некоторой степени спорная) в величину сужения просвета протока:

Индекс соотношения ПСС меньше 2.5: стеноз менее 50%. Индекс соотношения ПСС равен или больше 2.5: стеноз более 50%. Сигнала нет: окклюзия [закупорка]¹².

Вот еще один метод со своим особым хинтерландом. Подобно тому как ангиография отличалась от патологии, которая, в свою очередь, отличалась от клиники, так дуплекс отличается от ангиографии. У него свой набор устройств, навыков и людей. Пациент иначе готовится к обследованию (и оно проходит гораздо менее инвазивно, чем ангиография). На самом деле и физика в эти аппараты встроена разная, ведь в дуплекс встроено сочетание электроники и акустики, а в основе ангиографии — теория электромагнетизма в версии XIX века.

И, наконец, есть *операционная*:

Это толстая нога. Медсестра смазывает йодом внутреннюю поверхность бедра. После разреза ассистент тщательно отделяет жир, чтобы хирург мог проникнуть к сосудам. Кровь все время мешает. Ее собирают с помощью тампона. Малые сосуды перекрываются маленькими сосудистыми зажимами. Сосуды побольше перевязываются голубыми нитями. В ход идет гепарин, чтобы предотвратить свертывание крови... Затем разрез раскрывается с помощью... зажимов... Вот, наконец, и артерия. Она помечается с помощью оран-

11. Ibid. P. 55-57.

12. Ibid. P. 78.

жевой пластиковой нити. Затем аналогичным образом находится артерия под коленом... Хирург делает два разреза на стенке сосуда... С помощью хирургического ножа ассистент отслаивает атеросклеротическую бляшку от артериальной стенки в том месте, где артерия раскрыта. Затем он обхватывает бляшку кольцевым стриппером... Стриппер тянется вверх. Медленно. Когда наконец он доводится до паха, бляшка уже отслоена на всем протяжении нужного участка артерии [получается трубка в сосуде]. С помощью микропинцетов хирург вытягивает ее и помещает в маленький контейнер. Туда попадает утолщенная интима [внутренний слой стенки сосуда] с приставшей к ней атеросклеротической массой. Ее яркая белизна контрастирует с сероватой артерией¹³.

Это описание эндартерэктомии, одной из хирургических процедур удаления утолщенной интимы, вызывающей стеноз артерии. И у нее, конечно же, собственный набор устройств, собственная сборка методов. Хирурги могут использовать ангиографию как своего рода карту, чтобы решить, где делать разрез. В таком случае ангиография и все, что ее производит, формируют часть хинтерланда. Но, кроме того, в него входят навыки хирурга, разнообразные хирургические инструменты: скальпели, зажимы, стрипперы (поразительно грубый инструмент в форме кольца, прикрепленного к жесткой проволоке), гепарин, тампоны, салфетки, аппарат для анестезии и многие другие элементы операционной. Так, связанный хинтерланд операционной превращает утолщенную интиму в белую массу, которую можно выбросить в контейнер. В операционной ин-

13. Mol (2002). P. 90.

тима и стеноз принимают собственную особую форму. Эти формы и похожи, и отличаются от форм в других метод-сборках.

Единственная история

Итак, есть много мест: клиника (которую можно разделить на жалобы пациентов и осмотр пациентов врачом), лаборатория патологии, отделение радиологии, дуплексный аппарат, операционная. Мол описывает по меньшей мере пять мест, где появляется атеросклероз нижних конечностей, и она могла бы найти еще. К примеру, она пишет о «терапевтической ходьбе», альтернативном неинвазивном лечении перемежающейся хромоты¹⁴. Кроме того, Мол посещает отделение гематологии, где изучается формирование бляшки, вызывающей стеноз и сужение просвета сосуда. Но остановимся на этом пункте. У нас есть много мест, каждое со своей метод-сборкой, своим набором связанных со здоровьем профессиональных умений и практик. И если последовать за Латуром и Вулгаром, то придется добавить, что *каждая из этих метод-сборок производит свою версию атеросклероза: есть множественные атеросклерозы*. Но что нам делать с этим удивительным выводом? По душе ли нам такая эрозия единой реальности?

Что касается профессионалов, то они обычно *говорят* о едином объекте, или о множестве объектов и процессов, сочетающихся друг с другом и со-

14. Если пациенты начинают регулярно ходить под присмотром физиотерапевтов, то боль при этом наступает все позже и позже, а иногда необходимость в операции вовсе отпадает. См.: Law, Mol (2002).

вместно производящих единую реальность. Выше я об этом писал. Иными словами, они говорят, что долговременные изменения в крови (возможно, частично из-за диеты и недостатка физической нагрузки) могут вести к медленному нарастанию атеросклеротической бляшки и утолщению интимы. Поначалу влияние этого процесса невелико, но с определенного момента сужение просвета становится столь значительным, что кровоток сокращается. Тогда пациент испытывает боль при ходьбе (переменяющаяся хромота), и, скорее всего, его ждет хирургическое вмешательство. Когда это случается, видимыми становятся и другие симптомы — например, относительное отсутствие пульса, разница температур ног. Дальнейшее обследование сделает видимыми дополнительные симптомы, и их удастся локализовать. Можно использовать дуплексное сканирование, чтобы определить расположение частичного стеноза, измерив рост максимальной скорости кровотока, или ангиографию — чтобы уловить частичный или полный стеноз.

О происхождении и диагнозе достаточно. А что лечение? В легких случаях это может быть терапия ходьбой¹⁵. В других — придется прибегнуть к хирургии. Один из вариантов я уже описал. Эндартерэктомия — это операция по физическому удалению вредной бляшки из артерии. Но есть

15. Примечательно, что когда терапия ходьбой работает (обычно это возможно при проведении поддерживающей и дисциплинирующей физиотерапии), она не сокращает стенозы. Почему тогда она помогает? Возможно, она открывает альтернативные «побочные» сосуды, и кровь по ним обходит пораженные участки артерий. Возможно, изменяется биохимия крови. Никто, на самом деле, не знает.

еще по меньшей мере два варианта. В чрескожной транслюминарной коронарной ангиопластике (ЧТКА) пораженный стенозом сосуд расширяется изнутри с помощью устройства, похожего на крошечный надувной баллон и расположенного на конце катетера, вставленного в сосуд. Задача этой операции — сдвинуть бляшку и увеличить диаметр потока. Третий вариант — шунтирование пораженного атеросклерозом участка артерии¹⁶. Четвертый вариант необходим, если кровоток настолько слаб, что есть риск (или это уже реальность) развития гангрены, то есть ампутации. Лишь в случае этого четвертого варианта вмешательства становятся возможными практики лаборатории патологии: нарезание и препарирование тонких поперечных срезов стенозированных сосудов, микроскопическое исследование роста интимы и сужения просвета.

Различия точек зрения

Эта распространенная, даже привычная, манера письма — форма перспективизма. Он вкладывается в, реализует и предполагает классическую европейско-американскую версию внешнего. Атеросклеротическая реальность там, вовне, делается *предшествующей* и *независимой* от медицинского вмешательства. Она *определенна* по форме и *единственна*. При такой организации внешнего первая задача состоит в том, чтобы выработать ответ на вопрос, что *есть* реальность: к примеру, состояние сосудов ног миссис Тильстра и нахождение стеноза в этих сосудах. Затем вторая задача — вмешательство, способное помочь

16. Кровоток направляется в обход через новый сосуд. — *Примеч. пер.*

ей. Хирурги и их коллеги придерживаются сильной версии внешнего: подобно художникам-перспективистам или ученым в лаборатории Солка они предполагают, что обращаются к одной и той же реальности. Разумеется, иногда все работает без сбоев. Боль при ходьбе, клиническое обследование, ангиография, дуплексное сканирование, хирургическое вмешательство и патология — все это должно сочетаться друг с другом, чтобы произвести единый и внутренне согласованный атеросклероз.

Иногда. Но время от времени практикующие врачи вместо этого обнаруживают, что оказались лицом к лицу с плохо скоординированными реалиями. Что тогда они делают? Вот пример:

Патологоанатом: «Раз уж вас так интересует атеросклероз, стоило прийти на прошлой неделе. К нам поступила пациентка, женщина лет семидесяти. У нее были проблемы с почками, серьезные проблемы. Так что ее приняли. А на следующий день она умерла. Вот так, поступила и умерла. Нефрологи в ужасе, и семья, конечно, тоже. Нас попросили сделать аутопсию. Так у нее вся сосудистая система была атеросклерозом поражена. Одна из почечных артерий была закупорена, вторая — почти. Непонятно, как вообще у нее почки работали, откуда они брали кровь. И то же самое было в каждой обследованной артерии: все они были кальцинированы. Сонные, коронарные, подвздошные артерии: все. Утолщенные интимы, маленькие просветы. И при всем при этом она никогда не жаловалась. Ничего. Ни грудной боли, ни хромоты — ничего»¹⁷.

Второй пример:

17. Mol (2002). P. 45–46.

«Вот, посмотрите. Видите показатели давления у мистера Ильяза? Невероятно. Своим глазам не верю. Судя по этим цифрам у него вообще едва ли есть кровь в ногах. А он приехал в амбулаторную клинику один, на своем мотоцикле. Сказал, что что-то немного заболело. Не верю в это. Немного заболело. По одним только этим показателям я бы сказал, что пациент у нас вообще не может ходить. Только корчится от боли»¹⁸.

А вот третий:

[У миссис Тейкенс шунт] может быть окклюзирован, поскольку на ангиограмме после критической точки нет контрастного вещества: белая полоска обрывается. Однако дуплекс показывает максимум кривой графика после этой точки. Поток. Один из радиологов говорит: «Чему верить в таких случаях, когда ангиография показывает «закупорено», а дуплекс говорит „чисто“»? Два хирурга в один голос говорят: «Дуплексу»¹⁹.

Это примеры противоречий: между результатами лаборатории патологии и жизнью пациента (в первом случае), между жизнью пациента и клиническими измерениями (второй случай), а также между ангиографией и дуплексом (третий случай). Что они значат?

Во-первых, они важны для повседневной практики в медицине. Ведь хотя профессиональные медики обычно работают с сильной, перспективистской версией внешнего, это только средство для более важной цели: вмешательства и помощи пациенту. Их основная забота — выяснить, *что делать*. В идеальном мире

18. Mol (2002). P. 64.

19. Ibid. P. 83.

все показатели имеют смысл и согласуются: это разные, но совместимые точки зрения здесь-внутри на единую внешнюю реальность. Однако коль скоро мир несовершенен, врачам зачастую приходится прилагать усилия, чтобы выяснить, как действовать в условиях противоречащих друг другу показателей. Их мир довольно сильно отличается от мира ученых из Института Солка. Последние заняты фиксацией реальности, истиной, а профессиональным медикам на практике, если не в теории, часто приходится работать с множеством возможных истин²⁰.

Во-вторых, эти противоречия указывают на то, что нужны решения и эмпирические правила для этих решений. Они вырастают из накопленного опыта, исследований, бесед и чтения. Искусство хирургии. К примеру, почему в приведенном выше случае два хирурга единогласно высказались за «дуплекс»? Вот что пишет Мол дальше:

А затем один из ... [хирургов] рассказывает, как он когда-то исследовал 70 подобных случаев: случаи пациентов, чья ангиограмма показывала окклюзию, в то время как дуплекс фиксировал кровоток. Во всех 70 случаях показания дуплекса совпадали с результатами операций. «70 случаев это мало, так что я не мог опубликовать это. Но там не было исключений»²¹.

Здесь хирургия используется в качестве «золотого стандарта» для определения природы атеро-

20. На практике ученым из Солка — тоже. Как мы уже видели, они работают в неопределенности. Но в отличие от профессиональных медиков они сами устанавливают конвергентную цель определения одной-единственной реальности.

21. Mol (2002). P. 83.

склероза, а дуплекс расценивается как наилучший проводник к реальности. Но Мол также показывает, что во многих других (возможно, в большинстве) контекстах именно ангиография используется как «золотой стандарт» для определения правильности дуплексного сканирования (гораздо более поздняя технология), а не наоборот. Получается, что лучшим нечто оказывается в зависимости от обстоятельств²². Правила, как давно показал Витгенштейн²³, не дают нам своего правильного применения.

Таким образом, есть более или менее изменчивые и обусловленные обстоятельствами правила для различения противоречивых версий атеросклеротической реальности и на практике принятия решения о том, какова эта реальность. Для ее фиксации в практике. А, учитывая частоту противоречий, такие правила бесконечно ветвятся. Например, как мистер Ильяз мог приехать в амбулаторное отделение клиники на мотоцикле, если в его ногах так мало крови? Если он должен был бы кричать от боли? Это загадка:

«Да, это что-то... — кивает [старший терапевт], — но мы видели такие случаи и раньше. Вероятно, состояние этих людей ухудшается постепенно. Их мышечный метаболизм меняется. Пока у людей есть для этого время, адаптация организма может пойти очень далеко»²⁴.

22. Ibid. P. 56.

23. Wittgenstein (1953). (См.: *Витгенштейн Л. Философские исследования. // Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. — Примеч. пер.*)

24. Ibid. P. 65.

Это один способ объяснить противоречие — сделать его видимым. Другой — сказать о возможности того, что диабет мистера Ильяза мог привести к дегенерации периферических нервов, и в таком случае понятно, почему он мог не чувствовать боль в ногах. Третий способ объяснения состоит в том, что мистер Ильяз, будучи иммигрантом, недостаточно хорошо говорит по-голландски, чтобы объяснить силу боли, от которой он страдает:

«Да, если подумать, то вполне возможно, что он преуменьшил боль в своих жалобах. Он плохо знает голландский»²⁵.

Таковы точки зрения на различие, пытающиеся его *оправдать*. Но какие следствия можно из этого вывести? Нам хотят сказать, что профессионалы пытаются прикрыть противоречия и даже свою некомпетентность. Как бы то ни было, это предположение, распространенное в литературе по социологии медицины, безусловно, является только частью истории. В текущем контексте важнее то, что такие истории *помогают поддерживать сильную перспективистскую и сингулярную версию внешнего, даже если производят множественные реалии*. Они предполагают и в то же время позволяют реализовать стандартную версию европейско-американской метафизики, одновременно создавая что-то другое. Вследствие этого в существующих неполных, неопределенных и перемешанных обстоятельствах нам недоступно полное понимание и состояния мистера Ильяза в частности и атеросклероза в целом. Но тем не менее и состояние пациента, и болезнь видимы там-вовне. Они находятся там-вовне

25. Mol (2002). P. 66.

не просто расплывчатыми, неясными, но и во всей своей конкретике, обсуждавшейся нами. Они *не зависят* от медицинских исследований, *предшествуют* диагнозу, они *определены* и *единственны*. То, что мы еще не знаем должным образом всех их качеств, является лишь техническим или практическим вопросом. Так европейско-американская метафизика сохраняется перед лицом возможных противопоказаний.

Множественность, реализация и объекты

Как я упоминал выше, Мол хочет, чтобы мы двинулись в другом направлении. Ее интересует не единственность, а различие и множественность:

Если отношение между атеросклерозом патологии и атеросклерозом клиники производится, на практике их объекты могут совпасть. Но это не закон природы²⁶.

Обратите внимание, что тут происходит. Мол смекает *фокус с репрезентации на сам объект*. Возможно, репрезентации также изготавливаются, но внутреннее, здесь-внутри — это также вопрос объектов, вещей. Но почему? И как? Выше я коснулся ключевого момента в исследовании Мол. Он случился в лаборатории патологии, когда она вместе с патологоанатомом рассматривала сквозь микроскоп поперечный срез артерии ампутированной ноги. Дело в том, что сказал патологоанатом: «Смотрите. Вот и ваш атеросклероз. Утолщение интимы.

26. Ibid. P. 46.

Вот что это такое на самом деле... *Под микроскопом*»²⁷. Мол пишет:

Моя затея держится на этом уточнении. Врач-патологоанатом произносит его так, будто в этом нет ничего особенного. «Под микроскопом». Но это многое означает. Без этого добавления атеросклероз остается в полном одиночестве. Он видим *через* микроскоп. Утолщенная интима... Есть что-то соблазнительное в этом: использовать инструменты как «всего лишь» инструменты, раскрывающие скрытую реальность атеросклероза... Но когда добавлено «под микроскопом», утолщенная интима более не существует самостоятельно — только при помощи микроскопа. Это уточнение обнаруживает, что видимость интимы *зависит* от микроскопа. И в этом отношении зависит даже больше²⁸.

Объекты тогда не существуют сами по себе. Они *изготавливаются*, собираются как часть хинтерланда. Подобно репрезентациям они реализуются «здесь-внутри», тогда как множества реалий делаются видимыми «там-вовне», и более широкий круг отношений, процессов и контекстов, необходимых для присутствия, при этом исчезает. Однако, в отличие от репрезентаций, объекты не *описывают* видимые реалии «там-вовне». Это метод-сборка, где отношения другие. Возможно, здесь-внутри *производится* его видимыми там-вовне реалиями, или они — его *причины*, или *сформировали*, дали форму, или *повлияли* на него. (Атеросклеротическая кровяная бляшка могла бы быть вызвана физиологией крови как причиной, или на нее могло повлиять

27. Mol (2002). P. 30.

28. Ibid. P. 30–31.

плохое питание, или и то и другое в зависимости от того, что интересует.) С другой стороны, возможно, оно (также) вызывает, или формирует, или придает форму, или влияет на там-вовне. (Атеросклероз, реализованный через ангиографию, может определять последующие действия хирургов или физиотерапевтов.) Таким образом, для объектов отношения между здесь-внутри и видимым там-вовне сложны, контингентны и изменчивы, а движение между ними может быть двусторонним.

Если объекты реализуются так, то это предполагает, что нам нужен второй способ понимания методов-сборок, чтобы сопоставить сказанное о репрезентации. Надо сказать, что метод-сборка может создавать хинтерланды в форме: (а) здесь-внутри *объектов*; (б) видимых или значимых там-вовне *контекстов*, равно как и (в) там-вовне процессов, контекстов и пр., которые и *необходимы*, и с *необходимостью исчезают* из области видимости или значимости. В то же время, однако, если мы сосредоточимся на практике, то перспективистское давление на единственность ослабевает. Вот где заявляет о себе вопрос о различии, о множественности: когда врач говорит об атеросклерозе нижних конечностей и пытается диагностировать и лечить его, то на практике в этом задействованы по меньшей мере полдюжины разных метод-сборок. А отношения между ними неопределенны, иногда расплывчаты, трудны и противоречивы. Это то, что Мол называет *проблемой различия*. Потому что если мы решительно придерживаемся логики, предложенной Латуром и Вулгаром и продвигаемой Мол, то европейско-американский перспективизм теряет силу. Мы ведь имеем дело не с разными и, возможно, неполноценными точками зрения на *один и тот же* объект. Скорее, речь идет о *разных объектах, произведенных разными*

метод-сборками. Да, эти объекты частично совпадают. На самом деле проблема именно в этом: в попытке удостовериться, что способы их совпадения продуктивны. Способы, позволяющие вмешаться и помочь мистеру Ильязу и миссис Тейкенс. Так что они совпадают, *но они — не одно и то же*. Разные реалии изготавливаются и приспособляются друг к другу, тем самым они могут быть связаны — с большими или меньшими трудностями.

Вот здесь Мол и вмешивается. Ее позиция схожа с позицией Латура и Вулгара, не считая одного неприметного, но разрушительного отличия. В чем оно заключается? В том, что медицинское обследование и вмешательство *может* вести к единственной реальности, *но необязательно так и происходит*. Продумывая это, Мол находит полезным различить «конструирование» (construction) и «реализацию» (enactment):

Термин «конструирование» использовался для выражения того, что у объектов нет фиксированных и данных идентичностей, что объекты складываются, возникают постепенно. В период неустойчивого детства их идентичности интенсивно оспариваются, они изменчивы и открыты к трансформациям. Но как только они взрослеют, они стабилизируются²⁹.

Латур и Вулгар говорят о *конструировании*. Их истории наполнены рассуждениями о неопределенности, которая была присуща объектам, пока они обрели форму (или проваливались в этом) в лаборатории. Они говорят о немногих избранных, достигших устойчивой зрелости перспективистского «замыка-

29. Mol (2002). P. 42.

ния»³⁰. Они добавляют, как мы уже видели, что замыкание в принципе может быть разъято, но, заметьте также, что это необычно, ведь, как правило, разбирать хинтерланд и переделывать его в иной форме слишком затратно. Тиреотропин-рилизинг-гормон? Масс-спектрометр? Замкнутость была достигнута, объект сконструирован. Единый хинтерланд на месте. Никаких вопросов.

Таково *конструирование*. А *реализация*? Мол:

подобно (человеческим) субъектам, (естественные) объекты упорядочены как части событий, которые происходят, и пьес, которые разыгрываются. Объект реален, если он является частью практики. Это *реализованная реальность*³¹.

«Пьесы, которые разыгрываются», — пишет Мол, указывая на роль исполнения. Однако это не обновленная версия драматургической социологии Гофмана. Последний различает *представления* самости («Я»), с одной стороны, и *самость* как скрытую реальность, лежащую за этими представлениями и производящую их — с другой³². Но это как раз то, чего пытается избежать Мол. Гораздо теснее, чем с подходом Гофмана, ее аргументация связана с недавними исследованиями в философии, социологии и истории исполнения (*performance*), подчеркивающими *перформативность* реализации. Именно эти труды — в исследованиях науки, феминистской теории

30. Такой подход распространен в социологии научного знания. См., например: Collins (1975; 1981a).

31. Mol (2002). P. 44.

32. Он блестяще развил это в серии исследований, начиная с Goffman (1971) (*Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-ПРЕСС, 2002. — *Примеч. пер.*).

и культурных исследованиях — так или иначе, положили начало изучению возможности того, что между реализациями и реалиями двустороннее движение³³. Утверждается, что реализации не только представляют то, что уже было сделано, но и имеют мощные продуктивные эффекты. Они создают или помогают создавать реалии здесь-внутри и там-вовне.

Тогда говорить о реализации значит обращаться к непрерывным практикам изготовления. Реализация и практика никогда не прекращаются, а реаль-

33. Этим предполагается, что поворот к перформативности реализации был мощной, если не господствующей силой в ряде теоретических традиций на протяжении нескольких десятилетий. Можно написать генеалогию этого явления, ведь оно боролось, чтобы сначала вообразить, а затем примириться с эпистемологическими, онтологическими и теоретическими выводами идеи того, что реальное скорее реализуется в практиках, нежели отражается с их помощью (как в перспективизме). Луи Альтюссер (Althusser (1971) (*Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. 2011. 3 (77). — Примеч. пер.*) неловко работает в пространстве, заданном двумя этими возможностями. Мишель Фуко (Foucault (1979; 1981) (*Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999; Фуко М. Воля к знанию. История сексуальности. Т. 1 // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Кастанья, 1996. — Примеч. пер.*)) гораздо яснее высказывается о перформативности дискурса, как и авторы из лагеря STS вроде Латура и Вулгара, а также феминистские теоретики вроде Джудит Батлер (Butler 1993) и Донны Харауэй (Haraway 1997). Любой серьезной попытке помыслить перформативность реализации придется справляться также с вопросом о материальности или «реальном» и его отношениях с дискурсами или иными лингвистическими выражениями. У Фуко дискурс распространяется и поддерживается с помощью определенных типов материального — более обстоятельно над этой идеей работала Батлер в связи с телесной воплощенностью.

ности зависят от их непрерывного творения — быть может, людьми, но гораздо чаще (как предполагают Латур и Вулгар) комбинациями людей, техник, текстов, архитектурных композиций и природных явлений (которые сами, в свою очередь, вводятся в игру или заново вводятся в игру). Поэтому Мол отбрасывает понятия конструирования и замыкания. Конечно, часто бывают *практические замыкания*. В данный момент, в текущих обстоятельствах и, несмотря на явно отсутствующую боль, у мистера Ильяза действительно есть тяжелый атеросклероз нижних конечностей. Но чего нет, так это замыканий в целом. Будьте осторожны, предупреждает нас Мол. Если мы обратимся к практикам и объектам, то можем обнаружить, что объекты никогда не упрощаются до овеществленной твердости. Мы можем обнаружить, что нет никаких неизменных объектов, укорененных в устоявшихся практиках, что хинтерланды не высечены в камне. И если вещи кажутся твердыми, предшествующими [контакту с ними], независимыми, определенными и единичными, то, возможно, это обусловлено тем, что они вводятся в игру впервые и снова, в практиках. Это непрекращающиеся практики. Практики, которые также множественны. Это способ мышления:

он не просто добавляет объектам потенциально оспариваемую и непредсказуемую историю (которую они приобрели недавно, вместе с понятием конструирования и историями об их *конструировании*), но и сложное настоящее — настоящее, в котором идентичности хрупки и могут меняться от места к месту³⁴.

34. Mol (2002). P. 43.

Итак, Мол следует предлагаемому Латуром и Вулгаром пути, но затем двумя ходами переключает нас. Она переходит от репрезентации к объектам, а делая так, она *устраняет единственность*. Там-вовне и здесь-внутри могут быть *множественными* и на деле обычно таковыми и являются.

Виртуальная единственность

Вот пример единичной реализации, которая оказывается множественной, — решение британского правительства в 1965г. отменить принятие на вооружение военного самолета TSR2. Вот как объясняет это решение один из участников его принятия:

Дискуссия показала, что между заинтересованными сторонами было определенное расхождение. Джеймс Каллаган, будучи канцлером казначейства, хотел отменить принятие самолета исключительно по финансовым причинам. Против него выступали: (а) Дэнис Хили, хотевший отменить принятие TRS2 и заменить его американским F111А, что значило бы определенную экономию, но и огромное увеличение долларовых расходов; (б) Рой Дженкинс, тоже хотевший закрыть проект TSR2, но заменить его британским самолетом — что примерно соответствовало и позиции Джорджа Брауна; и (с) Джордж Вигг, считавший, что отменить надо оба проекта, но не принимать никаких решений, пока не закончен пересмотр стратегии развития армии, который покажет, какого типа самолет нужен³⁵.

А вот объяснение другого участника:

35. Crossman (1975). P. 190–192.

Нам нужно было принять решение, и Кабинет снова собрался в 10 вечера. К полуночи я был вынужден принимать трудное... решение. Кабинет был расколот на три лагеря: одни выступали за продолжение проекта TSR2; другие — за полную отмену; а третьи поддерживали министра внутренних дел в том, что проект TDR2 должен продолжаться, но его военная функция должна быть передана заказанным американским Фантомам и F11A³⁶.

Эти объяснения не одинаковы. На самом деле, как показывает следующая таблица, они совпадают лишь частично:

	Объяснение Кроссмана	Объяснение Уилсона
Отменить	+	+
Отменить и купить F11A	+	
Отменить и купить британский самолет	+	
Вероятно, отменить, но ждать пересмотра стратегии	+	
Продолжить TRS2		+
Отменить и купить F11A и Фантомы		+

Европейско-американский здравый смысл предполагает, что мы должны думать о различиях перспективистски. В таком случае реалия там-вовне не зависит от описаний реалии здесь-внутри и предшествует

36. Wilson (1971). P. 89–90.

им. Она также определена и единственна. Если это так, то можно предположить, что было только одно решение — и, вероятно, принималось оно единожды. В то же время, и как часть процесса принятия решения, мы можем предположить, что этому предшествовала разработка ряда конкретных вариантов для выбора. Но если мы это утверждаем, что делать с различиями между объяснениями?

Ответ заключается в том, что они сглажены. Как в случае различий между разными версиями атеросклероза, другие объяснения ищутся из-за расхождений. Возможно, написавшие эти отчеты забыли или неверно поняли то, что произошло. А быть может, их отчеты корыстны. Есть много вариантов, но все они перспективистские и сохраняют допущение, что было принято единственное и определенное решение, выбранное из единственного и определенного набора вариантов. Так поддерживает себя европейско-американская метафизика.

Но есть альтернативная множественная возможность, предложенная Мол. Она состоит в том, что участники принимали разные решения и попросту думали, что принимают одно. Затем, так или иначе, они скоординировались. Представили себе, что говорят об одном и том же решении. Убрали с глаз долой возможные различия, изолировали их друг от друга. Вероятно, это можно назвать «виртуальной единственностью». В таком случае «виртуальное» имеет отношение не к киберпространству, а, скорее, к стеклянным блокам в школьных оптических экспериментах, которые показывают вещи там, где их в действительности нет³⁷.

37. Более подробный разбор см.: Law (2002a).

Множественность и дробность

Если нам интересна множественность, то нужно *обратить внимание и на работу по изготовлению, предполагаемую практикой*. Вспомните описанную Латуром и Вулгаром перестановку. Сначала практики одновременно производят утверждения о реалиях и сами реалии, которые они описывают; затем, когда модальности исчезают, реалии внезапно оказываются причинами этих утверждений. Быть может, это и так, однако Мол делает методологическое предостережение. Если мы хотим понять практику и порождаемые в практике объекты, то мы должны убедиться, что сами не совершаем эту подмену. Все потому, что она вводит в заблуждение. Реалии не объясняются практиками и убеждениями, а производятся в них. Они производятся и живут в отношениях. Поэтому нам нужна этнография, или, как ее называет Мол, *праксиография*:

После перехода от эпистемологической к прапсиографической оценке реальности, способ говорить о том, что *есть* атеросклероз, изменился, поскольку значение слова «есть» где-то по пути изменилось. Очень изменилось. Вот что подразумевает перемена: новое «есть» ситуативно задано, вписано в ситуацию. Оно не говорит, чем является атеросклероз по своей природе, то есть, где бы он ни возник. Оно не говорит, чем он является в себе и сам по себе, поскольку ничто не «есть» в одиночестве. Быть значит быть с чем-то связанным, соотнесенным. Новый способ говорить о том, что есть, не заключает в скобки практические вопросы, участвующие в учрежде-

нии реальности. Этот способ удерживает их актуальность³⁸.

Праксиография позволяет нам исследовать неопределенные и сложные жизни объектов в мире, в котором нет замкнутости. В мире, где нет единственности. Она позволяет изучать непрерывную реализацию объектов. И, как часть этого, праксиография дает нам возможность исследовать множественность этих объектов, способы их взаимодействия друг с другом:

Онтология в медицинской практике привязана к особому месту и ситуации. В одном медицинском здании есть много разных атеросклерозов. Однако же здание не разделено на секторы с дверьми, которые никогда не открываются. Разные формы знания не разделены на изолированные друг от друга парадигмы. Это одно из великих чудес жизни клиники: в ней есть разные атеросклерозы, но вопреки различиям между собой они связаны. Реализованный атеросклероз — больше, чем единица, но меньше, чем много. *Множественное тело* не фрагментировано. Несмотря на свою множественность, оно связно. Возникает поэтому вопрос: как это достигается³⁹?

Этому и посвящена большая часть книги Мол: практикам, порождающим явный объект-оксюморон, множественное тело. Что это за практики? В работе Мол предлагается целый ряд способов, которыми регулируются различия. Некоторые — более или менее перспективистские:

38. Mol (2002). P. 53–54.

39. Ibid. P. 55.

- Важна идея о том, что на деле есть только одно тело, так что все различия суть следствия ошибок или ограничений в практике. Мол называется это «наложением». Симптомы или диагностические признаки, которые могут конфликтовать друг с другом, в ходе переговоров отличаются от лежащего в основе условия, принимаемого за непротиворечивое. Тогда решающее значение для множественного тела играет сохраняющаяся вера в единое тело.
- *Единственный* нарратив тоже может быть важен — это нарратив, органично соединяющий теории об этиологии атеросклероза с его анатомическим, физиологическим и диагностическим выражениями. Выражения, в свою очередь, связываются с суждениями о возможности и желательности определенных вмешательств. Большой нарратив, соответственно, гладко склеивает описываемый и объясняемый им единый связный объект.
- *Переводы* также способствуют координированию множеств. Это процессы, в которых одно превращается в другое. Нам уже встретились некоторые примеры: ангиограммы (несколько спорно) преобразовывались в проценты сужения просвета сосуда, и то же самое проделывалось с индексами соотношения ПСС.
- *Подчинение* — это иерархическая версия перевода. Мы уже встретили контекст, в котором ангиография (часто считаемая «золотым стандартом») проиграла дуплексному сканированию. Можно сделать вывод, что локальные иерархии и подчинения важны, но и они делаются и переделываются, и они необязательно непротиворечивы⁴⁰.

40. Дальнейшее обсуждение не-связных иерархий или (в более общем случае) нетранзитивных отношений см.: Law (2000).

- Кроме того, важную роль могут играть *рационализации*. Они принимают форму добавочных слов нарратива, оправдывающих явные противоречия — как в случае, когда мистер Ильяз приехал в клинику на своем мотоцикле, тогда как должен бы был корчиться от боли.

Таковы способы справиться с множественностями, они примиряют разные атеросклерозы и склеивают их в нечто единое и единственное. Они носят перспективистский характер, потому что одновременно работают и на сохранение принципиальной приверженности онтологической единственности. Мол указывает и другие стратегии, которые тоже поддерживают эту принципиальную верность, но при этом не производят единый атеросклероз:

- *Взаимное исключение*: некоторые вещи исключают друг друга. Невозможно сделать поперечный срез артерии ноги живого пациента. И наоборот, пациента с ампутированными ногами не получится расспросить на предмет жалоб на перемежающуюся хромоту. Здесь клиника и лаборатория патологии исключают друг друга. «Несовместимость — это практический вопрос. Это вопрос противостояния высказывающихся пациентов и рассекаемых частей тела»⁴¹. Множество практик и осуществляемых ими реалий суть параллели, альтернативы, соседние линии, потоки деятельности, которые никогда не сходятся.
- *Создание разных объектов*: иногда говорится, что разные практики на самом деле производят разные объекты, а не конфликтующие версии одного и того же объекта. Мол описывает сравнительное исследование чрескожной транслюминальной

41. Mol (2002). P. 35–36.

коронарной ангиопластики (ЧТКА, растяжение суженного сосуда с помощью баллонного катетера) и терапии ходьбой. Предполагается, что ЧТКА улучшает показатели давления, но никак не влияет на то, через какое расстояние при ходьбе возникает боль. Но для терапии ходьбой все ровно наоборот. Значит ли это, что решения противоречат друг другу? Возможно, но на практике занимавшиеся исследованием специалисты говорили, что пациент страдал не от одного, а от двух атеросклерозов: «атеросклероза-давления» и «ходячего атеросклероза». Два отдельных объекта заменили один множественный.

- *Создание составных объектов*: если объекты можно разделять, то можно и соединять, производя составные вещи. Что и случилось с этими двумя атеросклерозами. «В «критериях успешности лечения по классификации Рутерфорда»⁴² улучшение определяется составным способом. Это сочетание клинических симптомов и лодыжечно-плечевого индекса {кровяного давления}⁴³. Это один атеросклероз с двумя частями. Мол замечает, что «сложение — это мощный способ создания единичности».
- *Размещение в разных местах*: наконец, Мол отмечает, что «несовместимости не мешают ставить диагнозы пациентам и лечить их. Работа может продолжаться, пока разные стороны не пытаются занять одно и то же место. Пока они разделены разными местами в рамках своего рода *распределения*»⁴⁴. Разделение может происходить *во времени* (пациенты перемещаются с одного места на другое

42. Североамериканская классификация хронической артериальной недостаточности конечностей. — *Примеч. пер.*

43. Mol (2002). P. 68, цитируется F. van der Heijden.

44. Ibid. P. 88.

и не могут быть во всех одновременно⁴⁵). Оно может возникнуть между *разными пациентами* (которые прооперированы разными и взаимно несовместимыми хирургическими методами). Разделение может наблюдаться в виде *взаимного признания* (распределение между атеросклерозом как постепенным процессом ухудшения и его реальностью как тяжелым состоянием здесь и сейчас⁴⁶.) Или, наконец, разделение может происходить посредством признания *различий в условиях возможности*. (Хирургическая операция является необходимостью в настоящем, но будущий прогресс гематологии, надо надеяться, предотвратит развитие атеросклероза, и хирурги больше не будут нужны (как и в случае с язвенной болезнью желудка).)

Есть множество способов урегулирования разногласий и избегания множественности. Некоторые носят перспективистский характер, другие — нет. Все вместе они, однако, работают на вытеснение из повестки возможности множественности. Став, таким образом, невидимой, множественность оказывается частью там-вовне, которая, вероятно, необходима рассматриваемым практикам, но не может быть признана. В противоположность этому, если мы обратим внимание на практику, то, скорее всего, обнаружим множественность. Но тут важна одна тонкость. Мы откроем множественность, *а не плюрализм*. Дело в том, что отсутствие единственности не означает, что мы живем в мире, состоящем из неопределенного числа разных несвязанных тел, атеросклерозов, клинических отделений или политических решений. Это не значит, что реальность фрагментирована. Вместо этого предполагается нечто го-

45. Mol (2002). P. 115.

46. Ibid. P. 116.

раздо более сложное. Предполагается, что разные реалии частично совпадают и конфликтуют друг с другом. Их отношения частично скоординированы, они сложны и запутаны:

[Термин «атеросклероз»]... это скоординированный механизм, действующий в связке с различными распределениями. Он соединяет границы между местами, в которых распределена болезнь. Таким образом, он помогает предотвращать переход распределения в распространение болезни по отдельным и несвязанным объектам⁴⁷.

Я цитировал Мол выше: «*Множественное тело не фрагментировано. Несмотря на свою множественность, оно связно*»⁴⁸. Хинтерланды сложными способами частично пересекаются друг с другом, и практики, связывающие воедино эти хинтерланды, порождают сложные объекты. Думаю, нам понадобится целая палитра метафор, чтобы хорошо продумать это, и вот первый вариант. Возможно, нам следует представить себе, что мы находимся в мире *дробных объектов*. Дробным объектом тогда был бы объект, который больше единицы и меньше множества. Метафора опирается на элементарную версию фрактальной математики. Размерность фрактальной линии больше 1, но меньше 2. Быть может, на самом деле, когда мы посещаем клинику (или любое другое место), мы оказываемся в мире дробности. Мы в мире, где тела, или организации, или машины больше единицы, но меньше множества. В мире, который больше единицы, но меньше множества. Где-то между⁴⁹.

47. Ibid. P. 117.

48. Ibid. P. 55.

49. Более подробно этот аргумент разрабатывается в: Law (2002a).

ЧАСТИЧНЫЕ СВЯЗИ

Трудность обсуждения дробности означает, что мы встречаем сопротивление условий возможности. Из-за господствующих реализаций европейско-американской метафизики трудно избежать единственности, с одной стороны, и плюрализма — с другой. Есть либо один-единственный мир, либо множество разных миров. Выбирать приходится между этими альтернативами.

Если есть один мир, то наш долг в естественной или социальной науке — дать этому объяснение. А если миров много? Тогда перед нами две альтернативы. Одна предполагает, что разные миры суть части единого большего мира, и тогда нам снова нужно дать этому какое-то объяснение. Во второй альтернативе у миров нет ничего общего. А что тогда? Тогда мы сталкиваемся с тем, что обычно принимают за ужасы релятивизма. Что это за ужасы?

Есть три тесно связанных версии. Во-первых, есть *эпистемологический* релятивизм. Например: знание в вашей культуре так же хорошо, как знание в моей, потому нет никаких оснований считать, что мой подход к внешнему сколько-нибудь лучше вашего. Во-вторых, есть *этический* релятивизм. Этики ситуативно обусловлены и локальны, и нет никаких оснований утверждать, что мои этические стандарты сколько-нибудь лучше ваших. И, в-третьих, есть *политический* релятивизм. Форма аргумента та же: нет причин предпочитать мою политику вашей. Мы должны жить и давать жить другим.

Заметьте, однако, что тут происходит. Нас все время заставляют сделать выбор между единственностью и плюрализмом. Либо единица, одна реальность, одна этика, одна политика, либо множество. И ничего между ними. Именно из-за этого принуждения к дуалистическому выбору я и считаю, что здесь мы встречаем сопротивление установившихся границ европейско-американской метафизики — и, разумеется, нас просят воспроизвести их. Однако навязываемый выбором дуализм не проходит. В промежутке между альтернативами есть возможность.

Один из способов убедиться в этом — начать мыслить в эмпирическом ключе и поставить вопрос: как далеко на практике распространяются аргументы? К примеру, как далеко путешествуют аргументы о хромоте? Действительны ли они только в породившем их месте? В одной

культурной локации? Или они путешествуют повсюду? Формулировка выбора в такой форме, то есть как эмпирической версии эпистемологического дуализма, обнаруживает, что выбор вынужденный. Потому что эмпирический, ориентированный на факты ответ состоит в том, что эти аргументы на данный момент путешествуют, но лишь постольку поскольку. То же самое верно для любого аргумента о внешнем, о том, что там-вовне. Как далеко он распространяется? Пока что распространяется, но лишь постольку поскольку. К примеру, совпадения между аргументами австралийских аборигенов и аргументами европейско-американской технонауки невелики (некоторые из них мы обсудим в Главе 7). Аргументы распространяются постольку поскольку. Но достаточно часто они распространяются лишь до некоторой степени. И эмпирическая версия этического вопроса — или даже политического — ведет нас к схожим заключениям. Как далеко простирается действенность наших этических или политических аргументов? Ответ: они проходят определенный путь, но лишь постольку поскольку. На самом деле, это общее место — люди расходятся во мнениях по поводу того, как выглядел бы хороший мир.

Какой ответ следует дать на это? Есть три варианта. Можно настаивать на единственности, на том, что те, кто не видят ее так, как видим мы, страдают от расстройства зрения, что их эмпирическая, этическая или политическая точка зрения на реальность ущербна. Это равносильно возобновлению европейско-американской единственности. Далее, можно отстаивать плюрализм и сущностную нередуцируемость друг к другу миров, знаний, типов этической восприимчивости и политических предпочтений. Это релятивистский ответ. Но есть и третья альтернатива, или семейство промежуточных альтернатив. Можно заметить (в определенном отношении это соответствует фактам), что мир, знания о нем и различные представления о правильном и справедливом пересекаются и незаметно переходят друг в друга. Что наши аргументы работают, но только частично. Вот как все обстоит. Но как *мыслить* это? Как мыслить промежуточность?

Вот пример. Пишущая в феминистском ключе о технонауке Донна Харауэй и следующая за ней антрополог

Мерилин Стрэттерн говорят о *частичных соединениях*⁵⁰. Отчасти дело в частичных соединениях между разными людьми — или группами людей. Но все сложнее, так как промежуточность касается и частичных соединений внутри *одного и того же человека*. У нас нет единственных идентичностей, и это аргумент. Стрэттерн, к примеру, отмечает, что Стрэттерн-феминистка не тождественна Стрэттерн-антропологу. Они пишут по-разному в разных обстоятельствах и для разных аудиторий. В то же время, однако, они не являются полностью автономными друг от друга. Стрэттерн-феминистка *включена* в Стрэттерн-антрополога. Стрэттерн-антрополог пишет под влиянием Стрэттерн-феминистки, но манера первой несводима к этому влиянию. И то же самое наоборот.

Аргументация Стрэттерн опирается как на ее прочтение аборигенных культур Папуа Новой Гвинеи (и испытанное с их стороны влияние), так и на современные дискуссии о политике идентичности: осознание того, что политические союзы, зависящие от единственных идентичностей, обычно контрпродуктивны в европейско-американском регионе, в котором большинство людей лучше всего понимать как обладающих множественными, смещающимися и частично соединенными идентичностями⁵¹. Эта позиция близка к одному из предложенных Мол аргументов. Ключевое слово — *включение*. Довод состоит в том, что «это» (чем бы «это» ни было) включается в «то», но «это» несводимо к «то».

Другой пример. Мол показывает, что клинические диагнозы часто зависят от коллективных и основанных на статистике норм. То, что считается «нормальным» уровнем гемоглобина в крови, зависит от измерений этого уровня у всего населения. «Соответственно, — говорит Мол, — индивидуальные диагнозы включают коллективные нормы, хотя и несводимы к ним»⁵². Однако в то же время коллективные нормы зависят от выборки при клинических исследованиях, на которую могут повлиять допущения относительно распределения анемии.

50. Haraway (1991a), Strathern (1991).

51. Радикальную критику такой политики идентичности см., например: Haraway (1991a), Harvey (1993).

52. Mol, Berg (1994).

Хотя она, конечно, несводима ни к каким индивидуальным измерениям. Таким образом, индивидуальное включается в коллективное, а коллективное — в индивидуальное, но они несводимы друг к другу.

Тогда оказывается, что в практике — множество частичных связей, частичных включений, частичных отношений. Кроме того, они несводимы друг к другу. Харауэй:

Ирония касается противоречий, которые не разрешаются даже диалектически в более всеобъемлющие целостности. Она касается напряжения удержания вместе несовместимых вещей, поскольку обе или все они — необходимы и истинны⁵³.

Итак, есть включение, противоречие и иногда, если верить Мол, со-трудничество. И никогда — схлопывание в единственность. Причем аргументы против политики идентичности также приложимы к объектам там-вовне, не-социальным сущностям.

Онтологическая политика

...то, что непрестанно совершенствуется, составляет историю стирания⁵⁴.

Мы уже проделали немалый путь в этом путешествии размывания самоочевидностей европейско-американской метафизики и их версий здесь-внутри и там-вовне. Реалии достаточно реальны, это так. Вопрос не в релятивизме. Необязательно придерживаться европейско-континентальной метафизики, чтобы хранить верность внешнему. Так что да, сопротивление есть. Есть материальное. Но его характер становится более туманным, менее самооче-

53. Haraway (1991a). P. 149.

54. Appelbaum (1995). P. 17.

видным. Хинтерланды сложны и разветвлены, а связаны лишь случайным образом. Так, мы увидели, что у внешнего нет полной независимости от практик, только частичная. Хотя, опять же, поскольку мы все находимся где-то, в конкретной ситуации, мы все живем внутри множества хинтерландов предшествования. Что касается определенности, то я займусь ее внимательным разбором в последующих главах, но и в ее случае срабатывает та же формула. В целом нет ничего определенного. Только частичная определенность. И, наконец, единственность. Да, в большинстве случаев, подобно терапевтам и хирургам в клиниках, мы находим ее. Мы *создаем* ее. Мы живем внутри нее. Но единственность очень конкретна, очень локальна. И она включает множественность.

Так что единственность не только продукт конкретных реализуемых и видимых по-ту-сторонностей (хотя производство ими единственностей имеет решающее значение), но и серии механизмов, исключающих проявления и переживания множественности: изгоняющих ее в зону невидимого. Поскольку рядом с практиками множественности разворачиваются нескончаемые практики продавливания, допущения и производства единственности. Там разворачиваются истории о единственной природе мира, его объектов и процессов. Там — перспективистски выстроенные различия между (временно) скрытыми реалиями и явлениями. Там — процессы удаления разворачивающейся и неопределенной природы практик в пользу по видимости стабильных и самостоятельных объектов. Там, рядом с практиками множественности — методы удержания разных реалий самостоятельными и их распределения во времени и пространстве. Там — методы для отсрочки мно-

жественности, для удержания на расстоянии вытянутой руки, для того, чтобы осуществить исчезновение. И все это время там — практическая задача по примирению множественностей, по представлению нескончаемых и сложных ветвлений внешнего так, будто бы они гораздо проще.

Таков контекст и характер европейско-американских условий возможности. Они — о необходимости единственности, но в то же время они и *учреждают* множественность, одновременно стирая ее, выталкивая в зону невидимости. Об атеросклерозе или решении отменить производство самолета говорят как о самостоятельных вещах, но их также делают множественными, дробными. Как это понимать?

Один из аргументов состоит в том, что продвижение единственности продуктивно: оно *делает возможным*, чтобы невидимо множественные практики создавали невидимо множественные реалии там-вовне. К примеру, может быть так, что идея одного-единственного атеросклероза облегчает создание разных версий этой болезни, поскольку позволяет участникам допустить, что они говорят об одном состоянии (и производят его). Или может быть так, что идея единого решения относительно отмены производства самолета TSR2 позволяет разным участникам принимать множественные и различные решения. И тогда (поскольку аргумент можно обернуть) может быть так, что факт принятия множественных решений делает возможным достижение единого решения (ведь если бы все считали, что принимают разные решения, то могло бы быть трудно или невозможно достичь единого решения).

Так что аргументы могут быть выдвинуты и в пользу текущих условий возможности европейско-американского внешнего. Видимая единствен-

ность и невидимая множественность. Быть может, это дает нам лучшее от обоих миров. Бруно Латур предложил аналогичные аргументы о кажущейся (но только кажущейся) чистоте Нового времени⁵⁵. Но есть и контраргументы. В частности, можно сказать, что предположение единственности и откладывание множественности в невидимость также делает невозможным мышление о частичных связях: не позволяет делать видимыми возможности, которые дает нам *открытие дробности*.

Возможности? Да. Ведь открытие дробности открывает возможность того, что реалии могли бы быть другими. Это подобно более глубокой или расширенной версии аргумента против представления о том, что биология это судьба. Вопреки продолжающемуся возобновлению этого представления в популярной и эзотерической прессе, значительная часть феминистских и про-феминистских публикаций доказывает, что биология не является судьбой. И дело не просто в том, что в биологических сущностях вроде генов не закодировано социальное поведение. Причина глубже, и состоит она в том, что биологические сущности не являются

55. В своей книге «Нового времени не было» (Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб., 2006. — Примеч. пер.) Латур доказывает, что то, что обычно называют Новым временем, продуктивно именно потому, что настаивает на чистоте. К примеру, оно настаивает на том, что каждая вещь обладает одной определенной формой, или что природные реальности чисты и совершенно отличны от социальных. И Новое время в итоге добивается этой чистоты. Скорее, тезис Латура в том, что, воображая, что реальность чиста, оно допускает избыточное порождение нечистых объектов (impurities) — туч гетерогенных множественностей. Латур утверждает, что Нового времени не было. Нам только кажется, что мы такие.

чем-то устойчивым и неизменным. Анатомические, эндокринологические, генетические и экспрессивные тела производятся разными практиками, согласованность (и, на самом деле, внутренняя связность) которых, как и в случае атеросклероза, является неопределенным продуктом разворачивающейся момент-за-моментом практики⁵⁶. Биология неизменна разве что в теории. Она учреждается⁵⁷. Проблема тогда в том, что приверженность видимой единственности уводит нас от возможности того, что реалии в какой-то степени могли бы *быть сделаны иначе*. Или, в более общем случае, предположение единственности не только скрывает практику, которая ее учреждает, но и утаивает возможность того, что иные констелляции практики и их хинтерланды могли сделать возможными иные учреждения реальности.

Один из способов говорить об этом — сказать, что «истина» не является и не может быть единственным арбитром. В множественности или дробности — *разнообразии истин*. Но тогда это означает, что иные ценности, заботы и блага так или иначе тоже в игре, признанные или нет:

Реальность атеросклероза не предшествует медицинской технологии и организации здравоохранения, но переплетена с ними. Это означает, что патологии тела, политика изготовления инструментов и организация здравоохране-

56. См.: Lacqueur (1990).

57. Этот аргумент разрабатывается в: Mol (2002); Hirschauer (1998); Hirschauer, Mol (1995). Работы Хиршауэра посвящены проблемам гендера/пола, возникающим перед транссексуалами — в сложном контексте, далеком от абстракций теории. Несколько иначе эта тематика разрабатывается в: Cussins (1998a; 1998b; 1998c).

ния тоже переплетены. Если это так, то реальность, телесность или психология болезни не могут быть стандартом для оценки лечения. Сами преимущества и недостатки, блага и несчастья того или иного *исполнения* реальности открыты для обсуждения⁵⁸.

Следуя по стопам Фуко, Мол предлагает предварительный способ схватывания того, к чему мы стремимся. Возможно, в этой альтернативной метафизике реализованной дробности мы могли бы мыслить о том, что делается и о чем говорится как об *онтологической политике*⁵⁹. Реалии достаточно реальны. Они могут принять форму утверждений здесь-внутри и видимых там-вовне реалий, которые описываются утверждениями. (Это мы поняли благодаря Латуру и Вулгару.) Они могут, как мы только что узнали от Мол, принять форму объектов или процессов здесь-внутри и там-вовне контекстов того или иного типа, которые видимым образом сопровождают эти объекты. Мы также узнали, что метод-сборка должна касаться чего-то большего, нежели репрезентации. Но в любом случае — говорим ли мы о репрезентациях или объектах — становится ясно, что истины не единственные арбитры. И, напротив, в онтологической политике мы можем надеяться на вмешательство, на то, чтобы сделать некоторые реалии более реальными, а другие — менее. Благо создания различия будет жить бок о бок с благом учреждения истины и иногда замещать его.

58. Mol (2000). P. 96–97.

59. Mol (1999).

Интерлюдия: О вмешательствах и киборгх

Образы науки. Донна Харауэй предлагает важную феминистскую версию метода-и-политики, которая одновременно является онтологической политикой.

«Чем могло бы быть „объективное“»? — спрашивает Харауэй. В стандартной практике обычный ответ — отделение. Изъятие из места. Такого типа ответ предлагает Мертон, а также эмпирики и позитивисты, за которыми он следует. Но, отвечает Харауэй, отделение невозможно. Производя знания, мы где-то находимся — в своих практиках и телах. Мы захвачены плотной *материально-семиотической* сетью. То есть мы заключены во множестве отношений, которые одновременно имеют дело и со значениями, и с материалами⁶⁰. Мы вплетены в свою плоть, свои способы видения и властные отношения, которые проходят сквозь нас и артикулируются нами. Так что отделение невозможно. В лучшем случае — самообман, а чаще всего — форма безответственности. Отделение безответственно, потому что это попытка проделать то, что Харауэй называет «уловкой Бога». То есть попытка увидеть «все из ниоткуда»⁶¹. В то время как на самом деле речь всегда идет о каком-то месте. И о создании и пересоздании текстур материально-семиотических сетей.

Как тогда представить себе объективность? Есть разные ответы⁶². Но, кажется, мы не можем выйти вовне, либо чтобы быть нейтральными, либо что-

60. См.: Haraway (1991b). P. 194–195; Haraway (1997).

61. Haraway (1991b). P. 189.

62. Daston (1999).

бы найти какое-то особое место — к примеру, точку зрения феминистки или женщины, с которой видно гораздо больше, чем с альтернативных. Но если мы всегда часть того, что исследуем, то, пишет Харауэй:

только частичная точка зрения обещает объективное видение. Именно оно открывает, а не закрывает проблему ответственности за продуктивность всех практик видения. Можно считать, что частичная точка зрения ответственна и за свои обещания, и за своих разрушительных монстров⁶³.

Но почему частичная точка зрения? Ответа мы коснулись выше. Субъекты, люди, не связаны:

Топография субъективности многомерна; таково, следовательно, и видение. Знание себя частично во всех своих формах, никогда не является законченным, целым, простым и исходным; оно всегда сконструировано и несовершенно шито. Следовательно, оно способно связаться с другим, чтобы видеть вместе, не претендуя на то, чтобы быть другим. Вот обещание объективности: ученый ищет субъектную позицию не идентичности, а объективности; то есть частичную связь⁶⁴.

Мы — множества частичных связей. Мы, если использовать предложенный мною язык — и здесь-внутри как субъекты, и там-вовне как сети значимых и материальных отношений. Или, иными словами: люди суть метод-сборки, или формируют их часть. В своих практиках планирования они, мы, связываем вместе не слишком связанные, но тем не менее

63. Haraway (1991b). P. 190.

64. Ibid. P. 193.

структурированные хинтерланды. А объективность, как переопределяет ее Харауэй, возможна, если мы признаем и примем ответственность как за нашу неизбежную вписанность в ситуацию, так и за признание того, что мы находимся во множествах частичных связей и произведены ими.

Частичная связь. Эта метафора лежит за тропом киборга у Харауэй:

Киборг — это кибернетический организм, гибрид машины и организма, творение социальной реальности, а равно и литературы. Социальная реальность проживается в социальных отношениях, это наша важнейшая политическая конструкция, изменяющий мир вымысел⁶⁵.

Киборги тогда суть наборы частичных связей. Они могут представлять себя в качестве политических. Они могут представлять себя как материальные (между машиной и человеком или между человеком и животным). И, как предполагается в цитате, они могут представлять себя находящимися где-то между реальностью и вымыслом. Ведь (еще одна визуальная метафора) киборги — это о вмешательстве в распределения реальности и вымысла. Вот почему Харауэй подхватывает метафору киборга и играет с ней. Продукт космической эпохи, утонченное дитя военно-промышленного комплекса, Харауэй пытается вырвать метафору из контекста ее рождения и заставить ее вмешиваться, производить структуры вмешательства в несправедливые материально-семиотические сети того, что она называет «текущим беспорядком». Даже «меняющим мир вымыслом». Реальность и вымысел соотно-

65. Haraway (1991a). P. 149.

сятся. Включаются друг в друга. Но они не могут и не должны сводиться друг к другу⁶⁶. Поэтому:

Задача феминистских историй о киборгах — перекодировка коммуникации и интеллекта, дабы подорвать власть и контроль⁶⁷.

Множественность и частичная связь. Нет золотого стандарта. Нет единой реальности. Реалии можно создавать и пересоздавать. Они создаются и пересоздаются. Это версия онтологической политики.

66. Комментарий к этому см: Moser (2000).

67. Haraway (1991a). P. 175.

ГЛАВА 4

Текущие результаты

Места

В этом исследовании внутреннего (здесь-внутри) и внешнего (там-вовне) аргумент Главы 2 заключался в том, что метод производит реалии, а не просто их отражает. Одни части внешнего делаются видимыми, а другие вытесняются в зону невидимости. Это был первый этап разложения европейско-американских метафизических очевидностей. В Главе 3, преобразуя единственность в множественность, или, лучше сказать, дробность, я рассматривал учреждение, или реализацию, разных реалий в разных местах. В Главе 4 я расширю аргументацию, проанализировав еще одно метафизическое допущение: идею, согласно которой внешнее обязательно имеет определенную форму. Я собираюсь показать, что бывают обстоятельства, в которых это не так: некоторые значимые реалии являются неопределенными.

В этой главе я опять работаю с конкретными случаями. Первый из них — лечение алкогольного поражения печени в Северной Англии. Вместе с Вики Синглтон мы собрали эмпирический материал и разработали представленную ниже аргументацию. Я чрезвычайно признателен ей за любезное разрешение переработать в данной книге эту аргументацию¹. Второй

1. Детали этого исследования см.: Law, Singleton (2003).

случай — исследование зимбабвийского водяного насоса, проведенное Марианной де Лаэт и Анн-Мари Мол.

Итак, первый случай — алкогольное поражение печени. Его диагностика и методы лечения сходны с диагностикой и методами лечения атеросклероза, потому что это заболевание локализуется и учреждается как объект в широком диапазоне разных мест²: районная больница Уотерсайда, консультационный центр для больных алкоголизмом, благотворительная организация «Самаритяне», Армия Спасения, кабинеты врачей общей практики, муниципальные дома, не говоря уже о пабах, барах, торгующих спиртным на вынос, и жилищах тех, кто был выпи- сан из больницы и возвращен в местное сообщество. Однако я начну с отчета об этом заболевании, размещенном в *медицинском пособии*, которое можно найти в кабинете гастроэнтеролога в районной больнице Уотерсайда:

На протяжении последних двадцати лет потребление алкоголя коррелировало со смертностью от цирроза... В Королевском Свободном Госпитале в период между 1959 и 1965 гг. алкоголизм диагностировался только у 4,3% пациентов с циррозом, в то время как с 1978 по 1985 гг. уже у 25%. Не все, кто злоупотребляет алкоголем, имеют поражение печени, и цирроз печени обнаруживается у алкоголиков при вскрытии примерно в 10–15% случаев. Объяснения предрасположенности некоторых людей к алкогольному циррозу нет³.

2. Для сохранения анонимности в нижеследующем изложении все имена собственные и топонимы заменены на псевдонимы. Исключение составляют названия национальных организаций.

3. Sherlock (1989). P. 425.

Пособие говорит нам о комплексном характере этиологии алкогольного поражения печени. Оно связано (не совсем напрямую) с уровнем потребления алкоголя, продолжительностью запоев, характером потребления («принять лишнее» менее опасно, чем продолжительный запой), полом (при прочих равных женщины более подвержены алкогольному циррозу, чем мужчины), тканевой совместимостью [донора и реципиента], генетически определенным энзимным полиморфизмом (в человеческом теле есть по крайней мере две метаболические системы, перерабатывающие алкоголь, и может оказаться важным то, насколько они сбалансированы), восприимчивостью к гепатиту В, уровнем пищевого белка (неправильное питание способствует усилению последствий алкогольного поражения печени) и рядом плохо понятых взаимодействий метаболических процессов, например, питания и переработки алкоголя⁴. Механизмы поражения печени так же сложны, как и ее морфологические изменения, имеющие по крайней мере три разновидности: стеатоз (жировая инфильтрация печени), алкогольный гепатит (воспаление печени), цирроз, который является «диффузным процессом с фиброзом и образованием узелковых утолщений. За ним следует отмирание клеток печени»⁵.

Если мы следуем за Латуром, Вулгаром и Мол, то должны сказать: предложенный в пособии подход к алкогольному поражению печени особым образом описывает и одновременно способствует укреплению заболевания. В пособии данное состояние становится сложным множеством этиологических,

4. Ibid. P. 427–428.

5. Ibid. P. 410.

экологических, физиологических, анатомических и поведенческих отношений и эффектов, соответствующих утверждениям в тексте. Более того, текст использует что-то вроде аппарата, описанного Латуром и Вулгаром: параграфы, цифры, рисунки, таблицы, бесчисленные ссылки. Текст тогда — это внутреннее и принадлежит особой метод-сборке и способствует ее реализации. Метод-сборка создает хинтерланд (и сама создается в нем), производящий до некоторой степени предварительные и неопределенные описания алкогольного поражения печени здесь-внутри и его реальность там-вовне.

Давайте переместимся в другое место. Мы опять в кабинете гастроэнтеролога, доктора Уоррингтона, но теперь мы берем у него интервью. Начинает создаваться немного другая реальность:

Когда они поступают, мои ассистенты садятся, и я говорю им, как следует обращаться с болезнью печени. Инструкции, которые я им даю, весьма подробны. Я говорю им, что они должны следовать письменному протоколу. Управляться с алкогольным поражением печени достаточно легко, но лишь немногие понимают базовые принципы⁶.

Доктор Уоррингтон говорит нам, что «слегка раздражается», когда ассистенты не следуют протоколам, потому что в состоянии абстиненции алкоголики демонстрируют симптомы, которые могут ввести в заблуждение. Например:

Одна из проблем в том, что вначале состояние действительно ухудшается, так как мы лишаем

6. Доктор Уоррингтон, врач гастроэнтеролог, был проинтервьюирован 19 марта 1999 г. Цитаты восстановлены по записям.

их алкоголя, а это может привести к гипогликемии. К тому же алкоголь — супрессор. Абстиненция приводит к выводу некоторых веществ из организма. У алкоголиков гипокалиемия: в крови снижается содержание калия и сахара. Это может ввести в заблуждение младший персонал и привести к ошибочному диагнозу⁷.

Проблема, над которой бьется доктор Уоррингтон, связана с описываемой в пособии проблемой, но это не она. Он должен лечить пациентов, прекратить употребление ими алкоголя и справиться с физиологическими побочными эффектами этого отказа. Он также должен убедить их воздерживаться от употребления алкоголя: «Люди проносят алкоголь в больницу, например, впрыскивая его в фрукты. Вы будете удивлены, как много алкоголя можно ввести в банан»⁸.

В данном случае алкогольное поражение печени учреждается как множество физиологических и анатомических дисфункций. Но это и режим лечения, и вопрос физиологии. Сходства с атеросклерозом нижних конечностей очевидны. Здесь также лечение сосуществует с медицинскими истинами. Тем самым данная сборка основывается на истинах, засвидетельствованных руководством (и с ними соотносится), но при этом разветвляется по другим направлениям: практические вопросы лечения пациентов, младший медицинский персонал, медсестры.

Дальше по коридору от кабинета доктора Уоррингтона мы взяли интервью у очень занятой старшей медсестры. Сестра Фрэзер управляет *одним из гастроэнтерологических отделений* больницы. Это наше

7. Доктор Уоррингтон, 19 марта 1999 г.

8. Там же.

третье место. У сестры Фрэзер богатый опыт работы с пациентами, поступающими с диагнозом алкогольного поражения печени. Она и ее персонал ответственны перед доктором Уоррингтоном и другими врачами за уход за подобными пациентами. Она рассказала нам, что зачастую больные поступают в очень тяжелом состоянии. Вдобавок, многие из них отказываются признать злоупотребление алкоголем. Сестринский персонал начинает с разработки плана ухода за больным, включающего специальную диету, проверяет пролежни, готовит пациентов к соответствующим исследованиям. Затем начинается процесс избавления пациента от алкогольной зависимости. Алкоголь под запретом, и, чтобы облегчить абстинентный синдром, назначают седитативный препарат геминейрин. Но даже при таких обстоятельствах большинство пациентов создают трудности и ведут себя агрессивно, потому что в отделении они вынуждены прекратить употребление алкоголя. Это значит, что они «могут нарушать порядок в отделении»⁹.

Таким образом, процесс может оказаться мучительным для всех, кто в него вовлечен — пациента, медицинских сестер, соседей по палате. В то же время персонал отделения старается организовать и реабилитационный период. Сестра Фрэзер говорит:

Партнеры некоторых пациентов также больны алкоголизмом. Как правило, мы немногим можем помочь им. У нас есть социальный работник, который может дать финансовую консультацию. Немногие пациенты попадут к психиатру.

9. Цитата позаимствована не из интервью сестры Фрэзер, а из интервью с руководителем отдела среднего медицинского персонала районного управления здравоохранения. Интервью было взято 10 декабря 1998 г.

Но мы предоставляем им информацию об обществе анонимных алкоголиков, а также о консультационном центре для больных алкоголизмом, предлагающем персональные консультации и финансовую поддержку¹⁰.

Однако сестринский персонал, видя, как одни и те же пациенты раз за разом вновь попадают в больницу, испытывает беспокойство относительно отсутствия реабилитации. Вот слова коллеги сестры Фрэзер, руководящей аналогичным женским отделением:

Мне хотелось бы, чтобы алкоголикам оказывали большую поддержку. Отсутствие психиатрической помощи приводит меня в бешенство. Помощь по линии социальных служб очень ограничена. Если они не могут их переселить, помочь переехать, то алкоголики, скорее всего, вернуться к ситуации, вынудившей их запить. Это печально. Если они хотят бросить пить, то это было бы легче сделать при наличии должной поддержки¹¹.

Итак, отделение — третье место, и работающие там реализуют другую версию алкогольного поражения печени и как объекта здесь-внутри, и как контекста там-вовне. Оно становится совокупностью диетологических требований, приемом лекарственных препаратов, ответом в форме особого медсестринского ухода, необходимостью быстрого реагирования на важные медицинские события, возможностью работать с пациентами, страдающи-

10. Сестра Фрэзер была проинтервьюирована 10 марта 1999 г. Цитаты восстановлены по записям.

11. Сестра Харт была проинтервьюирована 3 марта 1999 г. Цитаты восстановлены по записям.

ми бредовыми расстройствами, и, что, возможно, наиболее интересно в данном контексте, процессом организации широкой общественной поддержки, например, со стороны работников социальных служб, семьи, местных здравоохранительных фондов и ряда других агентств и органов. Здесь алкогольное поражение печени и его лечение становятся определенного рода смесью. Заболевание соотносится с контекстом (и опирается на него), являющимся медицинским, психиатрическим, но также и социальным. Но и психиатрия, и социальное оказываются источником отчаяния для тех, кто выстраивает болезнь таким образом.

И вот, четвертое место. Всего в нескольких милях от больницы мы с Синглтон посетили доктора Боулэнд, *врача общей практики* в муниципальном районе Хиткот, где существенной проблемой является злоупотребление алкоголем:

Интервьюер: Беседуете ли вы со своими пациентами о возможных последствиях злоупотребления алкоголем?

Доктор Боулэнд: Это не обсуждается. На самом деле невозможно рассказать им о физических последствиях злоупотребления алкоголем. Я не могу говорить о таких вещах с большинством из моих пациентов — сделать так значит спровоцировать агрессию. Эта тема просто не имеет для них значения. Они не интересуются долгосрочными вопросами и не принимают их в расчет. Большинство живущих в Хиткоте смирились с тем, что никогда не будут снова работать. Они не мечтают ни о новом автомобиле, ни об улучшении жилищных условий¹².

12. Доктор Боулэнд была проинтервьюирована 11 июня 1999 г. Цитаты восстановлены по записям.

Доктор Боулэнд прошла такую же подготовку, что и доктор Уоррингтон и сестра Фрэзер. Она знает, что медицинские пособия говорят о последствиях воздействия алкоголя на печень. Это производится как часть релевантного хинтерланда. Но даже при этом мир и, как следствие, болезнь реализуются совершенно иначе. Это происходит потому, что знание в пособии и обучение создаются вместе с иными весьма несходными элементами, чтобы образовать существенно отличающийся хинтерланд. Доктор Боулэнд обрисовала этот момент достаточно ясно, рассказав нам историю одной пациентки, которую врач в больнице предупредил, что если она не бросит пить, то убьет себя. Врач надеялся, что это шокирует пациентку, и она воздержится от употребления алкоголя. Но ее реакция была совершенно другой. Она просто пришла к доктору Боулэнд и как ни в чем не бывало спросила, сколько месяцев ей осталось жить. Алкогольное поражение печени, рассказала нам доктор Боулэнд, наименьшая из ее проблем. И чтобы это подчеркнуть, спросила, видели ли мы наркодилеров поблизости от магазинчиков, прилегающих к ее офису. Тяжелые наркотики широко потреблялись в районе. «Честно говоря, — добавила доктор, — лучше бы это был алкоголь».

Таким образом, в данном случае алкогольное поражение печени — это совсем другой объект. Возникая из видимого контекста другой формы (и одновременно производя его), это заболевание и реализуется совершенно по-другому. Конечно, алкогольное поражение печени — это проблема. Но для многих это наименьшее из имеющихся зол. И в контексте серьезных попыток обеспечить медицинское обслуживание неимущим пациентам в такой неблагоприятной среде алкогольное поражение печени редко является первоочередной проблемой.

Картографирование мест?

Я мог бы умножать количество мест, но остановлюсь на этих четырех, на реализации четырех вариантов алкогольного поражения печени и производстве четырех различных контекстов, поскольку здесь мы опять сталкиваемся с проблемой множественности или различия. Как и в случае атеросклероза, мы можем утверждать: алкогольное поражение печени имеет дробный характер, оно больше, чем единица, но меньше, чем множество. И тогда мы можем рассмотреть стратегии соотнесения этих вариантов и контекстов. Многие из пунктов списка для атеросклероза задействованы и здесь:

- *Наложение*: сохраняющаяся вера (правда, более значимая в одних контекстах, чем других) в то, что тело содержит одну внешнюю реальность (или является ею) с отдельными, весьма специфическими качествами, даже если эти качества не являются с необходимостью четкими, будь то в больничном отделении или же в медицинском пособии.
- *Единый, однородный нарратив* (наиболее очевидный, пожалуй, в случае доктора Уоррингтона и медицинского пособия), который может объяснить различные варианты и проявления алкогольного поражения печени путем его локализации как ряда признаков тела (или путей в нем) и указания, что они (признаки и пути) проявляют себя различными, доступными наблюдению способами.
- *Переводы* между различными «симптомами» алкогольного поражения печени, хотя я и не проиллюстрировал их в своем кратком описании выше. Например, в больнице существуют переводы,

обеспечивающие сравнение результатов различных тестов.

- *Иерархии* тестов. В зависимости от контекста одни принимаются более всерьез, чем другие. Доктор Уоррингтон, например, упомянул, что ввел ряд новых тестов для оценки функционирования печени. «С тех пор эти тесты, — рассказал он нам, — стали «золотым стандартом» для определенных этапов диагностики и являются более надежными, чем прежние».
- *Рационализации* и объяснения для явных расхождений. Например, есть такое общее место: почти всегда наблюдается расхождение между результатами оценивающего функционирование печени теста и более оптимистическими отчетами пациентов об их уровне потребления алкоголя. Но почти во всех случаях достоверными признаются результаты теста: считается, что у алкоголезависимых есть систематические причины скрывать свой уровень потребления алкоголя.

Это перспективистские стратегии, работающие на производство единственности там-вовне, внешне-го, несмотря на различия здесь-внутри. В то же время работают несколько неперспективистских стратегий:

- Есть места и, как следствие, реальности, *взаимно исключают друг друга* во времени и/или в пространстве. Так, некоторые тесты на цирроз, описываемые в пособиях, возможны только применительно к мертвой печени, тогда как тесты, оценивающие функционирование печени, применяются исключительно к живому органу. И истории о злоупотреблении алкоголем исходят от живых людей (хотя и необязательно от тех, кто пьет).

- Некоторые несовместимости просто *отбрасываются в сторону*. Это частый случай как для мира, который учреждают и в котором живут доктор Боулэнд и ее пациенты, так и для рутинного порядка больничного отделения и практики консультантов вроде доктора Уоррингтона. Очень часто эти различные версии алкогольного поражения печени не сочетаются, а частичное наложение может выглядеть как трагикомедия, в чем мы могли убедиться выше.
- Некоторые различия стираются путем *сложения*. Что, например, считается улучшением? В больнице им считается абстиненция. Это одна возможность и одна реальность. Или же улучшением могут считаться улучшение образа жизни и снижение потребления алкоголя. Доктор Никсон, районный врач-консультант, склоняется к последнему варианту. Данный вариант не только несовместим с общим клиническим взглядом, предполагающим, что эти реалии должны быть оставлены в стороне, но и сам по себе аддитивен (качество жизни *и* снижение потребления алкоголя).
- И, наконец, возможно создание *различных объектов* — очень важная проблема, или стратегия, к которой я вернусь в следующем разделе.

Очевидно, что многие стратегии обращения с различиями, отмеченные Мол, работают и в данном случае. Это значит, что алкогольное поражение печени может быть понято как *дробный объект*. Данные различия по-разному учреждены и реализуются разными практиками в разных местах, но с ними обращаются таким образом, что сохраняется возможность единственности алкогольного поражения печени в каждом отдельном месте, что в свою очередь открывает возможность онтологической политики.

Один пример. Как я отмечал ранее, многие профессионалы полагают, что реабилитация больного недостаточна и плохо скоординирована: слишком часто после выписки пациенты оказываются предоставленными сами себе. Они возвращаются к прежним условиям жизни, терпят крах, вскоре опять начинают пить и через несколько месяцев вновь попадают в больницу. Это печально и с медицинской, и с человеческой точек зрения. Но это также экономическая и административная проблема для больниц: пациенты с алкогольным поражением печени возвращаются и занимают дорогостоящие больничные места.

И хотя профессионалы никогда не определили бы это в подобных терминах, здесь предполагается также некоторый вариант *онтологической политики*, поскольку речь идет не только об организационном провале (хотя это было распространенным способом говорить об этом), но и об отношениях между двумя разными алкогольными поражениями печени. Одно из них производится медициной: учреждается в медицинских пособиях, практикуется в больничных отделениях и особенно в кабинетах врачей. Данное заболевание печени по своему характеру является преимущественно *медицинским*. Оно локализовано *в теле* и, в частности, в печени больного. В той мере, в какой заболевание выходит за пределы тела больного, его релевантный видимый контекст там-вовне связывается с личными проблемами больного или проблемами его характера: так, один из врачей рассказывал нам, что алкоголики «неискренни», так как стараются скрыть, что пьют. Второе заболевание печени отчасти также является медицинским, но при этом оно менее строго очерчено и расширяется, проникая в сферу психиатрии и (даже в большей степени) в область

социальных отношений пациента. В этом варианте алкогольное поражение печени изменяет свою форму. Конечно, оно имеет отношение к телу и печени, но также проникает в культуру и среду, включая легкодоступное спиртное, тесные связи алкоголя с социальной жизнью, жизненные обстоятельства (считается, что стресс, утрата и их возможные последствия приводят к злоупотреблению алкоголем), а порой и психические заболевания. Алкогольное поражение печени локализовано *одновременно внутри тела и за его пределами*. Точно так же и его контекст рассеян и гетероген¹³.

Это онтологическая политика. Какая из двух реальностей является предпочтительной? Или: как между ними может быть достигнут удовлетворительный баланс? Как они должны быть связаны? На самом деле, именно последняя проблема и была поставлена перед Синглтон и мною, когда нам было поручено провести исследование. И она оказалась весьма трудной по причине организационных, профессиональных и экономических различий между неотложной медицинской помощью, местным медицинским обслуживанием, социальной работой, консультированием, деятельностью ряда благотворительных и волонтерских организаций. В данном случае онтологическая политика предполагала попытку переупорядочить организационные и профессиональные отношения. Или, если обернуть, специфический вариант профессиональных и организационных отношений в месте нашего исследо-

13. Прекрасное исследование распределения ответственности между индивидами и социальными обстоятельствами, а также индивидуализации ответственности на примере близкого исследовательского случая «проблемы» пьянства за рулем см.: Gusfield (1981).

вания производил сильную, но сугубо медицинскую версию алкогольного поражения печени, в том числе строгое разделение между медицинским и социальным. Социальное было вытолкнуто в зону невидимого. В то же время реализовывалась, но более слабо и нерешительно, альтернативная версия заболевания, в которой медицинское, психиатрическое и социальное рассматривались переплетенными как в пациенте и его обстоятельствах, так и в определяемом в качестве значимого внешнем контексте. Таким образом, здесь было два объекта и два контекста. Один сильный, другой слабый. Но более сильная реальность с характерным для нее различием между медицинским и социальным столкнулась с трудностью: как справиться с постоянным возвращением к злоупотреблению алкоголем тех, кто прошел лечение в больнице и был выписан?¹⁴.

Неопределенный объект

Впрочем, достаточно об онтологической политике. Один из пунктов Мол — на практике социальное и (несоциальное) реальное смешаны — хорошо здесь проиллюстрирован, как и ее утверждение о важности праксиографии, исследующей, как реальности конституируются практически, а не принимаются в качестве постоянных. Сейчас я хочу вернуться к одной стратегии Мол, выше оставленной мною в стороне, а именно: *возможности создания других объектов*. Собственный пример Мол касался измерения успеха двух различных вмешательств. Исследование,

14. Это случай, когда очищение, описанное Латуром и обсуждаемое в следующей главе, как представляется, мешает распространению смешанных форм.

которое она цитирует, показало, что хирургическая процедура чрезкожной транслюминальной ангиопластики (надувание баллона в суженном сосуде) улучшает лодыжечно-плечевой индекс (ЛПИ), показывающий уровень кровяного давления в больной конечности. С другой стороны, данная операция не влияла на приступы перемежающейся хромоты: после нее при ходьбе приступ боли начинался после преодоления того же расстояния, что и до нее. Однако результаты терапии ходьбы были обратными. Прошедшие ее больные могли ходить на большие расстояния, но при этом у них не было никакого заметного улучшения лодыжечно-плечевого индекса. Как справиться с таким расхождением? Возможны разные ответы, но в случае, описываемом Мол, ответ заключался в создании двух разных атеросклерозов: дистанции ходьбы и лодыжечно-плечевого индекса.

Мы уже сталкивались с подобным ходом в случае с алкогольным поражением печени. Это был аргумент доктора Никсона, районного врача. Большинство больничных врачей полагало, что улучшение состояния здоровья требует полного отказа от употребления алкоголя. Но когда мы привели ему этот довод, он не согласился:

Нет. Это не просто вопрос избавления организма от определенного вещества. Необходимо улучшать и другие аспекты жизни. Вещество, или спиртное, вторично. Тогда люди становятся свободными, свободными от вещества, и наслаждаются и здоровьем, и социальной жизнью. Это становится более важным, чем вещество. Например, хорошо, если человек будет общаться с детьми по вечерам пару раз в неделю вместо того, чтобы все время проводить в баре.

Доктора Никсона больше заботит здоровая социальная жизнь (эквивалент исчезновения перемежающейся хромоты), чем полный отказ от употребления алкоголя (эквивалент идеального лодыжечно-плечевого индекса). В действительности, *он создает другой объект*. В его практике алкогольное поражение печени превратилось в нечто другое.

С эмпирической точки зрения, в этом нет ничего удивительного. Вспомним, что врачи и медсестры больницы сталкиваются с больными, которых употребление алкоголя довело до больницы. В большинстве случаев они серьезно больны, а иногда близки к смерти. Пациенты доктора Никсона «имеют определенные проблемы с алкоголем», но их не доставляли в отделения скорой и неотложной помощи, многие из них не теряли работы, у них есть семьи и дети.

Таким образом, факт умножения объектов не должен нас удивлять: если доктор Уоррингтон, доктор Никсон (а также доктор общей практики Боулэнд) участвуют в создании разных алкогольных поражений печени и разных контекстов этих заболеваний, то это вполне ожидаемо. Но в ходе исследования мы с Синглтон обнаружили нечто, гораздо больше сбивающее с толку: *наш собственный объект исследования и его контексты постоянно перемещались*. Так, мы обнаружили, что двигаемся не только между разными алкогольными поражениями печени, но и мечемся между разными проблемами. Первоначально нам было предложено исследовать диагностику и лечение *алкогольного поражения печени*. Назовем его объектом номер один. Но по мере продвижения исследования и сбора интервью у врачей, мы убеждались, что зачастую говорим о *заболевании печени* (объект номер два). Или, более конкретно, мы обсуждаем *алкогольный цирроз* (объект номер

три). Или в самом общем виде разговор шел о *злоупотреблении алкоголем* и его последствиях для индивидов и системы здравоохранения (объект номер четыре). Или (что не то же самое) предметом выступал *алкоголизм* (объект номер пять). Или (как мы только что видели на примере доктора Никсона) речь могла идти об *общем качестве жизни* в связи со злоупотреблением алкоголем или наркотиками (объект номер шесть). Вопрос тогда состоял в том, как работать с такими перемещениями: с тем фактом, что изучаемый объект, как представляется, ускользает при переходе от одного интервью к следующему.

Были моменты самобичевания. Нас пригласили исследовать систему диагностики и лечения алкогольного поражения печени, и вот они мы: шатаемся между разными темами и объектами. Более того, мы обещали (встретив скептическое отношение со стороны некоторых профессионалов) картографировать эту систему:

На первой стадии исследования мы намерены очертить процессы диагностики и лечения «типичного» пациента с алкогольным поражением печени, определить, так сказать, «типичную траекторию» пациента внутри системы медицинской помощи¹⁵.

Исходя из этого не было ясно, должны ли мы обсуждать, например, алкоголизм или качество жизни. Порой мы чувствовали, что должны наложить на себя и наше исследование более строгие ограничения, чтобы лучше его сфокусировать и следовать заявленной цели. Однако со временем мы все боль-

15. Отрывок из письма от 7 октября 1998 г., посланного больничному консультанту, инициировавшему исследование.

ше осознавали, что это не только невозможно, но и контрпродуктивно. Мы обнаружили, к примеру, что разные «карты» траекторий пациентов, составленные на основе сведений, полученных от наших информантов из разных мест, в действительности не совпадают:

Иногда пациенты направляются из госпиталя в Центр помощи больным алкоголизмом на Касл-Стрит. Им могут внушить ложные ожидания относительно того, чего можно достичь, и они окажутся потерянными для системы. В больнице все зависит от того, кого они видят. Патронажные медсестры в психиатрическом отделении ... очень опытные, но молодые врачи не обладают таким опытом. Формируются ложные ожидания, когда пациенты думают, что могут сами прийти на Касл-Стрит. Они не понимают, что туда можно попасть только по назначению¹⁶.

Больничная карта не совпадает с картой Касл-Стрит. Сетования повторяются вновь и вновь:

Связи с врачами общей практики непостоянны. Некоторые из них вообще не направляют на Касл-Стрит. Консультанты видят только тех, кто направил себя сам.

Возможно, причина в дезорганизации системы здравоохранения, но следствием стало то, что метафора «картографирования» не слишком хорошо работала. И попытка прочертить траектории в терминах нашего, предположительно, главного интереса (алкогольного поражения печени) тоже оказалась безуспешной. Причина заключалась в том, что очень

16. Выдержка из записей интервью с персоналом Центра на Касл-Стрит, 10 июня 1999 г.

часто алкогольное поражение печени было трудно отделить от других связанных объектов. Могли быть, конечно, случаи, когда можно было отделить его от других тем, в которые мы соскальзывали. Наверное, это было возможно на страницах медицинского руководства или в ходе беседы с больничным врачом, например, доктором Уоррингтоном. Но преимущественно и в большинстве мест состояние здоровья оказывалось связанным (более или менее прочно, с большим или меньшим своеобразием) с альтернативными, частично скрепленными узлами, которые я перечислил выше. Как следствие, для нас стало естественным уделять внимание одному из этих узлов или некоторой смеси объектов, а не настаивать на том, что обсуждение должно сфокусироваться на алкогольном поражении печени как таковом. Например, как мы видели, доктор Никсон хотел, чтобы люди были «свободны от наркотической или алкогольной зависимости». Дело не в том, что он не знал медицинское определение алкогольного поражения печени. Но действительным фокусом внимания для него были качество жизни и специфический вариант личной свободы, а не ферментные, гистологические и анатомические изменения в печени.

Мы оказались вовлечены в определенное скольжение (и участвовали в нем). Но как это понимать? Как я уже отмечал, мы пришли к мысли, что подобное скольжение не просто знак некачественного метода, провала контроля над чем-то определенным. Напротив, мы постепенно поняли, что имеем дело с объектом, не являющимся неизменным,двигающимся и скользящим между разными практиками, разворачивающимися в разных местах. Это был объект, который по мере движения и скольжения, менял свою форму. Это был *изменяющийся объект, кото-*

рый изменял (и это еще более дезориентировало) и свое имя. Это был объект, чье скользкое изменение формы отражало то, что управленцы и другие участники приняли (возможно, правильно) за выражение организационного беспорядка и фрагментации. Тем самым, изменялся и его контекст там-вовне.

Изменение формы, изменение имени, текучесть

Предполагает ли изменение формы и имени с необходимостью дезорганизацию? Является ли оно тем, чего нужно избегать? Выступает ли методологическое затруднение знаком трудности в самом реальном мире? Означает ли это, что лучше, когда объекты и их контексты неизменны и определены. Случай алкогольного поражения печени заставляет думать, что, возможно, это и так. Кажется, не может быть больших сомнений в том, что болезнь подлежала бы лучшему лечению и лучше бы реализовывалась, если бы организация ухода за выздоравливающими была лучше интегрирована и более строго структурирована, если бы люди в больнице имели более ясное представление о Консультационном центре для больных алкоголизмом и если бы последовательнее поддерживался более широкий и менее ограниченный вариант алкогольного поражения печени. Такое признание слышится в словах консультанта, который заказал нам это исследование:

Мне хотелось бы иметь более тщательную и эффективную стратегию борьбы с алкоголизмом для данного района¹⁷.

17. Интервью от 17 июня 1999 г.

Но необходима осторожность. Если изменение формы и имени предстало здесь проблемой, то могут существовать места, где это не так. Например, Марианна де Лаэт и Анн-Мари Мол описывают развитие и распространение одной технологии — зимбабвийского водяного насоса¹⁸. Насос прост и прочен. Он широко используется в деревнях Зимбабве, где часто заменяет другие, менее пригодные источники воды — загрязненные или далеко расположенные. Насос изготавливается в Хараре в виде комплекта для сборки, а затем после необходимых земляных работ и бетонирования устанавливается самими жителями деревни. Идея, вписанная в политику правительства, состоит в том, что жители деревни должны сами организовать коллектив, берущий на себя ответственность за установку и поддержание насоса в рабочем состоянии. Оказывается, насос не сводится к технической инженерии и получению чистой воды. Это также инструмент социальной инженерии. Чистая вода, простая машина, структура местного сообщества — это одновременное вторжение в *природу, технологию и общество*.

Лаэт и Мол интересуются этим насосом, так как он успешен. Почему? Их исследование показывает: успех насоса связан с *изменением формы*. Они описывают это понятием *текучести*¹⁹. «Насос, — утверждают они, — это текучая технология». Хотя произведенные в Хараре комплекты для сборки насосов имеют одинаковую форму, в ходе их установки и эксплуатации это единообразие начинает исче-

18. de Laet, Mol (2000).

19. Родственные метафоры для текучих объектов были разработаны в ряде других контекстов. См., например: Mol, Law (1994); Law, Mol (2001) и Law (2002c).

зять. Оно исчезает *технически*. По мере износа деталей или их поломки они заменяются самодельными деталями. Как оказалось, последние работают так же хорошо, как и оригинальные детали. Даже изобретатель насоса, время от времени посещающий деревни, чтобы увидеть, что происходит с насосом после его установки, порой удивляется тем изобретениям, которые были введены местными жителями для поддержания насоса в рабочем состоянии. Итак, единообразие исчезает *технически*. Но оно исчезает и *социально*. Например, хотя политика правительства настаивает на создании деревенского сообщества, берущего на себя ответственность за насос, очень часто этого не происходит, и насос обслуживается несколькими семьями или при помощи других общинных механизмов. Наконец, *природа* (если мне будет позволено расширить ее определение, включив в него то, что будет считаться чистой водой) тоже оказалась изменчивой. Является ли вода, добываемая насосом, чистой? Ответ: почти всегда. Но что это означает? Иногда это означает, что вода отвечает бактериологическим стандартам: коли-индекс меньше международно признаваемого порога. Однако в стране, где большинство деревень находятся вдали от возможностей бактериологической лаборатории, это чаще всего означает, что немногие жители заражаются передающимися через воду заболеваниями. (И есть примеры здоровых деревень, хотя вода из местных колодцев не проходит бактериологические тесты.) «Чистая вода» — это изменчивый продукт.

Но почему насос настолько успешен? Как отмечалось выше, Лаэт и Мол связывают успех насоса с изменчивостью его формы. Это текучая технология. Именно текучесть насоса, тот факт, что он плавно скользит от деревни к деревне, объясняет широту

его распространения. Он скользит, изменяет свою форму и одновременно изменяет релевантные контексты. Но следствие даже сильнее. Если бы технология была жесткой (и производитель настаивал бы на использовании при ремонте только произведенных в Хараре деталей, или правительство усилило бы свою политику в отношении деревенских общин, или международные бактериологические стандарты выступали бы единственной мерой чистоты воды), тогда бы насос и близко не был столь успешным, каким он является в действительности. Его текучесть, способность изменять форму и переделывать свой контекст оказываются ключом к его успеху.

Вывод следующий: текучесть, изменения формы и даже имени сами по себе не являются проблемами. Они, безусловно, *могут* стать проблемами. Возможно, это случай алкогольного поражения печени, хотя и здесь все не так ясно, поскольку проблема, может быть, не в том, что объект изменяет свою форму и имя, а скорее в неудовлетворительности баланса и движения между объектами и их контекстами — объект недостаточно текуч. Так, ориентирующийся на тело и производимый в кабинете врача и больничном отделении вариант алкогольного поражения печени уместен при определенных обстоятельствах. Если больной при смерти, то требуется строгий медицинский режим и твердая медицинская реальность. Но если пациент отказался от алкоголя, то необходима альтернативная, более широкая реальность, производимая смесью медицины, психиатрии и социальной поддержки — реальность, которая (в процессе изменения имени) имеет отношение и к алкоголизму или злоупотреблению спиртным, и к алкогольному поражению печени. Тогда вопрос в том, каковы отношения между разными объектами

и их разными контекстами. Наглядный способ показать данный момент — это сказать, что врачи, захваченные строгой медицинской сборкой, «должны» больше интересоваться более широкой медико-психиатрическо-социальной реальностью алкоголизма (и производящей ее сборкой). И они «должны» проявлять больший интерес к перемещению пациента из контекста критического алкогольного отравления в больничном отделении в контекст поддержки со стороны местного сообщества. Ибо этот процесс перемещения от одной метод-сборки к другой должен быть более легким, более текучим, чем он есть.

Определенные текучести?

Если реальные объекты и их видимые контексты учреждаются практиками, то тогда возникает вопрос, как эти практики соотносятся друг с другом. Это проблема различия и множественности. Существуют различные метафоры для работы с этой проблемой и обращения с пучками частично пересекающихся метод-сборок. Как мы видели, Мол описывает ряд стратегий удержания вместе единственности и множественности. Возможно (по крайней мере так ее можно прочесть), колебания между единственностью и множественностью — хроническое состояние сущего в европейско-американском мире, а допущение единственности внешнего — это реализация, устанавливающая пределы европейско-американских условий возможности. Даже если это допущение в некотором смысле и вводит в заблуждение. Вводит в заблуждение потому, что метод-сборка производится механизмами интерференции практик, которые зависят от данного разделения, но при этом настойчиво утверждают, что разделяемое связано.

Как мы видели, есть схожие позиции. Латуровское понимание Нового времени вырастает из аналогичного различия между чистыми формами, чистыми различиями, с одной стороны, и умножением гетерогенностей, нечистых сущностей и гибридов — с другой. Его аргумент заключается в том, что *и* гетерогенности, или нечистые сущности, *и* попытки очищения и проведения четких различий в равной мере необходимы: претензия последних делает возможным изобильное, но более или менее скрытое производство гибридов²⁰.

Возможно, это и так. Но возникают новые вопросы. Например, множественность поднимает вопросы, связанные с *определенностью*, последней из описанных в Главе 2 европейско-американских черт внешнего. Является ли неопределенность прегрешением? Может быть. Но как мы уже знаем, внешнее и соответствующие ему здесь-внутри объекты могут выглядеть неопределенными, потому что они нестабильны, изменяют свою форму и даже имя. Но раз так, мы, пожалуй, должны изменить свое понимание того, что значит быть определенным. Быть может, нам нужно сказать, что вещи, меняющие форму и имя, *являются* на самом деле определенными, но они также изменяют свои формы и меняют свои имена. Сделать так — значит заново прочертить границу между двумя областями внешнего — видимым и невидимым. Это переделывает условия возможности европейско-американского метода и делает его более скромным и великодушным.

20. Имеются и другие, сходные исследования. См., например, мой отчет о принятии технологических решений, кратко рассмотренный выше и более полно в Главе 7 в: Law (2002a).

Но есть также и более радикальная возможность. Вместо этого или с равным успехом мы можем представить варианты метод-сборки, которые производят и постигают неопределенные или несвязанные здесь-внутри и там-вовне. К этому вызову я обращаюсь в следующей главе.

Интерлюдия: О присутствии и отсутствии.

В 1920-х годах Фердинанд де Соссюр написал: «Языковой знак связывает не вещь и имя, а понятие и акустический образ»²¹. Таким образом, в его синхронической лингвистике знак связывает акустический образ (означающее) и понятие (означаемое). Знак — отношение между означающим и означаемым. Значимость знака определяется его отличиями от других знаков: «ребенок», «женщина», «мужчина» — эти знаки приобретают свою значимость реляционно.

Реляционность была рабочим инструментом для структуралистских и постструктуралистских авторов. Структуралисты надеялись обнаружить неизменный синтаксис отношений, отражающий ментальные процессы и действия в мире. Постструктуралисты отказались от подобного поиска оснований. Всегда существуют вещи, которые не могут быть высказаны и которые нельзя сделать присутствующими. Постструктуралисты исследовали пределы и неполноту. Для Мишеля Фуко пределы условий возможности устанавливаются современной эпистемой. Для Жака Деррида следы

21. Цит. по: *Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики* / пер.с фр. А. М. Сухотина. М.: Логос, 1998. С. 66. — *Примеч. пер.*

неполноты всегда могут быть различены в стираниях и апориях, реализуемых во всем, что присутствует. Ничто не является самодостаточным и полным. Не все можно познать: познание зависит от того, что отсутствует. Аргумент направлен против так называемой «метафизики присутствия» — идеи, что все может быть собрано и воссоздано, или соединено, или познано в одном месте. *То, что делается присутствующим, всегда зависит от того, что делается отсутствующим.*

Реляционность синхронических лингвистов и их поструктуралистских преемников всегда была рабочим инструментом в социологии и философии науки и технологии. Например, рассуждения Донны Харауэй о частичных связях, киборгах, ситуационных знаниях организованы при помощи других идиом, но их общая форма сходна. Крах единства никогда не является просто абстрактной возможностью, как бы ни провозглашалось обратное. Кроме того, реляционность выступает основой работы Латура, Вулгара и Мол. Фуко и Деррида настаивают на материальности отношений и следа²². То, как понимал «дискурс» Фуко, обнаруживает его радикальную материальность. Феминистская теория исследует реализации телесной воплощенности, материализацию (к примеру) гетеросексуальности и вытесненные следы других возможных форм сексуальности²³. Под влиянием феминистской чувствительности исследования науки, технологии и общества недавно обратились к телесной воплощенности (например, в работах Харис Кассинс, Тиаго Морейры, Ингунн

22. Речь идет именно о материальности, а не о материализме, так как аргумент не является редукционистским.

23. См., например: Butler (1993).

Мозер, а также Харауэй и Мол)²⁴. Тем не менее, возможно, именно в исследованиях науки, технологии и общества материальность вызвала самый большой интерес. Так, мы видели, что Латур и Вулгар рассматривают научные отношения одновременно и в форме следов, утверждений, и в форме других вещей, таких как устройства записи. Это радикально *реляционная материальность*. Вещи и, тем самым, реалии трактуются как продукты отношений. Они не существуют в-себе и для-себя²⁵. Та же логика используется для исследования отношений между вещами и утверждениями. Мы видели, они описываются как до некоторой степени ненадежные цепочки отношений. В конечном продукте связи в этих цепочках оказываются стертymi, вытесненными в зону невидимости там-вовне. Когда все опосредующие шаги неожиданно исчезают, мы оказываемся лицом к лицу, с одной стороны, с наблюдаемым фактом там-вовне, а с другой — с утверждением здесь-внутри, описывающим этот факт и, как представляется, из него вытекающим. Тогда Латура и Вулгара можно понять как призывающих к реабилитации опосредующих отношений, производящих утверждения и наблюдаемые реалии — реабилитации той необходимой, но невидимой работы, которая производит и утверждения, и факты.

Такова версия метод-сборки. Метод-сборка — это создание отношений. Но что делают эти отношения и что для них характерно? Что *есть* метод-сборка? Я предложил два предварительных ответа.

24. Cussins (1998a; 1998b; 1998c); Moser (2000; 2003); Moser, Law (1998; 1999; 2003); Moreira (2000; 2001a; 2001b).

25. Эта реляционная метафизика систематически разрабатывается Латуром. См.: Latour (1988) и Latour (1998). Дальнейшие разъяснения см. в: Law, Mol (1995).

В Главе 2 я определил ее для случая репрезентации как реализацию пучка разветвляющихся отношений, формирующих, опосредующих и отделяющих друг от друга репрезентации здесь-внутри, репрезентируемые реалии там-вовне и невидимые внешние отношения, процессы и контексты, необходимые для здесь-внутри. В Главе 3 я предложил параллельное определение для объекта: метод-сборка — это создание отношений, формирующих, опосредующих и отделяющих друг от друга объект здесь-внутри, его релевантный контекст там-вовне и неограниченное множество внешних отношений, процессов и всего остального, являющихся частью сборки, но из нее исчезающих. Очевидно, что приведенные определения сходны по форме. Но постструктуралистская философская традиция предполагает другой словарь. При его использовании метод-сборка становится учреждением *присутствия, явленного отсутствия и Инаковости*. Более конкретно, метод-сборка — создание или увязывание отношений или хинтерланда в три компонента: а) все, что здесь-внутри, или *присутствует*; б) все, что отсутствует, но *в своем отсутствии явлено*; в) отсутствующее, но радикально *Иное*, так как, будучи необходимым для присутствия, оно не является и не может быть сделано явленным. Заметьте, именно акцент на присутствии отличает метод от всех других форм сборок. Необходимо также иметь в виду, что разговор о «создании» не означает с необходимостью человеческую деятельность или умение. Различные рассмотренные нами этнографии предполагали, что люди, машины, следы, ресурсы всех видов — и мы можем в других контекстах расширить список, включив в него духов, ангелов или муз — вовлечены в процесс создания.

Несколько слов о присутствии, явленном отсутствии и Инаковости.

Присутствие, очевидно, это то, что делается присутствующим или (как я иногда буду говорить) сгущается «здесь-внутри». Латур и Вулгар говорят об утверждениях: это варианты присутствия. Мол рассказывает об ангиографиях и пораженных атеросклерозом кровеносных сосудах. Это тоже варианты присутствия. Другие затронутые нами варианты присутствия включают водяной насос и такие изменяющие свои формы сущности, как алкогольное поражение печени. Все эти варианты присутствия учреждаются внутри практик. Некоторые из них репрезентации, другие — объекты или процессы.

Явленное отсутствие сопутствует присутствию, будучи его коррелятом, так как присутствие неполно и зависит от отсутствия. Сделать нечто присутствующим означает сделать что-то другое отсутствующим. Утверждения в статьях лаборатории Солка описывают эндокринологические реалии, а ангиографии — поврежденные сосуды. Рассекаемые сосуды связаны с вызвавшими болезнь факторами в прошлом и имеют последствия для способов лечения в будущем. Злоупотребление алкоголем в неблагополучном районе зависит от контекста, весьма отличающегося от контекста, производимого алкогольным поражением печени в гастроэнтерологическом отделении больницы. Контекст водяного насоса в деревне не слишком схож с контекстом его заводского производства. Каждый из приведенных случаев является примером присутствия и явленного отсутствия в той или иной форме.

Инаковость, или отсутствие, которое не делается явленным, также сопровождает присутствие и необходима ему. Но Инаковость исчезает, возможно, потому, что ею не интересуются, пока она протекает рутинным образом (энергоснабжение лаборатории Солка? выплата зарплаты персоналу больницы?)

действующая организация здравоохранения? завод в Хараре с незарегистрированным собственником?) или же потому, что просто неинтересна и точка (доступность алкоголя, культура посещения пабов, разрушенный брак). Но возможно (хотя это, несомненно, пересекающаяся категория), Инаковость исчезает из-за того, что приведенное к присутствию и явленному отсутствию не сможет обрести устойчивость, пока нечто не станет Иным (социокультурный контекст алкогольного поражения печени в контексте кабинета врача? активный характер авторства в производстве утверждений в лаборатории Солка?). Как следствие, Инаковость принимает различные формы. Упомянутые выше — *рутина, незначительность, вытеснение* — лишь три возможности²⁶.

Отсюда вытекает, что метод-сборка — это также создание (изготовление) и учреждение границ между присутствием, явленным отсутствием и Инаковостью. Эти границы необходимы. Эти категории взаимозависимы, ни одну нельзя устранить. Иными словами, всегда будет становление-Иным. То,

26. Рутинa скрывается, так как что бы ни было перед ней (присутствие или явленное отсутствие), оно включает это в себя и скрывает. В исследованиях науки, технологии и общества это иногда называется «образованием черного ящика» (Rip, 1986). Примеры вроде работы устройства персонального компьютера, скрытой, пока нет сбоев, объясняют, почему метафора черного ящика столь притягательна. Незначительность отличается несильно, но она менее дискретна. Вытеснение — понятие из богатой и важной традиции, от Фрейда через постструктуралистов (к примеру, Лакана и Лиотара) до разнообразных радикальных инициатив в культурных исследованиях, которые часто исследовали, как зависимые группы (темнокожие или женщины) становятся Иными, чтобы производить господство белых мужчин. См., например: Hall (1992), Said (1991) и Haraway (1989).

что приводится к присутствию (или явленному отсутствию), всегда ограничено и может быть оспорено. Как его можно создать — вопрос, чреватый бесконечными пересмотрами и неопределенностью. Нормативные методы пытаются определять и охранять границы, чтобы они оставались непроницаемыми и неизменными. Исследование медленного метода предполагает, что мы можем представить себе более подвижные границы и разные формы присутствия и явленного отсутствия. Можно вообразить другие возможности, если, например, мы обратим внимание на не-связность. Исходя из этого, в следующей главе я рассматриваю аллегории и события как варианты метода.

Ускользящие объекты

Всякая битва имеет причины и последствия и, будучи проанализированной многие годы спустя, наводит на тонкие размышления. Но ничто из этого не доступно тем, кто принимает в ней участие. Они и их товарищи — и их противники — замкнуты в опыте, для которого нет контекста, нет подходящего сравнения, в настоящем, состоящем из шуток, страха, натренированных реакций, безумных приказов сверху, полного истощения, вкуса перестоявшего чая, звука летящего снаряда.

Нил Ашерсон. Зуб Гитлера¹

То, что не произносится

Во время работы над исследованием алкогольного поражения печени мы с Вики Синглтон побывали в упоминавшемся выше Центре психологической помощи больным алкоголизмом на Касл-стрит. В одной из наших статей мы писали следующее (и снова я благодарен Вики Синглтон за разрешение использовать здесь эту совместную работу):

Найти дверь непросто. На террасе, втиснувшаяся между витринами двух дешевых магазинчиков в медленно умирающей части Уотерсайда. Улица в трех кварталах от большого супермаркета, которая не живет, а выживает. Выживает с трудом. Она пахнет бедностью. Она дышит безысходностью.

1. Ascherson (2002). P. 15.

Дверь неприметная. Непривлекательная. Крохотный глазок. Слепая вывеска. Ничего слишком заметного. Ничего излишне завлекающего. Звоним в звонок. Нас кто-нибудь слышит? Кто-нибудь ответит? Вдалеке слышны приглушенные шаги. Мы ощущаем на себе взгляд через глазок. Нас пристально изучают. Затем дверь открывается. Нас встречает пожилая женщина. Обнаруживается, что нормального холла за дверью нет. Вместо него перед нами лестница. Ступени покрыты дешевым ковром. Да, он тоже потрепанный.

Итак, мы приняты. Да, это мы, Вики Синглтон и Джон Ло из Ланкастерского университета. Теперь нас ведут вверх по лестнице. И здание уже оказывает на нас свое воздействие. Давящее ощущение кустарности. Нехватки ресурсов. Экономии на всем. Нам говорят, что всем посетителям приходится подниматься по этой лестнице. Некоторые из них еле держатся на ногах от выпивки. А некоторые просто еле держатся на ногах. По этой длинной лестнице, на самый верх. Потому что мы в викторианском здании, и потолки на первом этаже под шесть метров высотой. Это были большие, роскошные трехэтажные дома. Построенные во времена оптимизма. Во времена относительного благосостояния. Которое, однако, уже утекло сквозь пальцы.

Итак, клиент, преодолевший эту лестницу, должен сделать поворот на площадке, преодолеть еще один пролет, и тогда он оказывается на втором этаже. У дверей комнаты, вмещающей главный офис, библиотеку, переговорную, вертушку с листовками, архивный каталог, столы, стулья. Люди заняты делом. В данный момент клиентов нет, только курит лаборант. Несколько социальных работников, менеджер, районные медсестры-психиатры приходят и уходят.

Все завалено бумагами и листовками. Коричневые картонные коробки. Кружки с недопитым кофе. Нам приносят по кружке свежего кофе. Расчищают немного пространства. Совсем немного. Лишнего места нет. Документы и буклеты сгребаются в сторону. Два дополнительных стула. Число людей в комнате постоянно меняется — приходят клиенты, люди уходят на вызов, звонит телефон. Один из клиентов не явился. Какое облегчение. Работа очень напряженная. А вот еще один, дышит алкогольными парами. Это плохой знак.

Сотрудники так рады поговорить. Рады рассказать нам о своей работе. Рады возможности поговорить о трудностях, о напряжении².

Что можно извлечь из всего этого? Мы с Синглтон утверждали, что эта сцена может быть понята как выражение плачевного состояния реабилитации пациентов, что фрагментация организации и сокращение ресурсов нашли отражение в потрепанном состоянии здания и событиях, свидетелями которых мы были. Например, недопустимо располагать центр помощи алкоголикам в здании с такой длинной лестницей. На его работе плохо сказывалось отсутствие отдельной комнаты для приема пациентов. Было также странно обнаружить, что сотрудники, по-видимому, были наняты разными организациями и на разных условиях. Хаос листовок — из как минимум двадцати различных мест — также показывал, что все сложнопереплетенное множество мест, организаций, служб и программ, так или иначе имеющих отношение к проблеме злоупотребления алкоголем в районе, оказалось неко-

2. Law, Singleton (2003).

торым образом собрано на этих нескольких полках, но не представляло собой никакого единого целого. В общем, мы утверждали, что здание служило отражением, свидетельством, концентратом общего состояния неорганизованности. И, в частности, оно также воплощало в себе разрыв связи между более жесткой биомедицинской реальностью кабинетов врачей в больнице и менее связанной сферой психиатрических и социальных (но и медицинских) альтернатив, производимых в других местах.

Но мы также полагали, что было нечто важное в этой сцене, что не могло быть выражено словами и выходило за пределы возможностей языка. В то же время мы настаивали, что сопротивление эксплицитному формулированию не обязательно является проблемой. Напротив, было бы вполне уместно представить себе способы репрезентации, полностью или частично сопротивляющиеся эксплицитной символизации. Короче говоря, хотя мы тогда не использовали именно эти термины, фактически мы утверждали, что дезорганизация там-вовне (явленное отсутствие) приводилась к присутствию и реализовывалась в самих предпосылках или в нашем вербальном, но также и эмоциональном и эстетическом взаимодействии с этими предпосылками. Вместо того, чтобы становиться Иным.

Аллегория

Аллегория — это искусство иметь в виду что-то другое, что-то большее, чем сказанное. Это тесно связанное с иронией и метафорой искусство расшифровки скрытых смыслов, чтения между строк, чтобы понять, что на самом деле изображается.

Иногда говорят, что аллегория — утерянное искусство, что в европейско-американском мире мы утратили умение говорить или выражать вещи непрямым образом. Если это так, то причин этому, вероятно, две. Во-первых, аллегория как форма искусства процветает в тех контекстах, где имеет место открытое подавление. Если режим (или церковь, или правители) не приемлет критики, возникают условия для аллегории. В определенные периоды европейской истории она культивировалась как настоящее искусство. Зрители приходили в театр смотреть пьесу о Древнем Риме, точно зная, что хотя они, может быть, и узнают что-нибудь о Риме, они узнают что-то и о власть предержащих своего времени. Сегодня Европа и Америка в основном имеют счастливую возможность жить в государствах, где открытое политическое давление минимизировано. Поэтому стилизованные формы аллегории не культивируются как необходимая форма общественной жизни.

В этом контексте интереснее вторая причина. Она связана с доминированием буквальной репрезентации. Описания описывают непосредственно. Это считается целью и, по-видимому, достижением во многих или даже в большинстве форм репрезентации в Европе и Америке. Физика, биомедицинские и социальные науки, а также политика, журналистика и новостные передачи: везде метод собирается в форме утверждений (или в других формах репрезентации), которые отсылают к явленному отсутствию прямо и непосредственно. То, что сделано явным, конструируется как прямое и непосредственное. Точнее, как показывает этнография, описанная в Главе 2, считается, что реальность, которая делается явной, авторизует репрезентацию, которая якобы является производной от нее.

Как объяснение исчезновения аллегории это звучит убедительно. Все любят прямые репрезентации. Но аргумент не совсем срабатывает. Во-первых, как уже говорилось в Главе 2, прямая репрезентация никогда не бывает прямой. Она опосредована. Если утверждение в эндокринологии (или социологии медицины) отсылает к реальности там-вовне, если оно, как представляется, просто описывает ее, то только потому, что большая часть сборки, внутри которой оно расположено, была сделана невидимой. Авторство, неопределенности, реализация внешнего — все это исчезло. Появление прямой репрезентации есть результат процесса искусного стирания. Значит, наш аргумент должен выглядеть так: с одной стороны, прямая репрезентация действительно не оставляет места аллегории³. Но, с другой стороны, она *встроена* в аллегорию. Нет ничего прямого и буквального в связи между наличными утверждениями и отсутствующей реальностью. Это значит, что эти утверждения происходят из или рассказывают о чем-то ином или большем, чем та реальность, которую они описывают. Они — эффекты аллегии, скрывающие свое аллегорическое происхождение. Вот что собой представляет репрезентация: *аллегория, которая не признает себя таковой*.

Значит, аргумент в следующем: там, где есть изображение — есть и аллегория. Аллегория вовсе не утеряна, а практикуется тайно. Или, другими словами, мы все вовлечены в искусство аллегии. Ученые-естественники, социологи, политики, журналисты, работники физического и умственного труда —

3. С точки зрения репрезентации, говорить не о том, о чем ты говоришь, в лучшем случае — трюк, метафорическое украшательство, а в худшем — просто-напросто введение в заблуждение.

все мы искусные мастера аллегорий. Все мы мастерски читаем между строк того, что нам скармливают. Все мы, по факту, мастерски умеем говорить то, что имеем в виду, а не то, что произносим. Политики, рекламисты, адвокаты, дипломаты, мировые судьи, священники, родители, партнеры, врачи — все мы занимаемся аллегориями, и все мы умело их расшифровываем.

Но есть еще одна загвоздка. Как уже было замечено, откровенная склонность к аллегории процветает в условиях открытого подавления. Но, слегка перефразировав, мы обнаружим, что аллегория процветает в условиях оспаривания власти. Выглядит это примерно так. Господствующие (по возможности) настаивают, что их утверждения — буквальное описание единственной реальности. «Это действительно так, — говорят нам. — Альтернативы нет». Но те, кто слышит эти проповеди, учатся прочитывать их аллегорически. Цинизм, скептицизм, поиск скрытых интересов, нюх на идеологическое — все это техники, с помощью которых управляемые прочитывают в словах господствующих производящие их скрытые реалии⁴.

Применим этот урок к режимам репрезентации в естественных и социальных науках. На первый взгляд, есть авторитеты, источники авторизованного знания. Экологи знают об окружающей среде. Демографы знают о населении. Но в то же время

4. Эти умения, разумеется, работают и в обратном направлении. Господствующие тоже воспринимают репрезентации тех, кто обладает меньшей властью, аллегорически: сомневаясь, перепроверяя, пересчитывая и сводя баланс. Доверие в дефиците с обеих сторон. О самоопровергающем характере процесса аудита, который может быть понят как тщетная попытка властвующих превратить аллегорию в репрезентацию, см.: Power (1997).

так сделанные реалии оспариваются и, несомненно, есть разные способы оспаривания. Возможно, социология или тем более культурология мало ценятся в некоторых местах⁵. Но к экономике, демографии и многим разделам естественных наук это не относится⁶. В качестве авторитетных институтов они пытаются настаивать, что совокупность их утверждений является буквальным описанием реальности, которая тем самым предъявляется. «Реальность такова, — говорят они нам, — по крайней мере в пределах некоторых технических ограничений». Но распространены и аллегорические прочтения. Экспертам не доверяют⁷.

Существует немало научной литературы об экспертах и доверии. Этот аргумент встречается во многих формах, и одна из них — «восприятие науки в обществе». Ведущие ученые обеспокоены скептицизмом, выказываемым обывателями по отношению к естественным наукам, и этой теме за последние 20 лет в Великобритании было посвящено несколько исследовательских программ, финансируемых государством⁸. Носители авторитета убежде-

5. Хотя, по мнению некоторых, социология тоже сыграла важную роль в реализации социального. Указания на этот эффект можно найти в: Porter (1995); Osborne, Rose (1999) и Law, Urry (2004).

6. О дискуссии об экономике см.: Callon (1998b).

7. Те, кто не вовлечен непосредственно в отношения, реализуемые в этих утверждениях, не обязательно воспринимают их буквально. Помните, однако, что экономическая реальность состоит не просто из утверждений, но и из отношений, распространяющихся на практики и материалы, которые ветвятся во все стороны. «Убеждения» не всегда являются главной ставкой.

8. Их беспокойство, несомненно, подогревается подозрением, что отсутствие общественной поддержки отразится на го-

ны, что простые люди недостаточно ценят и уважают науку и ее методы — и это необходимо исправить. Но такой способ мышления асимметричен. Он предполагает, что ученые со своими методами знают лучше, и что реальность, которую они описывают и создают, первична, независима, и так далее. Короче говоря, это значит отказываться в легитимности обывательским и аллегорическим прочтениям науки. Прочитывая как минимум некоторые области науки и ее утверждения аллегорически, а не буквально, обыватели задаются (например) вопросом об особых интересах, скрывающихся за утверждениями об истине. Они удивляются, с какой целью министр сельского хозяйства на телевидении заставляет свою явно сопротивляющуюся дочь есть гамбургер⁹. И подозревают худшее.

Исследователь науки и технологии Брайан Уинн писал о недоверии к экспертам. После Чернобыльской катастрофы он наблюдал за взаимодействием фермеров Камбрии и экспертов, которые прибыли наблюдать за радиоактивными осадками на холмах Озерного Края и проверять безопасность включения ягнят в пищевую цепочку человека. В его рабо-

товности общественных организаций раскошелиться на научные исследования. Это, безусловно, одно из объяснений споров вокруг так называемых «научных войн», когда социальные науки обвинялись в подрыве эпистемологических оснований естественных наук.

9. Министр, о котором идет речь, Джон С. Гаммер, отвечал таким образом на страхи по поводу новой формы болезни Крейтцфельда-Якоба в начале паники вокруг коровьего бешенства в Британии, пытаясь путем телевизионного выступления убедить население, что говядина безопасна. Это выступление имело место 6 мая 1990 г. (см.: URL: <http://news.bbc.co.uk/1/hi/uk/369625.stm>). Нелишне заметить, что с тех пор его политика стала гораздо внимательнее к окружающей среде.

те затрагивается множество тем, но одна из них имеет отношение к скептицизму, к нехватке доверия. «Почему мы должны верить экспертам, — говорили или думали фермеры, — если им платит правительство, которое связано с атомной промышленностью? Почему мы должны им верить, если они приходят к нам после Чернобыльской катастрофы и учат нас, как нам растить овец, но то, что они говорят, с точки зрения нашего многолетнего фермерского опыта — полная чушь? Почему мы должны им верить, если оказывается, что их уверенные прогнозы о связывании радиоактивного цезия в почве холмовых пастбищ просто-напросто не соответствуют действительности, и много месяцев спустя овцы все еще зависят от импортных кормов?»¹⁰. Исследование Уинна показывает, что фермеры мыслят аллегорически. Они смещают границу между тем, что предьявлено, и тем, что сделано Иным. Официальные версии предьявленного, буквальные отчеты, предлагаемые экспертами, ставятся под сомнение. Часть того, что превращено в Иное в этих версиях, выносится на свет, делается реальным.

Именно так всегда и работает аллегория. Она использует присутствующее как ресурс для того, чтобы смешиваться с отсутствием. Она предьявляет то, что иначе было бы невидимым. Она расширяет поле видимого и вырабатывает новые реалии там-вовне. И по меньшей мере иногда она совершает нечто еще более искусное. *Она открывает пространство для амбивалентности и двусмысленности.* В аллегории предьявляемые реалии не обязаны непротиворечиво сочетаться друг с другом.

10. Эти примеры, как и более общее рассуждение об общественном восприятии науки, заимствуются из работ Брайана Уинна. См., например: Wynne (1996).

Двусмысленность и амбивалентность

Стало быть, вот в чем состоит искусство аллегории: удерживать вместе две или более вещи, которые не обязательно согласуются между собой. Уинн, используя другую идиому, но формулируя сходный тезис, говорит следующее:

С помощью своих рационалистских дискурсов современные экспертные институции и их «естественные» культурные ответы на риски под именем «научного управления рисками» молчаливо и украдкой насаждают свои директивные модели человеческого и общественного среди простых людей, которые оказываются имплицитно неполноценными в человеческих терминах¹¹.

Его тезис состоит в том, что обыватели одновременно и следуют этим моделям, и не следуют им. Добавим, что они одновременно и реализуют эти модели, и не реализуют их. Вот где открывается возможность. Людям низкого статуса приходится проживать и реализовывать две версии реальности — официальную и локальную — одновременно. Это тезис Уинна.

Вики Синглтон высказала сходные тезисы об амбивалентности. В своей работе она исследовала способ, которым программы здравоохранения часто, или даже как правило, представляют свои цели и свои успехи в четком, однозначном, определенном виде, как если бы они следовали некоей эксплицитной политике. По крайней мере, те, кто отвечают за эти программы перед публикой, обычно выраба-

11. Wynne (1996). P. 57.

тывают репрезентацию и реальность, которые единственны и определены. Они говорят, например, что британская программа профилактических обследований успешно снизила смертность женщин от рака шейки матки. Однако Синглтон также показывает, что в то же время существуют другие истории, которые репрезентируют и реализуют программу в формах менее определенных, менее связных, более рассеянных, и имеют относительно мало общего с прямым приложением политики. Другими словами, ее тезис состоит в том, что программа обследования шейки матки пронизана амбивалентностью.

Например, оказывается, что врачи общей практики одновременно питают сомнения относительно программы и верят, что женщинам полезно проходить обследование. Вот слова врача из интервью:

Мы убеждаем женщин делать мазок и, но {пауза} ... что мазки много пользы приносят, в целом по стране не очень подтверждается {пауза} ... Мне несложно уговорить женщину сделать мазок, но я бы скорее не стала, не хотелось бы давить на женщин¹².

Это словесная амбивалентность. Врач уклончиво намекает на — и видит — две реальности. С одной стороны, есть программа, которая сокращает уровень заболевания, а с другой стороны, она этого не делает. Но такие двусмысленности и множественные реальности встречаются повсюду. Например, лабораторная цитология тоже считается надежной, но в то же время воспринимается как неопределенная¹³.

12. Singleton, Michael (1993). P. 258.

13. См.: Singleton, Michael (1993) и Singleton (1996; 1998).

На этом этапе некоторые случаи могут пропустить, потому что с более развитыми формами рака вы можете и не получить положительный результат. Некоторые случаи оказываются пропущены, хотя они буквально бросаются в глаза, потому что мазок, который не был надежен при данном техническом наборе условий, был отрицательный. Поэтому прямое свидетельство является важным ¹⁴.

И это всего лишь два примера двусмысленности. В соавторстве с Майком Майклом Синглтон пишет, что программа обследования «обретает устойчивость благодаря тому, что актеры одновременно находятся в ядре и на периферии, являются самыми что ни на есть яростными критиками и самыми стойкими приверженцами, одновременно инсайдерами и аутсайдерами»¹⁵.

Я не хочу сказать, что эти колебания и амбивалентность являются признаками недоверия. Возможно, порой так оно и есть, но здесь происходит и нечто гораздо более важное. Скорее, Синглтон говорит нам, что программы вроде этой *всегда* полны конфликтующих практик и мнений и реализуют их. А затем она делает даже более сильное заявление. Она говорит, что именно эта колеблющаяся амбивалентность делает подобные программы возможными и более или менее успешными¹⁶. Непротиво-

14. Singleton, Michael (1993). P. 243–244.

15. Ibid. P. 232.

16. Это аргумент, который она разработала в ходе работы в национальной кампании по сокращению смертности от синдрома внезапной детской смерти, или СВДС. Согласно официальной статистике, эта кампания прошла весьма успешно благодаря программе «сон на спине», убеждавшей матерей укладывать детей спать на спину. Данные

речивость и связность достижимы только в теории, а не на практике. Или: непротиворечивость возможна благодаря несвязности. Врачи общей практики, фермеры, все мы мастера аллегорий, потому что читаем между строк и предьявляем реальности, о которых не говорят словами. То есть мы играем с границами между тем, что сделано Иным, и тем, что явлено. Таким образом, мы можем понимать аллегорию как модус открытия — принимая во внимание, что в мире реализаций аллегория также *создает* то, что она открывает. Это первый пункт. Второй не менее интересен. Будучи мастерами аллегорий, мы зачастую создаем и предьявляем реальности, которые не являются непротиворечивыми. Их трудно свести в единую гладкую реальность.

Мы уже приходили к этой мысли, но пользуясь другим словарем, поскольку речь здесь идет о множественности. Различные реалии, воплощенные в разных практиках программы обследования шейки матки, действительно различаются, подобно атеросклерозу нижних конечностей у Мол. И, как и в случае атеросклероза нижних конечностей, есть разные способы, которыми они могут сочетаться и сочетаются на практике. Возможности, перечисленные Мол, приложимы и здесь. Но при всем этом проблема аллегорий у Синглтон несколько отличается. Интересно не просто то, что присутствия и отсутствия множественны. Интересна также *репрезентация* несвязности или множественности. Это щекотливая проблема, поскольку, как мы видели, европейско-американские допущения о том, что есть там-вовне, мешают думать или говорить

Синглтон показали, что на практике это предписание интерпретируется и реализуется множеством разных способов.

о чем-то как о несвязном или множественном. С поправкой на ограниченность имеющихся технических возможностей и постоянную потребность в корректировке, предпочтение отдается репрезентациям, предъявляющим реальность как единственную. Вследствие этого эти допущения отрицают возможность несвязного изображения, предлагаемую аллегорией. Они пытаются провести четкую границу между теми отсутствиями, которые разрешено предъявлять, и теми, которые не подходят, которые превращаются в Иное.

Несомненно, есть много возможных способов реализации аллегорий. Много способов, которыми аллегория может смешиваться с отсутствием, переустанавливая границы между явленными реальностями и реальностями, превращенными в Иное. Есть много способов, которыми она может поддерживать и реализовывать несвязность там-вовне. Иногда с помощью слов — в моем понимании именно это пытаются показать Синглтон и Уинн в приведенных выше примерах. Иногда, однако, они будут заставлять нас выходить за рамки слов. Именно это, как мне кажется, происходит в случае с неухоженным зданием Уотерсайдского центра помощи больным алкоголизмом. Здание и наше восприятие этого здания — это упражнение в аллегории. В отсутствие слов, видимо, становится не столь давящим требование непротиворечивости нарратива. Требование предъявлять отсутствие как единое и связанное. В таком случае, возможно, архитектура и другие нелингвистические вербальные формы являются богатыми источниками аллегорий. Возможно, они и *есть* аллегии, которые реализуют несвязное, позволяя нам его предъявлять. Возможно, мы просто не очень хорошо умеем обращаться с ними как с аллегориями, а также воспринимать способы, которыми они созда-

ют и соотносят между собой наборы реалий, которые не могут быть помещены в единый нарратив¹⁷.

Разумеется, нельзя сказать, что несвязность хороша сама по себе. Как уже было замечено, Сингльтон и я были убеждены, что более высокая степень организационной связности была бы, безусловно, полезна для помощи людям с проблемами с алкоголем в районе Уотерсайда. Тем не менее пытаться впихнуть несвязанные реалии в единство, настаивая на непосредственной репрезентации и превращении в Иное того, что не влезает — значит тоже упускать суть. Это попытка воплотить определенную версию онтологической политики. И сила аллегорического подхода к метод-сборке в том, что он не упускает эту суть. В том, что он несет альтернативную политику. *Он смягчает границы между тем, что стало Иным, и тем, что явлено, он играет с этими границами.* Он открывает — и воплощает — новые и лишь частично связанные реальности.

Теперь развернем этот тезис, рассмотрев еще один случай: катастрофу на железной дороге.

Катастрофа на станции Ладброк-Гроув

5 октября 1999 г. трехвагонный дизельный поезд компании «Thames Trains» («165») столкнулся со скоростным поездом («HST») компании «First

17. Подобный аргумент разворачивает Фредерик Джеймисон в своем анализе «постмодернистской» архитектуры Сан-Франциско, которая, по его мнению, может быть понята как инструмент того, что он называет «когнитивным картографированием». Его он относит к несвязным, но глобальным реалиям капитализма. См.: Jameson (1991). Дальнейшую дискуссию по поводу «знания в напряжении» см.: Law (1998).

Great Western» на станции Ладброк-Гроув, в двух милях от вокзала Паддингтон в Лондоне. Результат был ужасающим.

Было установлено (сообщил юрист, открывая последовавшее общественное расследование), что в общей сложности в поездах находилось 575 человек. 31 человек погиб при столкновении или вследствие полученных травм. 23 погибших были пассажирами поезда компании Thames Trains, 6 — пассажирами скоростного поезда. Также погибли машинисты обоих поездов. Приблизительно 414 пассажиров пострадали, многие очень серьезно. Итого более 75% пассажиров погибли или получили травмы различной степени тяжести. Цифры для 165-го еще более серьезны. По самым оптимистичным оценкам там находилось 148 человек. Из них 23 погибли и 116 пострадали. Только 6 остались невредимы. 227 человек были доставлены в больницы с места происшествия. Многие продолжают страдать от полученных травм и шока, причиненного зрелищем кошмара и разрушений¹⁸.

Поезда столкнулись практически лоб в лоб на суммарной скорости около 210 км/ч. Разрушения были чудовищны. Локомотив, два первых вагона скоростного поезда и два головных вагона 165-го очень сильно пострадали. Хотя больший урон был нанесен вагонам менее тяжелого 165-го, эффект столкновения был усугублен сильным пожаром, частично вызванным утечкой дизельного топлива, в результате чего один из вагонов скоростного поезда пол-

18. Ladbroke Grove Rail Inquiry. Transcript of Proceedings. Morning of 10 May 2000. P. 5. URL: <http://www.lgri.org.uk/10mayam.htm>, теперь: <http://www.archive.com>.

ностью выгорел изнутри¹⁹. Выходы и междвагонные переходы были заблокированы, и многие пассажиры оказались не в состоянии выбраться из обломков. Они были заперты в огне и сгорели заживо или получили страшные увечья. Ограниченной оказалась и возможность спасательных служб оказать помощь: ничего нельзя было сделать, чтобы помочь выбраться тем, кто оказался заперт в том вагоне, который горел сильнее всего, и ничего нельзя было сделать, чтобы потушить адское пламя, обратившее все его содержимое в пепел.

Катастрофа на Ладброк-Гроув привела к кризису британской железнодорожной системы. Широко распространилось мнение, что что-то ужасающе неправильное произошло не только на самой станции Ладброк-Гроув, но и на железных дорогах в целом. Результатом стало общественное расследование, призванное прояснить не только непосредственные причины катастрофы, но и сопутствующие обстоятельства. Это расследование (выше приведена цитата из официального отчета о его ходе) включало изучение улики, сбор показаний и перекрестный допрос сотен свидетелей. Два года спустя был представлен доклад о его результатах²⁰. Последствия

19. Подробности взяты из следующих документов: Train Accident at Ladbroke Grove Junction, 5 October 1999. Second Health and Safety Executive Interim Report. 3 November 1999. URL: <http://www.hse.gov.uk/railway/paddrail/interim2.htm>; Train Accident at Ladbroke Grove Junction, 5 October 1999. Third Health and Safety Executive Interim Report. 14 April 2000. URL: <http://www.hse.gov.uk/railway/paddrail/interim3.htm>; Ladbroke Grove Rail Inquiry. Transcript of Proceedings. Morning of 10 May 2000. Ранее: <http://www.lgri.org.uk/10mayam.htm>, теперь: <http://www.archive.com>.

20. Многие детали, включая стенограммы расследования, были доступны: <http://www.lgri.org.uk>. К сожалению, этот ре-

столкновения (как и некоторых других железнодорожных аварий) должны были привести, в свою очередь, к масштабной реорганизации британской сети железных дорог.

Столкновение как аллегория

Столкновение на Ладброк-Гроув может быть понято как сложное сочетание отношений и сущностей. Некоторые приведены к присутствию в самой ужасной сцене катастрофы. Другие были предъявлены в форме контекста, имеющего то или иное отношение к этому присутствию. Некоторые же оказались невидимыми. Итак, катастрофа — это объект. Но, как и центр помощи страдающим алкоголизмом, ее можно понять как аллегию: хотя она не принимает форму утверждений о реальности, если мы будем читать между строк кровопролития, она непрямым образом изображает, реализует и предъявляет некоторую реальность. Именно этим она интересна для нас. В отличие от репрезентации, здесь наличное не притворяется, что говорит само за себя. Оно требует интерпретации. Оно подталкивает нас к аллегорическому мышлению. В то же время оно позволяет нам изучить анатомию аллегорического исследования.

Но есть два способа аллегорического понимания. Первый — воспользоваться словесной формой и предпринять последовательное лингвистическое описание. Именно это было сделано в ходе общественного расследования и в отчете, издан-

курс был закрыт летом 2002 г., хотя большинство страниц можно извлечь с помощью замечательной технологии: <http://www.archive.com>. См. также: Cullen (2001).

ном по его итогам. Отчет создает и репрезентирует реальность в форме обстоятельств, которые привели к катастрофе. Второй способ — попытаться воспринять разрушения и ужас без единой попытки выстроить дискурсивный отчет. Обе этих стратегии являются аллегорическими. Обе возможны. Более того, обе важны. Но, очевидно, они работают по-разному. Итак, сперва — расследование и его отчет.

Это подробнейшее исследование отношений, сплетшихся и проявившихся в столкновении. Это подробное описание — и реализация — некоторого набора отношений, реалий, приведших к столкновению. На практике оно начинается с показа того, что машинист 165-го поезда совершил ошибку. Он направил поезд мимо семафора SN 109, который показывал сигнал опасности — красный. Но почему? Возможность самоубийства была рассмотрена и отброшена. Это и не безрассудство: машинист, как было установлено, имел прекрасный послужной список безопасного управления. Предположительно, проблема была в его неопытности: он недавно закончил обучение и был плохо знаком со сложной системой подъездных маршрутов вокзала Паддингтон. Но почему? Расследование продолжается в направлении изучения особенностей (многие бы сказали — провалов) обучения машинистов в Thames Trains. Но в чем была проблема с обучением? Опять есть разные ответы, некоторые — довольно непрямые. Нынешним машинистам может не хватать опыта. Раньше получению должности машиниста предшествовал долгий карьерный рост в железнодорожной профессии — и соответствующий опыт; теперь же зачастую в машинисты попадают в результате рекрутинговых кампаний и интенсивных курсов подготовки.

Но это всего лишь часть релевантной реальности, создаваемой расследованием. Другая ее часть касается семафора SN 109. Почему машинист проехал мимо семафора на красный свет? Исключив суицид, следователи решили посмотреть, почему он мог пропустить или неправильно воспринять сигнал. И снова обнаруживаются разнообразные ответвления и сплетения. Возможно, безобидная ошибка системы безопасности, системы оповещения машиниста, убедила его, что сигнал был зеленый. (Что возвращает нас к обучению.) Но почему он не видел красный сигнал? Возможно, он отвлекся. Это нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Возможно, однако, что катастрофу спровоцировал угол восходящего солнца. (Предположительно, оно отражалось в сигнальных лампах семафора, создавая у машиниста впечатление зеленого цвета.) Или, возможно, это признак некой фундаментальной неисправности самой модели SN 109. Например, важным мог оказаться тот факт, что это был один из множества семафоров, закрепленных на одной балке, перекрывающей несколько перепутанных путей, при ограниченной зоне видимости у машинистов прибывающих поездов. Это значит, что машинистам приходилось отсчитывать, какой в ряду семафоров относится к их поезду. Или (продолжим), возможно, дело в недоработках Railtrack, компании, ответственной за обслуживание путей и сигнальных систем. Возможно, в частности, это указывает на то, что компания не озаботилась провести расследование предшествующей серии инцидентов с SN 109 и сочла пригодной конструкцию, которая (очевидно?) оставляла желать много лучшего. В таком случае, возможно, это также указывает на тот факт, что Railtrack не удалось найти эффективное организационное решение для отслеживания и предупреждения инцидентов,

связанных с ошибочным чтением сигналов семафора. Или, возможно, здесь отразилась опасность такой организации железных дорог, в которой пути и сигналы принадлежат одной частной компании, а поезда, которые по этим путям ходят, — совершенно другим компаниям. Или в которой обслуживание путей и сигнальной системы отдано на откуп частным компаниям, которые передают заказы множеству других коммерческих организаций, в некоторых из которых может быть очень мало сотрудников с опытом работы на железных дорогах. В таком случае в катастрофе артикулируется и реализуется если не приватизация всей железнодорожной системы, то по меньшей мере способы проведения этой приватизации, требующие, как в этом случае, дробления единой компании British Railways, которая раньше владела и управляла всей системой, ради преимуществ рыночной конкуренции. Это (в данной версии) породило такой уровень несвязности в системе британских железных дорог, по сравнению с которым история с алкогольными поражениями печени выглядит образцом рачительности.

Расследование и отчет впечатляют. В нем перечислено и рассмотрено великое множество возможных частных причин. В ходе дебатов и перекрестных допросов на квази-судебных общественных слушаниях варианты предлагаются, изучаются и оцениваются — в отчете же они появляются как принятые или исключенные. Конкретные детали процесса отличаются от деталей процесса в лаборатории Солка, но общий стиль упорядочения тот же: вырабатывать утверждения, описывающие реальность, которая выстоит в сети других утверждений, материалов и практик. Такая реальность должна представлять собой связный отчет, подробное перечисление прямых и косвенных причин, которые соединяют-

ся вместе, чтобы произвести катастрофу. Заметьте, что это подразумевает необходимость постоянного определения границ между тем, что реально и должно быть явлено, с одной стороны, и тем, что должно быть переведено в зону Иного — с другой. Некоторые из этих определений эксплицитны. Они принимают форму переговоров, модализаций и демодализаций. Является ли это конкретное описание *действительно* тем, что произошло? Достоверно ли оно? Движимо ли оно скрытыми интересами? Должно ли оно быть принято всерьез или отброшено?²¹

Другие детерминации менее очевидны. А именно, реальность понимается как определенная, единственная, предшествующая и независимая — и такой она и делается. Потому что — да! — рамочные допущения европейско-американской метафизики продолжают действовать. Связное описание мира возможно даже в те моменты, когда все пошло ужасающе не так. Расследование — необходимым образом аллегорическое, поскольку ничто не говорит само за себя, ничто не является прозрачным, все должно читаться как симптом, как сказываемое о чем-то другом — тем самым отрицает возможность несвязности, множественности и т.п.

В условиях реального расследования выбор невелик. Оно было запущено британским государственным органом, отвечающим за безопасность на производстве:

21. Многие дебаты и перекрестные допросы в ходе расследования касались относительной значимости или вероятности разных возможных причин. Невозможно удержаться от искушения прочитать многие из тех споров решительно аллегорически. Действующие лица старались обеспечить со всей доступной надежностью, чтобы ниточка важных побочных причин не привела прямо к их собственному порогу.

Чтобы исследовать и извлечь урок из этого происшествия ... учесть результаты расследования и немедленно принять меры²².

Требование связности, таким образом, встроено в условия возможности. Требуется единственный отчет, и так или иначе однажды с необходимостью возникнет единая реальность. Она будет многофакторной. Будет много привходящих причин происшествия. Но они будут сведены вместе и нанесены на карту. Железнодорожная реальность будет, так сказать, связна в своей несвязности. Катастрофа была вызвана определенным набором обстоятельств. Проблема в том, чтобы установить их характер.

Это одна возможность. Но как же сама катастрофа? Что, если мы прочитаем непосредственно ее как аллегорию? Это альтернативный вариант. Воспринять ее как момент, страшный момент реализованного присутствия, написанный не текстами и заявлениями, а сталью, плотью, дизелем и пламенем. Написанный как вторжение, крушение, ад, агония, боль, чудовищные ожоги, горе, паника и смерть. Если мы сделаем это, то столкновение можно будет понять как устройство письма, которое пишет свои тексты не ручкой по бумаге, а кинетической энергией и огнем по телам людей и искореженным обломкам подвижного состава. Оно реализуется в и через театр жестокости. Ночной кошмар. Но в то же время, как бы ужасно оно ни было, это не вполне неуместно. Если утверждения обязаны иметь форму прямых репрезентаций, то столкновение прямых репрезентаций не порождает. Но оно производит нечто, похожее на утверждения, что может быть воспринято как [высказывание] о чем-то другом —

22. Взято из: Cullen (2001). P. 7.

в той степени, в какой мы готовы мыслить аллегорически и выходить за пределы возможностей языка. В этом и состоит мой тезис: как и в случае хаоса центра психологической помощи алкоголикам, я не думаю, что выйду за пределы здравого смысла, если скажу, что столкновение порождает и изображает несвязности, его вызвавшие, разветвления неупорядоченного организационного и технического хинтерланда. Или преломляет эту несвязность. Или сгущает и артикулирует ее. Кошмарно, в виде тел, увечий и обломков. Боль, если позволите, тоже свидетель. Элейн Скарри напоминает нам, что попытка рассказывает о том, что ее производит, так или иначе, как бы неясен ни был этот рассказ. Более того, дело тут именно в изъятии слов²³.

Разумеется, страшная авария — не та материальная форма аллегории, которую кто-либо захочет развивать. Есть аллегории и аллегории, и эта слишком ужасна, чтобы играть с ней. Но ставкой здесь является не внушение ужаса. Дело скорее в том, как такое мыслить и что делать, когда такое случается. Читать как реализацию единственного набора каузальных обстоятельств? Это один путь, и по нему пошло официальное расследование. Воспринять как набор несвязных реальностей, несводимых в единый нарратив — такова альтернатива. Боль, разрушенные жизни, гибель любимых, родителей и детей — вот те реалии, которые мы увидим, если прочтем крушение более непосредственно. Если мы воспримем и оценим эти реальности материально, телесно и эмоционально. Идея, соответственно, в том, что текстуальные связности создают сильные реальности, но они также что-то теряют: несвязное, нетек-

23. Scarry (1985).

стуальное. Реальности, реализуемые другими способами. И, придерживаясь только текстуального, мы не даем себе «читать», не даем знать и ценить эти реальности. Они могут быть жестокими, но политика, которая не воспринимает их, но создает их, также реализует свою особую форму жестокости²⁴.

Собирание

Подведем итоги. На практике все, что присутствует, всегда понимается аллегорически. Присутствие прочитывается так, чтобы увидеть, что оно может нам рассказать непрямым образом об отсутствии. Репрезентации и утверждения не исключение. Знаки, которые прямо говорят о том, что они описывают, не делали этого от рождения: они тоже читались как симптомы, не прямые послания, нуждающиеся в интерпретации. Если репрезентация точна, то только потому, что она отрицает собственное происхождение из аллегии, переводя в зону невидимого те опосредования, которые произвели ее кажущуюся прозрачность.

Аллегию отрицают, но она повсюду. Еще важнее, что она еще и обладает *порождающей* силой. Она смешивает границы между явленным отсутствием, видимыми реалиями, которые могут быть опознаны, и Инаковостью — теми реалиями, которые тоже реализуются, но сделаны невидимыми. Она расширяет видимость — или создает и играет с различными версиями видимости. Тем же жестом

24. Это проблема, о которой я много узнал из дискуссии с Ингунн Мозер, которая изучает инвалидность и провалы программ работы с инвалидами. См.: Moser, Law (1998; 1999); Moser (2000; 2003).

она расширяет реалии — или создает и играет с различными и альтернативными версиями реальности. Стало быть, это модус открытия — возможно, это *главный* модус открытия. Это набор инструментов для создания и познания новых реалий.

Но есть кое-что еще. Аллегория терпима к неоднозначности и двусмысленности. Позвольте мне усилить это утверждение. Аллегория *состоит* в неоднозначности и двусмысленности. Работать с аллегориями — это значит видеть и создавать несколько реальностей в одном и том же присутствии. Утверждение о мире есть также (например) утверждение о мотивах тех, кто высказывает это утверждение. Об их социальных интересах. Психическом состоянии. Плохой родословной. Невежестве. Аллегория, таким образом, необходимо имеет дело с нагромождением различных реалий. С *восприятием несвязной множественности*. С расколотым зрением. Или со способами знания в состоянии напряжения²⁵.

Хотим ли мы понимать и реализовывать несвязные множественности? Европейско-американская метафизика, насколько она сохраняется в естественных и социальных науках, обычно отвечает «нет». Или, точнее, она предлагает разделение труда между наукой и искусством. Или между внешней реальностью и личным опытом. Поэзии, живописному полотну или роману позволительно не соответствовать требованиям связности и непротиворечивости, потому что их «там-вовне», отсутствие, кото-

25. Таким образом, то, что Харауэй говорит о киборге, столь же аллегорично, как и внимание к отсутствию, Иному и интертекстуальности, обнаруживаемому в наследии Фуко и Лакана, культурных и постколониальных исследованиях и отчасти в феминистской теории.

рое они реализуют, не принимается как «реальное». Это не «настоящее там-вовне». А в воображении несвязность разрешена как возможность. Так что индивидуумам дозволено мечтать без всякой последовательности. Но реальность — дело серьезное. Она требует единственности, а единственность требует экспертного знания, единой точки зрения. Несвязные реалии исчезают, ускользая в искусство или в область персонального.

Несвязность не обязательно хороша сама по себе. Взгляните на неорганизованность режима помощи алкоголикам или отсутствие координации в железнодорожной системе. Но и связность не обязательно хороша. Возьмите водяной насос или программу обследования шейки матки. Это значит, что на вопрос «хотим ли мы понимать и реализовывать несвязные реалии» не следует требовать однозначного ответа. Ответ следует давать в каждом отдельном случае. Однако проблема европейско-американской метафизики — в ее несимметричности. Она просто полагает, что связность — это хорошо, и пытается ее реализовывать. Она не оставляет места для признания существования несвязности, для аллегории, осознающей себя как аллерию. А еще *она реализует связность очень специфическим способом.*

Выглядит это так. Если аллегория терпима к несвязности, то мы должны спросить также, что *есть* эта несвязность? *Что такое* «противоречивость»? Мы снова оказались на территории, размеченной для нас Анн-Мари Мол, территории различия. Являются ли различные реализации атеросклероза в больнице, которую она посещала, «непротиворечивыми»? Что ж, на этот вопрос следует отвечать не просто посмотрев, вписываются ли они в единый гладкий нарратив вроде тех, что даются в учебниках. На него нужно отвечать, посмотрев, что происходит

на практике в конкретных местах. Госпиталь живет своими повседневными практиками, и различные реализации болезни притираются друг к другу. Они притираются во многих смыслах. Некоторые из них, так или иначе, сохраняют единый связный нарратив. Иногда — например, когда при обсуждении случая обнаруживаются противоречивые признаки — нарратив разрушается. Но в других случаях — например, в случае взаимоисключающих факторов или обнаружения в разных местах — нарратив не разрушается. Зачастую различные реалии просто удерживаются на расстоянии. «Непротиворечивость» объекта вообще не проверяется. Но, в общем и целом, он тем не менее собирается в нечто связанное.

Вот почему я предпочитал говорить о связности и несвязности, а не о противоречивости-непротиворечивости. Слово «непротиворечивость» [consistency] сильно нагружено, потому что отсылает к вполне определенным логическим или дискурсивным требованиям. Оно не терпит различия и множественности. Последние легко превращаются в признаки противоречивости или несовместимости. Несомненно, иногда что-то действительно бывает несовместимым. Два поезда не могут занимать один объем в евклидовом пространстве без катастрофических последствий: вот драматический пример несовместимости. Но связность [coherence] — или же несвязность [non-coherence] — термин более мягкий. И даже более того. Может статься, именно несвязность удерживает целостность системы. Аргумент Синглтон о роли амбивалентности в программе профилактики рака шейки матки показывает именно это. Но ее аргумент применим и к железным дорогам.

Заключительная история. Ранее в этой главе я упоминал устройство предупреждения машини-

ста. Я сказал, что оно могло оказаться дополнительным фактором, спровоцировавшим столкновение. Я также упомянул, что это было предохранительное устройство, предназначенное для того, чтобы остановить машиниста, случайно тронувшегося на остановке. Оно предполагает следующее применение: машинист при остановке нажимает кнопку, в кабине загорается маленький сигнал, и отключается рычаг тяги. Теперь, чтобы снова приложить тягу, машинисту придется вручную отключить устройство.

Логика очевидна. Предохранитель «напоминает» машинисту не давать тягу, не подумав. Однако в ходе расследования стало ясно, что устройство использовалось машинистами и в движущихся поездах — в качестве напоминания о том, был ли предыдущий пройденный сигнал светофора зеленым. Например, проходя желтый сигнал, машинист нажимает кнопку устройства, чтобы напомнить себе, что следующим сигналом, скорее всего, будет красный. Это кажется разумной предосторожностью. И в большинстве случаев так оно и было. Нет свидетельств ни за, ни против, но вполне вероятно, что этот прием в прошлом предотвратил немало серьезных происшествий. Однако есть обстоятельства, в которых он снижает безопасность. Представьте себе, что машинист проехал на желтый сигнал и *забыл* включить устройство. Представьте, что затем поезд подходит к красному сигналу. Представьте, что машинист не увидел красный сигнал. Что показывает устройство? Оно не включено, значит, предыдущий сигнал был зеленый, а следовательно, и тот, что он пропустил, никак не мог быть красным.

Вполне возможно — и с большой долей вероятности — что именно это и произошло на Ладброк-Гров. Именно к такому выводу пришло расследование. В правилах сказано, что предохранительное

устройство не должно использоваться, когда поезд в движении. Но множество машинистов использовали его вышеописанным образом. И они делали это не с целью облегчить себе жизнь, а ради *повышения безопасности*. Это локальная адаптация, или вариация, или несвязность, которую нелегко защищать, учитывая ее роль в столкновении на Ладброк-Гроув. Но большую часть времени она очень хорошо работала: она, как было сказано выше, возможно, предотвратила другие катастрофы. Но вот что странно. В единой реальности, порожденной расследованием, двусмысленности и амбивалентности — включая локальные адаптации правил — понимаются как одна из причин катастрофы. Возможность (и даже вероятность) того, что достаточно часто в других ситуациях они были необходимы для обеспечения работоспособной связности, исчезает. Единственность не только выступает требованием, но реализуется нормативно. Хорошая реальность — центрированная реальность. Несвязные реальности — такие как водяной насос, программа профилактического обследования или решение отменить принятие на вооружение самолет — остаются недооцененными или предстают как ошибки. Вот почему нам нужны аллегорические методы.

Но как назвать эти методы? Как мыслить элементы, которые в них увязываются? В вышеприведенном анализе я задействовал несколько метафор. Например, несвязность. Но я все еще чувствовал себя неуютно. Иногда мне хотелось сказать, что локальные адаптации и «несвязности» производят свою форму связности. На этом месте разговор о терминологической политике становится неизбежным. Такой термин, как «несвязность» [non-coherence], не будучи (во всяком случае, намеренно) антонимом «связности» [coherence], тем не менее несет кон-

нотации стандартной бинарной оппозиции между связностью и бессвязностью [incoherence]. Очевидно, что в этой оппозиции предпочтение отдано связности. Бессвязность — это чаще всего плохо. Противоречивость и непротиворечивость реализуют еще более настойчивую и асимметричную бинарность. Вот почему я старался избегать этой пары терминов. Терминологическая политика — непростое дело. Отталкиваясь от необходимости более «щедрого» варианта метода, можно представить себе три линии этой политики. Первая: можно настаивать, что связность — это хорошо, но конвенциональные методы слишком ограничивают воображение, поэтому нам необходимо осознанно обратиться к аллегории. Вторая: можно с тем же успехом настаивать, что связность вовсе не так хороша — это еще одна рамочная характеристика европейско-американского метода, который следует свергнуть целиком. Методы, другими словами, должны разрешать создавать несвязности параллельно со связностями. Эта позиция более радикальна, и велик соблазн занять ее. Третья: можно попытаться уйти от проблемы, найдя способ говорения, который не подписывается под одним или другим вариантом. И поэтому я назвал этот раздел «собрание».

Говорить о *собрании* [gathering] — значит задействовать метафору, которая во многом совпадает с «пучком» в широком смысле метод-сборки. Собрать [gather] — значит сводить в-месте. Со-относить. Собрать (как букет цветов). Встречаться. Стекаться. Сходиться на «молитвенное собрание», как сказали бы квакеры²⁶. Набирать силу или сгущаться (как собирается гроза, или вода собирается в капли,

26. См. Главу 6.

или пенка собирается на молоке). «Собирание», стало быть, несет свои коннотации. Но это слово не говорит нам ничего о противоречивости или непротиворечивости. Значит, оно симметрично.

Интерлюдия: о симметрии

Социология науки существовала как дисциплина и до 1962 года, когда вышло первое издание куновской «Структуры научных революций». Как отмечалось ранее, ее изобрел Роберт Мертон, она была эмпирической и позитивистской в своей трактовке отношений между наукой и реальностью и в особенности подчеркивала идею, что наука нуждается в защите от искажающих ее социальных и политических воздействий. Но после выхода книги Куна социология науки превратилась в *социологию научного знания*, с акцентом на *знание*, и стала версией социологии знания. Руководящая идея состояла в том, что научное знание есть форма культуры, которая формируется социальными и экономическими интересами, а также, что этот процесс формирования сам не обязательно проблематичен. Этот тезис четче всего артикулирован в работах Барри Барнса²⁷ и Дэвида Блур²⁸. Барнс и Блур отмечают, что парадигмы есть инструменты разрешения гололомок и управления реальностью, и что такие инструменты можно понимать как культуры. Передаваемые внутри научного сообщества, в принципе они ничем не отличаются от любых других комплексов убеждений и инструментов, которые

27. Barnes (1977).

28. Bloor (1976).

данное сообщество использует, чтобы осмыслять мир и жить в нем. А если так, то они могут анализироваться как культурные формы.

Но как формируются культуры? Кун предлагает «внутреннее» объяснение. Он смотрит на то, как ученые придумывают себе головоломки, определяемые парадигмой, и утверждает, что парадигмальная культура появляется как функция от успешного решения головоломок. Его не особо интересуют «внешние» социальные факторы — они не входят в его основную сферу интересов. Но внешние социальные интересы бывают тоже важны, говорят Блур и Барнс. И очень часто так и есть. Их позиция, стало быть, такова: научные инструменты формируются как естественной реальностью, так и социальными интересами (включая профессиональное решение головоломок)²⁹.

Но как изучать социальное формирование научной культуры? Какой методологический подход здесь уместен? Эти авторы говорят, что необходимо избегать того, что иногда называют «виговской» историей³⁰. Виговская история — это такая история, которая объясняет прошлое через его вклад

29. Барнс отличает легитимную заинтересованность в предсказании и контроле природы от нелегитимной и скрытой заинтересованности в социальном контроле и рационализации. «Наука в основном и предпочтительно управляется первой», — говорит он. Однако даже вторая может производить культурные формы, релевантные для предсказания и контроля природы. Источники знания ничего не говорят нам о его полезности и истинности. Поэтому он не различает «знание» и «идеологию», а говорит об «идеологической детерминации». См.: Barnes (1977).

30. Виги — политическая партия в Британии до 1868 года, предшественница современной Либеральной партии. Виги интерпретировали историю как закономерный прогресс гражданских свобод и просвещения, постепенный и поступа-

в настоящее. В контексте науки такое объяснение будет использовать современное научное мышление как образец для объяснения научного прогресса в прошлом. На практике это асимметричный подход к прошлому научному знанию. Знание, которое согласуется с тем, во что сегодня верят ученые, не нуждается в объяснении, потому что оно истинно. Знание, которое не вписывается в современные идеи, и, следовательно, понимается как неправильное, однако, нуждается в объяснении. Оно нуждается в объяснении потому, что нужно как-то объяснить тот факт, что ученые прошлого почему-то не сумели понять, что истинно. Такое объяснение будет *асимметричным*. Оно асимметрично потому, что истинное знание и ложное знание объясняются разными способами.

Блур и Барнс говорят, что так не пойдет, потому что если наука есть форма культуры, и мы хотим понять, что в ней происходит, то наши суждения о том, что истинно и что ложно, нерелевантны. Во-первых, как минимум, мы должны судить о культуре в ее собственных терминах. В общем случае люди действуют рационально (допустим) и исходя из своих обстоятельств и культурных ресурсов. Это значит, что если мы хотим объяснить, как люди действуют и во что они верят, мы должны понять, как *они* представляют себе мир. Наши собственные суждения о реальности нерелевантны³¹. Методологически необходима *нейтральность* (относительно

тельный переход к настоящему моменту — либеральной демократии и конституционной монархии. — *Примеч. пер.*

31. Социологи научного знания следовали здесь линии аргументации, имеющей хинтерланд как в социальной антропологии, так и в традиции «понимающей социологии».

истинности и ложности) и *симметрия*. Так, Блур пишет о социологии научного знания, что

Она была бы симметричной по стилю объяснения. Одинаковые типы причинности объясняли бы истинные и ложные убеждения³².

Все убеждения, истинные и ложные, формируются, по Блуру, естественным миром, с одной стороны, и действием социальных и психологических факторов, с другой. Мы должны объяснять их одинаковым способом.

Барнс, Блур и другие социологи научного знания предлагают здесь теорию научного сплетения, близкую к той, что предлагает Кун, но они добавляют «внешние» социальные факторы. Однако именно понятие симметрии здесь важнее всего. Идея о методологическом преимуществе симметрии развивалась, конечно, и другими авторами. В частности, социолог науки и технологии Мишель Каллон превратил ее в онтологический аргумент³³. Пользуясь подходом, близким Латуру и Вулгару, он говорит, что исследователи должны предлагать одинаковые типы объяснений для событий в естественном и социальном мирах. Аргумент состоит в том, что раз и наука, и культура производятся вместе, в одном и том же процессе, непозволительно асимметрично предполагать, что (допустим) природа обладает конкретной и определенной формой, а значит, нуждается в том, чтобы быть объясненной в терминах, отличных от социальных. Скорее, говорит Каллон, мы должны использовать принцип «свободной ассоциации»:

32. Bloor (1976). P. 5.

33. Callon (1986). P. 200.

Вместо того, чтобы накладывать предзаданную сетку анализа на ... [сущности и их отношения, мобилизованные акторами], наблюдатель следует за акторами с целью идентифицировать способ, которым они определяют и ассоциируют различные элементы, с помощью которых они выстраивают и объясняют свой мир, социальный или природный³⁴.

Это можно рассмотреть как расширение методологической симметрии на онтологию, на вопросы существования. Не следует предполагать заранее, что существует и как оно разделено. Это должно возникнуть в ходе взаимодействий между различными акторами. Но заметьте также, что для Каллона только в ходе взаимодействий можно определить, что считается актором. Актеры есть сущности, человеческие или другие, которые каким-то образом действуют. Они не даны, а возникают в отношениях.

Так что если Блур и Барнс рекомендуют эпистемологическую симметрию, то Каллон ратует за симметрию онтологическую. А я хочу соединить эти два предложения. Для того, чтобы представить себе метод-сборку открытой и щедрой, нам нужно и то, и другое. Ведь, как мы увидели, говорить о метод-сборке значит не говорить ничего о характере отсутствия, концентрации присутствия или опосредования, производящих и то, и другое. Это намеренная вседозволенность. Значит, это вариант онтологической симметрии. Принципы симметрии и свободных ассоциаций могут быть распространены на *характер самого метода*. Ведь если мы хотим понять, как достигается понимание, мы не должны сразу же различать хорошие и плохие метод-сбор-

34. Callon (1986). P. 201.

ки. В частности, следует включать метод-сборки, которые:

— учреждают отсутствия как независимые, предшествующие, единственные и определенные и те, которые не являются таковыми;

— создают присутствия или сгущения как репрезентации, аллегории, объекты и события.

Асимметрия в отношении метод-сборок ограничивает реальности, которые могут быть познаны, и формы, в которых мы можем знать их. Мой тезис состоит в том, что это эпистемологически, онтологически и политически неприемлемо. Суждения о методе должны быть узкоспециальными и локальными.

Неконвенциональные формы

Введение

Мы не слишком хорошо оснащены для того, чтобы мыслить движение. Наши институциональные навыки предрасположены к постоянному и статичному, изолированному и самодостаточному. Таксономии, иерархии, системы и структуры представляют инстинктивный словарь институализированной мысли, порабоощающей движение и трансформацию. Философ Уайтхед назвал это принципом простого местоположения: четкие, определенные вещи занимают четкие, определенные места в пространстве и во времени. Существует какое-то движение: простое движение определенных вещей из одного определенного места в другое. Эта форма движения отрицает беспкойный характер транс-, де-, ре-формаций. Простое местоположение воссоздает мир завершенных субъектов и объектов из потока незавершенных, гетероморфных организмов.

Роберт Коупер. Заметки о сборке¹

Предлагаемая мною схема носит рекомендательный характер. И, прежде всего, она онтологически и эпистемологически симметрична. Я полагаю, что метод-сборка может реализовываться в лю-

1. Коупер (1998). Р. 108.

бой форме. Учреждаемое отсутствующее внешнее («там-вовне») может, но не обязано, быть определенным и единственным. Сгущенное внутреннее («здесь-внутри»), превращаемое в присутствие, может, но не обязано, принимать форму утверждений или текстов. Но чем *являются* метод-сборки сверх и помимо серий опосредований, производящих присутствие, явленное отсутствие и Иное? Есть ли что-то еще, что мы могли бы о них сказать? Что предполагается относительно отсутствия в этом рекомендуемом повороте к онтологическому и его политике? Вот вопросы, рассматриваемые мною в этой главе.

Я опять обращаюсь к эмпирическому материалу. На этот раз это три небольших исследования конкретных случаев: развитие системы управления проектами, лабораторная этнография, молитвенное собрание квакеров. Каждый из этих случаев — форма метод-сборки. Я рассматриваю данные случаи, а также более общие методологические и метафизические вопросы, сосредотачивая внимание на отдельных и очень приземленных проблемах, переживаемых многими учеными в естественных и социальных науках в ходе их исследований. Это парадоксальный опыт, показывающий, с одной стороны (и по крайней мере некоторое время), что реальность представляется огромной и совершенно ослепляющей, но с другой стороны, что происходит не так уж много заслуживающего интереса, что на определенных стадиях исследования мир, так или иначе, стал безмолвным. Эти противоположные, но связанные аспекты опыта, — ключ к характеру метод-сборки и метафизики, в пределы которой она вписана.

Лаборатория Дарсбери Совета по науке и технике Великобритании

В течение 1990 г. я проводил этнографическое исследование в лаборатории Дарсбери, наблюдая за работой менеджеров, ученых и инженеров. Лаборатория Дарсбери — обширный, финансируемый в основном из общественных фондов научный комплекс, расположенный неподалеку от Уоррингтона и насчитывающий более 600 сотрудников². В то время в нем работало несколько исследовательских установок (самая большая из них — источник синхротронного излучения), которые были доступны (как правило, на основе грантов) приезжающим ученым из британских и зарубежных университетов, а также (и во все большей мере) крупным научным компаниям, таким, например, как ICI. Исследователи могли приехать и провести эксперименты, исходя из экспериментальной загруженности ускорителя на одной из множества экспериментальных станций.

В течение года, пока шло мое исследование, я наблюдал за экспериментирующими учеными, проводил время с техниками, отвечающими за работу оборудования, брал интервью у многочисленных сотрудников лаборатории. Я также посетил большинство заседаний руководящего состава лаборатории. К этнографии я вернусь позже. А пока мне хотелось бы обсудить процесс, посредством которого менеджеры построили систему управления проектами. В одной из статей я привел свои полевые записи, относящиеся к одному случаю, связанному с управлением проектом:

2. Более подробный отчет об этом исследовании см. в: Law (1994).

Эндрю сидит за своим рабочим столом. Он намерен созвать экстренное совещание совета директоров. Он обеспокоен, потому что «второй проект вигглера³» (так называемый «флагманский проект лаборатории») начинает серьезно выбиваться из графика. Но что, относящееся ко «второму проекту вигглера», там можно увидеть? Выглядит ли проект отстающим от графика? Ответ: нет. Нет, насколько вы или я можем видеть. Ибо в то время, когда Эндрю беспокоится в своем кабинете, проект — это не более чем вырытый в земле котлован и группа строительных рабочих, заливающих бетон. Нет никакого особого знака, указывающего на то, что что-то идет не так. Конечно, царит беспорядок, но только в том смысле, в каком беспорядком является любая стройплощадка: «желтые каски»⁴, тяжелая обувь, повсюду грязь⁵.

«Эндрю» — это имя, которое я дал тогдашнему главе лаборатории. Главное, что интересовало меня в этой истории, — это как Эндрю был способен разглядеть то, что оставалось невидимым для остальных, в данном случае — очень серьезное, но другим способом невоспринимаемое, запаздывание этого важного «второго проекта вигглера», проекта с бюджетом в несколько миллионов фунтов, жизненно необходимого для будущих изысканий, основанных на из-

3. Вигглер — устройство для генерирования синхротронного излучения в электронном накопителе-синхротроне. — *Примеч. пер.*

4. В оригинале «hard hats» — жаргонное прозвище американских и английских строительных рабочих. В переносном смысле — любой рабочий, презирающий «длинноволосых интеллигентов». — *Примеч. пер.*

5. Law (2002b). P. 27.

учении синхротронного излучения, и, конечно же, для самой лаборатории.

Итак, как он приобрел эту явную способность видеть невидимое? Ответ: он пользовался преимуществами электронной таблицы. Упорядоченные ряды цифр представляли количество труда, вкладываемого в проект, что в свою очередь позволяло Эндрю быстро сравнить текущие результаты и количество труда, которое предполагалось вложить в проект. И вот одним утром, о котором я рассказывал выше, обнаружилась тревожная истина: согласно плану, в проекте в данный момент его реализации должны были быть затрачены восемнадцать человеко-лет⁶ усилий (таков был лабораторный жаргон), однако в действительности было затрачено всего лишь одиннадцать. Хотя это не было видно случайному наблюдателю, данное расхождение показало Эндрю, что проект реализуется только на две трети от предполагаемого (запланированного) темпа. Кроме того, это расхождение выявило, что время, заложенное в проект на непредвиденные обстоятельства, оказалось израсходовано. Короче, выполнение плана запаздывало на несколько месяцев, и этот факт, по всей вероятности, стал бы впечатляюще видимым через полтора или два года, когда по плану второй вигглер должен был быть завершен и готов к эксплуатации.

Откуда Эндрю все это знает? Я упомянул электронные таблицы. Очевидно, электронная таблица — это инструмент для выстраивания, соединения, сопоставления, создания и (в конце концов, очень часто) упрощения чисел. Если Эндрю располагался в самом центре метод-сборки, то электронная таблица производила множество утверждений

6. Человеко-год — единица измерения трудоемкости разработки и осуществления сложных проектов. — *Примеч. пер.*

или записей, соответствующих, как утверждалось, реальности. Но также ясно, что электронная таблица была просто небольшой частью более масштабного устройства записи, множества практик, создающих не только ряды цифр, но и явленную реальность и внешний хинтерланд. Но как обстоит дело с этим отсутствующим хинтерландом?

Часть хинтерланда включала в себя то, что в лаборатории называли «системой учета человеческих ресурсов». Основная идея была проста. Предполагалось, что каждый сотрудник должен раз в месяц заполнять специальную форму, в которой указывал бы, что он делал в свое рабочее время. Форма была компромиссом между точностью и здравомыслием. Так, сетка возможностей, доступная для сотрудников, была относительно крупной: время делилось на интервалы продолжительностью в половину рабочего дня (а не в четверть дня или в час) и сотрудникам предоставлялось несколько кодов для введения их в ячейки, соответствующие половине дня. В основном коды обозначали серии проектов (второй вигглер был одним из них), а также ряд остаточных категорий, включая руководство лабораторией и менеджмент.

Некоторые сотрудники возмущались необходимостью заполнять эти новые формы, изобретали фальшивые данные или же вообще отказывались от заполнения. Однако большинство сотрудников все же их заполняли, хотя и не без изрядной доли ворчания. Жизнь, указывали они, не распадается естественным образом на интервалы в половину рабочего дня. Утро часто разбито на множество фрагментов, многие выполняемые задачи важны более чем для одного проекта. А как насчет мелких неклассифицируемых дел, отнимающих так много времени в течение рабочего дня? Тем не менее боль-

шинство сотрудников через руководителей своих проектов возвращали заполненные формы в бухгалтерию, где они проверялись на наличие вопиющих отклонений от нормы. Затем проверенные результаты вводились в электронную таблицу. И именно в этот момент они становились легко арифметически обрабатываемыми. И именно с этого момента старшие менеджеры (такие, как Эндрю) могли изучать цифры, относящиеся к рабочей силе.

Ослепление и упрощение

Такова метод-сборка в ее конвенциональной репрезентативной форме. Она связывает отношения, чтобы произвести организационную реальность там-вовне, с одной стороны, и множество следов здесь-внутри, с другой. Большая часть работы по их сборке оказывается уже переведена в Иное к тому времени, когда цифры достигнут рабочего стола Эндрю, а записи будут восприниматься как соответствующие организационным характеристикам — независимым, предшествующим, определенным и единственным. И хотя менеджеры относились к «системе учета человеческих ресурсов» прагматично (они знали, что система создана слишком поспешно и является скорее подручным средством, чем хорошо отлаженным инструментом), они по практическим соображениям принимали как данность, что реальность достаточно проста. В конце концов, они большую часть времени исходили из допущения, что люди работают над тем или иным проектом, и это можно измерить. Они были заинтересованы в крупномасштабном учете трудозатрат, а не в точности. Сложности и детали могли бы только помешать.

Но порой так и происходило. Например, проходили совещания, на которые менеджеры приносили распечатки. Это были сложенные гармошкой большие листы формата А3. Оказалось, что эти распечатки были детализациями издержек по каждому проекту (счета, выполненные работы, контракты, заработная плата). Что, собственно, менеджеры и руководители проектов делали со всей этой кипой бумаг? Ответ: они регулярно жаловались, что тонут в деталях. Предполагалось, что они *контролируют* свои проекты, то есть занимаются главным направлением, определяют приоритеты, решают общие вопросы, связанные с людскими ресурсами и снабжением. Но распечатка давала подробную информацию обо всех незначительных деталях. Один менеджер сетовал: ему понадобился целый вечер, чтобы продраться через свою распечатку, и у него до сих пор нет общего представления о ходе его проекта. Он заметил, что ему просто не нужно знать все перечисляемые в распечатки детали: они — препятствия на пути. Вот одна из деталей, указанных в распечатке: три ящика размера № 8, зенкованные под стальные шурупы, получены со склада 19 сентября. Очень интересно, но не имеет значения для общей картины.

Что важно в этой истории? Она показывает: производя и сгущая реальности, метод-сборки с необходимостью создают *сложности и упрощения*. Электронные таблицы Эндрю и большие распечатки делают и то, и другое в ходе создания проектных реалий. Электронная таблица Эндрю проще, но большие распечатки, несмотря на их приводящую в замешательство сложность, также являются упрощениями. Они работают, игнорируя большинство событий, происходящих в лаборатории, и основываются на очень специфических паттернах событий. Об-

щий урок таков: *производить внешнее — значит создавать как умолчания и не-реальности, так и сигналы и реальности. Это двойное движение — реальности собираются и реальности разбираются* — конститутивно для метод-сборки.

А вот дополнительные данные для обдумывания и мой второй пример.

В начале своего пребывания в Дарсбери я обнаружил, что постоянно нахожусь в состоянии ослепления. Слишком много происходило вокруг. Встречи, эксперименты, несчастья, триумфы, приезды, отъезды, споры, дружеские отношения, документы, стратегии, программы, стремления, продвижения, конференции, служебные записки, чашки кофе — все это и многое другое было включено в повседневный порядок лабораторной работы. И так как место было огромным, а многие виды деятельности лаборатории осуществлялись днем и ночью, все перечисленное выше было щедро распределено в пространстве и во времени. Результатом стало перенасыщение, немного сходное с опытом менеджеров с их распечатками. Порой, особенно в первые дни, я чувствовал потребность спрятаться в своем автомобиле, чтобы во время ленча в одиночестве съесть свой сэндвич или искать покоя в библиотеке.

Поначалу я думал, что это моя личная проблема: я не справляюсь должным образом с насущными требованиями этнографии. Я размышлял, найдет ли лучший этнограф, который был бы способен справиться с множеством деталей и отследить этнографические эквиваленты ящиков со стальными шурупами. Однако, как мне представляется сейчас, происходило также нечто, гораздо более важное и интересное. Дело в том, что в этнографической метод-сборке *недоставало практик, необходимых мне для создания определенных умолчаний и не-реально-*

стей. Я был ошеломлен присутствием многочисленных записей и следов здесь-внутри и предъявлением множества реалий там-вовне. Слишком много реалий и их репрезентаций было введено в игру. Короче, как и в случае распечаток, баланс между явленностью сущностей, реальным, с одной стороны, и реализацией не-реального, молчания и Иного, с другой, оказался нарушен. Аллегория имеет дело с учреждением и постижением множественного. Но, как я предположил в предыдущей главе, аллегория говорит также о перемещении между реальностями и особенно об удержании их вместе. Перефразируя Т. С. Элиота, было слишком много реальности, чтобы ее вынести⁷.

Если этот диагноз верен, то мне требовалась более *отлаженная* и более различительная метод-сборка. Я должен был создать вариант связности путем переделки границ между явленными реальностями и Иным. Некоторые необходимые мне инструменты уже были на месте. Например, вместо записи на пленку я делал заметки от руки. Это означало, что многое рутинным образом отправлялось в зону Иного, включая жесты, голосовые тональности, значительную часть физического окружения. В то же время многие страницы моих записей были очень подробными и содержали огромное количество цитат. Тем самым этнографический метод собирал конденсат следов. Определенные повторяющиеся паттерны — слова, предложения, встречи,

7. Ло имеет в виду известную строчку из «Четырех кварталов» (1943) Т. С. Элиота: «human kind cannot bear very much reality» и воспроизводит ее очень близко к оригиналу. Ср. с двумя ее поэтическими переводами на русский: «люди не выносят реальности» (пер. В. Постникова) и «ведь людям труднее всего, когда жизнь реальна» (пер. А. Сергеева). — *Примеч. пер.*

планы, темы — сгущались в этих заметках и создавали соответствующую версию лаборатории «там-вовне». Однако, как и в случае с финансовыми распечатками, записи сгущали слишком много и создавали слишком много реальности. Этнографический блеск начал меркнуть отчасти потому, что я начал фиксировать в лабораторной реальности различные виды паттернов. Но что значит говорить о «паттернах»?

Как мы видели, Кун говорит нам: быть ученым — это распознавать сходства между случаями, хотя никакие два из них никогда не являются тождественными⁸. Ученые (как и остальные люди) творчески обнаруживают и выбирают подходящие сходства между случаями, игнорируя при этом другие. Латтур и Вулгар также утверждают нечто подобное. Устройства записи создают следы, которые порой так соответствуют друг другу, что образуют устойчивое множество сходств. Опять же, метафора говорит о необходимости найти или создать *паттерн*, противостоящий неограниченному фоновому шуму. Конечно, и ученые, и исследователи современной науки часто говорят об обнаружении и создании паттернов. Например, почти невозможно обнаружить паттерны, создаваемые солнечными нейтрино на фоне других шумов (едва ли не все нейтрино проходят необнаруживаемыми сквозь Землю, которая для них почти невидима, и наоборот)⁹. В общем чрезвычайно сложно создать и обнаружить паттерны, соответствующие теории элементарных частиц (поэтому грантовые фонды вынуждены пла-

8. Этот аргумент был переработан в гораздо более тяжеловесную метафизику в: Lawson (2001). Однако она не учитывает дивергентные возможности различия, множественности и дробности.

9. См.: Pinch (1980; 1981; 1985).

тить сотни миллионов долларов за производство подходящих, поддающихся обнаружению паттернов, противостоящих огромному фону неподходящих сходств)¹⁰. Просто слишком сильным является субатомное сияние. Или, например, невероятно трудно обнаружить гравитационные волны, которые порождаются, согласно многим современным космологическим теориям, ранними событиями истории Вселенной. Вот свидетельство социолога науки Гарри Коллинза, который пишет об обнаружении гравитационных волн:

Преобладающий подход к обнаружению гравитационных волн состоял в попытках интегрировать энергию распространения в устройство, которое будет вибрировать с той же частотой, что и предполагаемые волны... В одном из подобных случаев интегрирующим контуром был огромный (весом в несколько тонн) брус из алюминиевого сплава. Он должен был «звенеть» с характерной частотой. Вибрация в бресе фиксируется прикрепленными к нему пьезо-электрическими тензодатчиками, чей выход усиливается и записывается¹¹.

Но Коллинз показывает, что это только начало, так как брус может вибрировать в результате возмущений, не имеющих ничего общего с гравитационными волнами:

Брус необходимо было защитить от всех других известных возмущений: электрических, магнитных, тепловых, акустических и сейсмиче-

10. См., например: Knorr Cetina (1999), Pickering (1995) и Tra-week (1988).

11. Collins (1981b). P. 35.

ских воздействий. Экспериментаторы пытались это сделать, подвешивая брус в вакуумной камере на тонком проводе¹².

Но это не конец истории. Например, из-за невозможности охладить брус до абсолютного нуля, тензометрические датчики фиксировали нескончаемый поток сигналов, не имевших ничего общего с гравитационными волнами и отражавших тепловое давление атомов. Тем самым сигнал, представляющий гравитационную волну, нужно было найти среди сигналов, порождаемых тепловым давлением атомов. Коллинз добавляет:

Гравитационная волна была бы представлена самым высоким пиком, и необходимо было принять решение о пороге, выше которого пик считается гравитационной волной, а не шумом. Но какой бы высокий порог ни был выбран, следовало ожидать, что пик, относящийся исключительно к шуму, случайно превзойдет этот порог¹³.

Таким образом, обнаружение гравитационных волн — это еще и вопрос статистических манипуляций и статистического суждения. Экспериментаторы должны были продемонстрировать, что частота появления высоких пиков выше, чем ожидаемый результат случайного теплового шума.

Описание Коллинза (как и многие другие подобные исследования) показывает: создание и обнаружение «правильных» паттернов — дело сложное. Оно включает в себя продолжительный процесс устранения «неправильных» следов и различий: там вовне очень много возможных сходств и разли-

12. Collins (1981b). P. 35–36.

13. Ibid. P. 36.

чий. То, что мы называем «шумом», как раз и есть все те «неправильные» сходства и различия. Как следствие, *реальности возникают из различения «правильных» и «неправильных» паттернов сходств и различий*. Именно это создает различие между реальным и нереальным, сигналом и шумом. Поэтому тишина и не-реальности являются искусными эффектами. Они — первые шаги по пути избавления от ослепления и создания реальностей¹⁴. Конкретная внешняя реальность зависит одновременно и от создания умолчаний, и от чрезвычайно избирательного внимания к возможным паттернам, к их усилению и тем самым предъявлению.

Как это применимо к этнографическому исследованию в Дарсбери? Позвольте мне поставить этот вопрос эмпирически. В начале исследования я спрашивал сотрудников, как изменилась лаборатория на протяжении последних десяти лет. Поначалу я был ошеломлен обилием деталей. Но по мере того, как я выслушивал ответы, я все больше осознавал, что столкнулся с двумя версиями или стилями этой истории. Первая версия была стадийной.

14. В философии науки есть традиция, формализующая это. См.: Hesse (1963; 1974). Эмпирические исследования в социологии научного знания показывают, что рассматриваемое в качестве «правильного» или «неправильного» часто (если не всегда) является предметом переговоров, хотя, как полагают Латур и Вулгар, потенциальная цена переговоров может сделать их невозможными. Работа Коллинза связана с исследованием Латура и Вулгара, но между ними есть ряд различий. Коллинз с особой проницательностью показывает, что описания реальности локализованы и укоренены в культурах и формах жизни, и с удовольствием называет себя «релятивистом» — характеристика, которой старательно избегают Латур и Вулгар. О различиях и дискуссиях см.: Collins, Yearley (1992) и Callon, Latour (1992).

В ней история лаборатории описывалась как эволюция, как постепенный рост, как прогрессивно развивающийся процесс, шаг за шагом достигший той точки, в которой лаборатория добилась своего нынешнего уровня успеха. В разительном противоречии с этой версией находился второй, героический, вариант нарратива, подчеркивающий разрывы. Он повествовал о лаборатории, пребывавшей в состоянии беспорядка. Она была бесконтрольной и неэффективной. Затем, *на пороге катастрофы*, лаборатория оказалась спасена прибытием новой предприимчивой команды менеджеров, которая быстро и решительно занялась проблемами и вскоре улучшила ситуацию в лаборатории.

Как это понимать? Дело в том, что интервью содержали неограниченное множество возможных паттернов сходства и различия, неограниченное множество возможных реалий. Это ослепляло. Однако среди них присутствовали два нарративных стиля, достаточно быстро ставшие «правильными» паттернами, требующими внимания, изучения и усиления. Как это произошло? Ответ отчасти эмпирический. Релевантные паттерны, конечно же, поддавались обнаружению в собранных мною материалах. Но особенно они были различимы в ярком стилистическом контрасте между двумя моими первыми интервью. Одно из них было поразительно героическим, в то время как второе приняло стадиальную, недраматическую форму. Сначала мне было трудно их примирить. Это была головоломка: как связать их вместе и создать историю?

Отчасти ответ в том, что эти сходства и различия резонировали с другим, отличным набором возможных сходств и различий, повторяющихся и усиливающихся в одном из возможных теоретических хинтерландов. Давняя традиция в социологии знания

утверждает существование двух радикально различных и социально сформированных способов понимания истории: героический, философски *романтический*, *акцентирующий разрывы*, с одной стороны, и *эволюционный*, *рационалистический* и *стадиальный*, с другой¹⁵.

В результате данные и теория резонировали и усиливали друг друга, производя паттерн и повторение. Эти два нарратива из интервью могут быть рассмотрены как знаки или примеры двух великих исторических нарративов. При помощи этого резонанса становится все проще обнаруживать дополнительные этнографические моменты, которые могут быть поняты как дальнейшие повторения одного и того же паттерна. Мои полевые заметки неожиданно начали посылать сигналы. То, что было ослепляющим, огромным внешним, оказалось преобразованным в сигнал, с одной стороны, и молчание (то, что не резонировало с релевантным паттерном), с другой. И та же логика была применена к новым записям и полевым наблюдениям. Кусочки этих наблюдений становились случаями повторяющихся паттернов и знаками дуальной (героической/стадиальной) дискурсивной реальности лаборатории

15. Это различие может быть обнаружено в самых разных исследованиях. Оно резонирует, например, с различием классического и романтического мышления, описываемого Элвином Гоулднером (Gouldner, 1973). Схожая тема — предмет исследования Карла Мангейма, посвященного консервативной мысли (Mannheim, 1953) (См.: Мангейм К. Консервативная мысль // Мангейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 572–668. — *Примеч. пер.*). Антропология Мэри Дуглас (в несколько другом контексте) проводит различие между бюрократическим, или ритуализированным, регулированием и предпринимательским. См.: Douglas (1982).

и ее упорядочения. При этом другие кусочки становились менее значимыми. Сигнал усиливался на разрастающемся фоне тишины. Конечно, со временем я обнаружил, что трудно уделять внимание формам речи, не соответствующим базовому паттерну повторения.

СПОСОБЫ УПОРЯДОЧЕНИЯ

Каков характер организации? Какова структура большой лаборатории? Что значит управлять лабораторией? Вот вопросы, на которые я пытался ответить в Дарсбери¹⁶.

Чтобы найти ответы, я должен был прорываться сквозь ослепление и Иное почти при любой возможности. Это началось в ходе только что описанного процесса. Достаточно скоро паттерны начали возникать из данных, собираемых в моих записных книжках, и резонировать с ними. Полным ходом шел процесс становления-Иным, процесс стирания, который в то же время был и процессом создания паттерна. Учреждалась более покорная реальность.

Но было два паттерна. Один из них, как я отмечал, классический, стадиальный, эволюционный и решительно недраматический. События в лаборатории разворачивались постепенно, мало-помалу. Конечно, и здесь имелись проблемы, но они всегда есть в любой организации. Задача состояла в их решении. Проблемы — это головоломки, требующие решения. И, безусловно, они были решены. Лаборатория двигалась дальше. Второй паттерн был героическим и прерывистым. Это паттерн качественного изменения, что предполагало понимание истории как драматичных «до» и «после». «До» лабораторию осаждали многочисленные трудности, и она находилась на грани катастрофического провала. Несомненно, лаборатория стояла перед угрозой закрытия. Но была призвана новая команда менеджеров. Как результат — драматический разрыв. В лабораторию вводятся безотлагательность и динамизм. Она была вновь выведена на дорогу, а ее будущее — гарантировано. Лаборатория была спасена.

16. Более подробный отчет об этом исследовании см.: Law (1994).

Итак, две истории: классическая и романтическая. Можно выбрать между ними, а можно их соединить. Но как это сделать? По прошествии определенного времени, я пришел к выводу, что ни одна из этих историй не является верной. Или, точнее, я сделал вывод, что обе истории представляли собой упрощения, и что история лаборатории сложнее, чем каждая из них. При этом они не были глупостью. Вероятно, они обе частично правы. Или, другими словами, возможно, история лаборатории является реализацией обеих. Я утвердился в своем сомнении, когда обнаружил, что эти два паттерна — я стал называть их «администрированием» и «предпринимательством» — повторяются и резонируют в различных контекстах. Они оказались различными стилями принятия решений, сосуществующие, как представлялось, зачастую даже внутри одного человека. Порой они находились в состоянии конфликта. Согласно администрированию, предпринимательство часто нарушает правила, оно слишком привязано к случайному. Это — логика ковбоя. Напротив, с точки зрения предпринимательства, администрирование выглядит как «государственная служба», занимающаяся бумагомаранием и больше озабоченная юридической процедурой и заполнением форм, чем ответом на вызовы реального мира. Вместе с тем, они нередко зависят друг от друга (предпринимательство нуждается в легальности правовых процедур администрирования, а администрирование находится в зависимости от более гибкого подхода предпринимательства).

Со временем я понял, что организация лаборатории не была чем-то единым. Она не была просто предпринимательской, но и не была просто административной. И администрирование, и предпринимательство (я стал называть их «способами упорядочения») создавали структуру лаборатории и одновременно создавались внутри нее. Конечно, имели место и другие способы упорядочения. Например, существовал паттерн харизмы со своей собственной специфической организационной логикой, а также куновский стиль решения головоломок. И организация (скорее глагол, чем существительное) была реализацией всех этих паттернов (как и многих других) и их различных взаимодействий. Организация оказалась множественной. Она была множественным построением, множественными версиями повтора, множественными модусами становления-Иным.

Теперь понятно, что все сказанное Мол о множественности применимо и к организации. Но это же относится к аргументам об аллегории. Ибо менеджеры могут быть поняты как блестящие иносказатели. Они проживали, создавали, изображали, короче, собирали серии различных и (не-?)связанных реалий. Наверное, сама организация — это аллегория. Это сборка. Возможно, организация — это создание, признание и допущение различных паттернов, процесс удержания вместе вещей, не слишком строго совместимых. Может быть, тогда хорошие организационные исследования — это исследования аллегории, изображающей и предъявляющей реалии, достигающие скорее аллегорической собранности, чем единственно верной дискурсивной согласованности. Дробность.

Молитвенное собрание квакеров

Мой тезис состоит в том, что *практики метод-сборки создают внешнее, сгущая одни паттерны и повторяя и игнорируя другие*: они предъявляют реальности/сигналы, с одной стороны, и производят не-реальности/умолчания, с другой. Если они не сделают этого репрезентативно или аллегорически, то потерпят крах. Они будут ослеплены. Коллинз описывает как раз подобный провал в случае гравитационных волн. Знание/умолчание: создавать одни реалии — значит аннулировать другие возможные реалии, не-счетное их число. Но какие?

В этой книге я говорил главным образом о метод-сборках в естественных и социальных науках. В настоящем контексте важнее сходства между ними, чем различия. Но, как мы видели, другие практики — здравоохранение или крушение поездов — тоже создают реальности, их изображения, а также Инаковости. Они тоже выбирают между «реальными сходствами» и «не-реальными умолчаниями».

ми». Рассмотрим следующий фрагмент, описывающий события в комнате:

Скромная обстановка, скромный декор. По-разному одетые люди, многие из них достаточно неформально. Они сидят неровным кругом на стульях с прямыми спинками. В центре небольшой стол с букетом цветов и несколькими книгами. Но больше ничего нет. Нет ни мебели, ни движения, ни разговоров. Тишина — первое, что вы замечаете.

Некоторые люди закрыли глаза. Несколько других смотрят на цветы или на людей в противоположной части комнаты. Или в окно, через которое виднеются отдаленные крыши и облака. И если вы вслушаетесь в тишину, самым громким звуком будут детские голоса в соседнем парке или шум проезжающей машины.

Как передать характер этого молчания? Оно не является тягостным или озабоченным, наподобие молчания в экзаменационной аудитории. Не является оно и дисциплинарным и репрессивным, как то давление, которое расширяется, заполняет пространство на плацу, где едва смеешь дышать. Это и не кладбищенское молчание с его воображаемыми отзвуками и далекими воспоминаниями. Это и не та тишина, которую слышишь, лежа на спине под солнцем в меловых холмах. Ничто из этого. Хотя последнее ближе всего. Это, как они говорят, «сосредоточенное» молчание¹⁷.

Это описание молитвенного собрания квакеров. Квакеры — небольшая группа внутри христианской протестантской традиции. Их история начинается

17. Law, Mol (1998). P. 20.

с 1650-х гг. У квакеров нет ни духовенства, ни постоянных должностных лиц. Они управляют собой сами или, вернее, они предоставляют Святому Духу управлять ими. Квакерство — теократия, легко принимаемая за демократию. Любой может посещать собрания квакеров, а члены имеют лишь несколько специальных обязанностей и привилегий или не имеют их вовсе. От тех, кто стремится к членству в общине, требуется внимание к христианской традиции и поднимаемым ею вопросам, но они не обязаны верить в ее исключительность. Членство не требует даже веры во что-то конкретное. Предполагаются лишь интерес или восприимчивость к духовному. Можно быть квакером и, например, методистом, буддистом или язычником. «Божественное открывается во множестве форм и многими способами», — говорят квакеры. Здесь нет монополии и единственно правильного пути.

В мире квакеров Бог везде. Имманентный и трансцендентный, он в жизнь людей, в работе, торговле, природе, личной дружбе. Это не значит сказать, что все в мире есть благо. Конечно, в нем много зла, и многие квакеры являются приверженцами радикальных вариантов политической, экономической или благотворительной деятельности как свидетельства работы Бога. Но именно повсеместность духовного объясняет, почему большинство квакеров не будут клясться на Библии, давая показания в суде. (Клятва на Библии предполагала бы нечто особенное в том, что за ней последует. Но особенным является *все*, и все несет в себе божественное.) Именно поэтому многие квакеры — пацифисты. (Бог в каждом, поэтому убийство не может быть оправдано.) Это также объясняет, почему молитвенный дом квакеров является тихим, простым, сдержанным, лишенным убранства местом. В принципе, в молитвенном

месте нет ничего выдающегося, так как божественное везде.

Какова форма богослужения?

Когда я впервые пришел на собрание квакеров, мне пришлось бороться с беспокоящими меня вопросами. Это продолжалось в течение нескольких недель. Но потом я понял: молчаливое богослужение имеет отношение к чему-то другому. По прошествии некоторого времени с начала богослужения кто-нибудь поднимался и садился рядом со мной. В конце собрания он заводил разговор, что позволяло мне спросить, как я должен участвовать в богослужении.

Ответ: Ты позволяешь своим мыслям кружиться в тебе.

Вопрос: Что ты имеешь в виду?

Ответ: Подумай об этом как о медитации. Все эти мысли уводят тебя в сторону. Идеи продолжают возникать в твоей голове. Что мне приготовить сегодня вечером? Кому мне нужно позвонить? Ты не можешь остановиться и перестать думать об этом. Но что ты можешь сделать, так это взять эти мысли, просто взять их, как рыбу, и выбросить обратно в воду. Перестать думать. Не заставляя себя — это не сработает, — а приняв мысли и просто позволив им уйти¹⁸.

Участвовать в богослужении — значит найти способы не отвлекаться ни на какой шум, буквальный или метафорический. Это обсуждается во многих работах квакеров:

Порой молитва, следующая за рассуждением, приводит к внутренней тишине, к неподвижно-

18. Ibid. P. 23.

сти в глубине: это божественный покой, превышающий любое понимание. Его нельзя вызвать по желанию, ибо он есть дар Божий, благословение, даруемое только тем, кто смог избавиться от беспокоящих стремлений и желаний. Некоторые из нас сподобились пережить его всего лишь несколько раз, но это наши драгоценнейшие воспоминания¹⁹.

Вот почему не имеющее программы молитвенное собрание квакеров проходит по большей части в тишине. Люди собираются, сидят, размышляют, возможно, тихо молятся. Они ожидают услышать Святого Духа, оказаться им затронутыми. Иногда молчание может продолжаться целый час. Но чаще оно прерывается: кто-то из участников собрания поднимается, так как почувствовал необходимость предложить «устное служение» [spoken ministry]:

Когда на подобном собрании кто-нибудь поднимается, возникает ощущение, что *тебя используют*, вводят в игру, через тебя говорят. Это поразительный опыт: молитва как будто проходит через тебя. Мы, молящиеся, больше не являемся инициаторами молитвы. Скорее, мы ее передатчики, испускающие идущий из глубин души импульс. В этом опыте хрупкие границы нашей индивидуальности размываются, и вместо того, чтобы говорить «Я молюсь», «Он молится», следовало бы говорить: «Происходит молитва»²⁰.

Отчасти цель молчания и молитвы — помочь разрушить то, что для многих евро-американцев обра-

19. London Yearly Meeting of the Religious Society of Friends (1960).

251. (Цифры в ссылках на Christian Faith and Practice указывают на параграфы, а не на страницы.)

20. Ibid. P. 249.

зует повседневное представление о личности — чувство существования в качестве индивида с четкой и обособленной идентичностью, с личными целями и планами. Задача — устранение границ вокруг личности, чтобы он или она могли быть «использованы» духовным. Нужно действовать в нем и для него, нужно свидетельствовать о другой, духовной, реальности, которая не всегда столь явна. Ибо любовь Бога бесконечна, но большинству из нас трудно обнаружить ее в повседневной рутине. Вопрос в следующем: как ее обрести, познать и высказать?

Мы не можем заканчивать наши собрания единственным, четко сформулированным предложением или конспективным изложением некоторого знания. Нас в бесконечно большей степени заботит динамичная, яркая, действующая Жизнь, ибо мы испытали прикосновение той убеждающей Власти, которая будет беспокоить нас до тех пор, пока мы не обречем в Ней свой дом²¹.

Резонанс

Если мы принимаем симметричный подход, тогда богослужение квакеров — это метод-сборка наряду с системой учета рабочей силы, этнографией, обнаружением гравитационных волн или поведением ученых в лаборатории Солка. Естественные науки, медицинская практика, социальные дисциплины, создание любых форм присутствия или опыта — все это реализации или способы создания сгущений и хинтерландов присутствия и отсутствия. На молитвенном собрании квакеров, как и в случаях Консультационного центра для больных алкоголиз-

21. Ibid.

мом и столкновения на станции Ладброк-Гроув, то, что делается присутствующим, не принимает с необходимостью форму «единственного, четко сформулированного предложения», или утверждения. Здесь мы находимся в области аллегории и собирания, выходящих за пределы, установленные требованиями языка. Опять суть в том, что если мы будем слишком строго ограничивать себя утверждениями, то мы откажем в реальности многим формам внешнего.

Конкретные реалии и сгущения, учреждаемые на собрании квакеров, в определенном смысле несходны с теми, что производятся естественными и социальными науками. Но как мы видели, решающей для любой метод-сборки оказывается необходимость отличать сигналы от шума и тем самым создавать тишину. Сравнение собрания квакеров с экспериментом по обнаружению гравитационных волн весьма показательно. Они схожи в ряде важных аспектов. Для обоих создание достаточной тишины — сложная задача. Каждый начинает с проблемы, состоящей в том, что все возможные шумовые реалии сгущаются в какофонию паттернов. Это означает, что для создания правильной реальности эти шумовые миры должны быть выключены. И собрание квакеров, и эксперимент осуществляют сборку практик для обнаружения и усиления отдельных («правильных») паттернов, которые иначе находились бы ниже порога обнаружимости. Другие («неправильные») паттерны заглушают их и поэтому переводятся в зону Иного. Практики метод-сборки должны резонировать с «правильными» паттернами и их усиливать, чтобы ухватить то, что едва заметно, а затем (как говорит Коллинз) интегрировать и воссоздать их реальность. Заметьте, и собрание, и эксперимент принимают и передают. Получая слабый паттерн, они делают его сильнее. Они сгущают

и предъявляют вариант реальности, но по мере сгущения пере-создают и пере-утверждают ее. *Метод всегда работает путем не только простого обнаружения, но и усиления реальности.* Отсутствующие хинтерланды реального пере-создаются, и тогда — вот они, упорядоченные и упорядочивающие, резонирующие для следующего учреждения реального.

Поэтому полезно думать о примитивной форме внешнего или отсутствующего как о множестве возможностей. Это возможные повторения сходств и различий, паттерны, превращенные в шум и гам во всех других неограниченных реализациях. Это также означает, что полезно представлять ее как множество невероятно сложных интерференций между паттернами повторения, как бесконечно многогранное пересечение различных сходств и различий, которые могут соединяться, включать и игнорировать друг друга, противоречить друг другу и умалчивать друг о друге. Эти сходства и различия могут быть сделаны присутствующими (а могут быть и не сделаны) в форме текстов, записей, тел, навыков, инструментов, чувств, архитектуры, духов, ангелов и любых других материальностей, которые можно себе вообразить. Всегда то, что отсутствует — это множество спящих, гудящих, танцующих возможностей. Их чрезвычайно сложно сгустить, сделать присутствующими. Их можно сгустить и усилить (кристаллизовать) только очень избирательными способами. Множество возможностей чрезмерно и непознаваемо. Оно — источник энергии, «поток незавершенных гетероморфных „организмов“»²². Но в то же время оно частично реализуется в отдельных формах и сгущается в отдельных местах.

22. Cooper (1998). P. 108.

Как о нем мыслить? Ввиду его чрезмерности, не существует правильных способов мыслить о нем, — только многочисленные возможности. Например, у Мишеля Серра:

Объект философии и классической науки — кристаллический и в целом стабильный объект с четкими гранями. Закрытая система, находящиеся в состоянии равновесия. Вторая модель объекта имеет текущие края. Струя воды, гряда облаков. Это система, колеблющаяся в широких пределах, но имеющая собственные границы²³.

Для Серра эти две формы или метафоры реального — твердое тело и поток — нескончаемо пересекаются. Реальность — это поток, устойчивость, но *также* их пересечение. Он полагает, что нам необходим «третий объект» — способ познания этого пересечения:

Я полагаю, я вижу, что положение вещей больше походит на рассеивание маленьких островов архипелага в шумном и едва известном беспорядке океана, островов, чьи утесы и берега постоянно бичуются и разрушаются прибоем и которые подвержены трансформациям, износу, вторжениям; при этом — спорадическое возникновение рациональностей, чьи связи друг с другом не являются ни легкими, ни очевидными²⁴.

Это то, к чему я стремлюсь со своим собственным рядом метафор: метод-сборка, изготовление, пучок, хинтерланд, сгущение, медиация, паттерн, повторение, сходство и различие, объект, собирание,

23. Serres (1980). P. 51.

24. Ibid. P. 23–24

аллегория и репрезентация. Здесь нет правильных ответов. Локальные и временные устойчивости вырастают, как острова в архипелаге Серра, из потока, и вместе они создают условия для производства новых временных устойчивостей. Но метафора резонанса полезна.

Тогда, возможно, полезно думать о метод-сборке как о радиоприемнике, гонге, трубе органа или детекторе гравитационных волн, множестве отношений для резонирования и усиления выбранных паттернов, которые затем возвращаются в поток, но в данный момент представляют реальное. И моей задачей в этой книге не является препятствование реальностям, которые могут быть сделаны слишком скоротечными, будь то процедурно (отсюда мой аргумент об аллегории) или же субстанционально. В большей части европейско-американского мира нет места для j/ψ мезонов, для вмешательства Святого Духа, для неопределенного или множественного²⁵. Возможно, не слишком много места и для этнографических реалий. В социальных науках вопросы, эквивалентные «Что я должен приготовить сегодня вечером?», более реальны, как и формы, принимаемые правильными ответами: определенные, единственные и так далее. Требуется методологическая дисциплина, но также и воображение, чтобы уменьшить слепящий шум и создать своеобразный вид тишины, который позволил бы открыть, сделать слышимым и усилить слабый сигнал нейтрино или духовной мистерии. Навязываемые нам сегодня дисциплины склонны создавать неправильные виды тишины. Они склонны воссоздавать тишину европей-

25. См.: Pickering (1995).

ско-американской метафизики. Но настало время поставить ее под вопрос. Вот почему метод не может (и не должен) быть ограничен репрезентацией, почему лучше мыслить о нем как о созидании, аллегории, собирании.

Интерлюдия: о чистоте и гибридности

Первая версия современной науки возникла в 1660–1670 гг. в Лондоне эпохи Реставрации. Историки Стивен Шейпин и Саймон Шаффер, рассматривая подъем Королевского научного общества и начало экспериментальной работы Роберта Бойля в этот период, отмечают, что Бойль столкнулся с определенной проблемой: как гарантировать, что его эксперименты были «засвидетельствованы» таким образом, что могут убедить других естествоиспытателей, у которых не было возможности прибыть в Лондон и лично убедиться в результатах эксперимента²⁶.

Это была эпистемологическая проблема: как производить утверждения о мире, которые бы убеждали. Но одновременно это и социальная проблема: как убедить других естествоиспытателей, что Бойль, или бойлевские эксперименты, или бойлевские отчеты об экспериментах достаточно авторитетны. Как убедить скептиков, что Бойль — авторитет, автор. В ответ на эту двойную эпистемологическую/социальную проблему Бойль изобрел, как считают Шейпин и Шаффер, три взаимосвязанные и встроенные друг в друга технологии:

26. См.: Shapin, Schaffer (1985), Shapin (1989; 1994).

- Первая технология была *материальной* и приняла форму детально разработанного воздушного насоса в столь же тщательно организованной лаборатории. Воздушный насос, утверждают Шейпин и Шаффер в анализе, тесно связанном с исследованиями Латура, Вулгара и других обсуждавшихся выше социологов науки, производит феномены, которые иначе бы отсутствовали и которые могут быть проинтерпретированы как показатели упругости и давления воздуха. Как и большинство рассмотренных нами экспериментальных установок, воздушный насос Бойля был ненадежным и капризным. Обнаружение правильных паттернов было сложной задачей. Но насос и лаборатория являлись не только техническими устройствами. Они помогали создавать социальное пространство. Лаборатория превратилась в публичное место, где соответствующие люди могли «засвидетельствовать» факты о воздухе, открывавшиеся в работе насоса. Соответствующие люди? Да, конечно, ибо оказалось — я вскоре к этому вернусь, — что большинство людей не являются «соответствующими», и их нельзя рассматривать в качестве подходящих научных свидетелей.
- Вторая технология была *литературной*. На практике лишь немногие могли позволить себе путешествие в Лондон, чтобы увидеть воздушный насос и засвидетельствовать результаты для себя лично. И если экспериментальные утверждения, исходящие из лаборатории, должны были стать чем-то большим, чем местная валюта, то необходим был какой-то способ непрямого свидетельства. Требовалось то, что Шейпин называет «виртуальным свидетельством»: «Технология виртуального свидетельства предполагает создание в уме читателя образа сцены эксперимента, который устраняет необходимость как ее прямо-

го засвидетельствования, так и повторения»²⁷. Но это, добавляет он, еще и технология доверия. Но как она была создана? Вкратце, Бойль создал особый тип текста, который включал: изображение насоса («репрезентацию реальности»), многословный, хотя и сдержанный стиль (увеличивающий правдоподобие), обсуждение провалившихся экспериментов.

- Каждая из этих технологий предполагает и поддерживает *социальную* технологию — создание множества социальных конвенций для оценки и ответа одновременно другим естествоиспытателям и на утверждения о поведении воздуха. Сперва касательно естествоиспытателей. От них требовалось быть скромными людьми. Если они предоставляли отчет об эксперименте, он должен был указывать только на факты. Лично или в своих текстах они с уверенностью говорили только о фактах, о том, чему были свидетелями, избегая при этом обобщений. Метафизические спекуляции исключались. Факты могут быть засвидетельствованы, другие виды сущностей неуместны. Но при этом они должны были продемонстрировать, что никоим образом не зависят от других, что свободны от любых обязательств перед другими. Но что это значит в Англии эпохи Реставрации? Ответ очень конкретный: только «джентльмены», будучи свободными от обязательств перед кем-либо, могли отвечать этому социальному требованию. Женщины, даже из высшего общества, были зависимы от мужчин — отцов, мужей, братьев. Поэтому их свидетельство было ненадежным. И, конечно же, каждый, кто был вынужден работать, чтобы выжить (включая не в последнюю очередь техников, построивших аппарат и ответственных за ре-

27. Shapin (1984). P. 491.

альное проведение эксперимента) автоматически трактовался как непригодный свидетель: для воображения эпохи Реставрации было очевидно, что подобные личности открыты для подкупа.

Шейпин и Шаффер рассказывают, как каждая из этих технологий была встроена в остальные и помогала их поддерживать.

Момент в истории Королевского научного общества, когда были оформлены эти технологии, чрезвычайно важен: он устанавливает общую форму научного эксперимента, научного свидетельства, научного авторитета, с которыми мы все еще боремся в начале XXI столетия. Оставляя в стороне способ, которым гендер и класс оказались встроенными в основание научной практики и правильного доказательства в самом начале развития естественных наук²⁸, указанный момент также учреждает очень специальный вариант правильного авторства и отношений между автором, авторитетом и отчетами о реальности. Научный автор — это тот, кто свидетельствует, но свидетельствует скромно. Он тот, кто помогает в процессе свидетельства, *позволяя фактам говорить самим за себя*.

Мы уже сталкивались с этим ранее. Именно это более чем три столетия спустя описывают Латур и Вулгар в лаборатории Солка. Решающим в создании надежных утверждений является устранение личного и субъективного. Если автор вообще появляется, то только как нейтральный посредник, передающий утверждения, произведенные природой при помощи устройств записи. Природа обладает особой реальностью. Она говорит. Личность говорит за природу, а затем скромно исчезает. Так, по замеча-

28. См.: Haraway (1997).

нию Альперс и Харауэй, создается взгляд из ниоткуда²⁹. Возможно, исторически впервые создается секулярный и натуралистический взгляд из ниоткуда.

Ясно, что это порождает героический ряд изъятий, стираний и устраниений. Если необходимо надежное свидетельство, тогда научная сборка должна отделить себя от всего личного и, более широко, от социальных интересов и социальных контекстов, от географического местоположения (вследствие чего научные истины и открываемая природа станут универсальными), от конкретных материальных форм (правильно собранный воздушный насос делает возможным свидетельство, которое может быть повторено в других формах где угодно). Все это должно быть переведено в Иное ради успеха репрезентационной, в противоположность аллегорической, версии описания. Как мы всё еще видим спустя триста пятьдесят лет, нет ничего более дискредитирующего утверждение о реальности, чем заявление о том, что оно было сделано конкретной личностью со специфическими социальными интересами в определенном географическом месте с использованием уникальных материальных устройств, которые нигде больше не могут быть воспроизведены. Подобный источник утверждения неприемлем.

В подобной реализации знания большая часть социального, географического и технического становится невидимой. Но это достигается только благодаря скрытому множеству тщательно организованных отношений с социальным, географическим и техническим. Речь идет о «технологиях», описанных Шейпином и Шаффером и кратко охарактеризованных выше. Связанная Бойлем в пучок ме-

29. См.: Alpers (1989), Haraway (1991b).

тод-сборка (метод-сборка, которая столь успешна) работает путем различения публичной дискурсивной реальности и частной гетерогенности, которые вместе и по отдельности обеспечивают явление чистоты. Конечно, как мы видели, на другом языке тот же аргумент приводит философ и социолог Бруно Латур³⁰. Новое Время, утверждает он, характеризуется настоятельным требованием чистоты, но также практической гетерогенностью. Ученые Института Солка претендуют на то, что говорят о природе, когда пишут свои статьи. Но на практике они связывают в пучок гетерогенный хинтерланд впоследствии стираемых социальных, материальных и текстуальных ресурсов. Вопреки видимости, природа всегда переплетена с культурой и обществом.

30. *Latour* (1993). (См.: *Латур Б. Нового Времени не было: эссе по симметричной антропологии*. СПб.: Издательство Европейского Университета в С.-Петербурге, 2006. — *Примеч. пер.*).

Воображение и нарратив

В этой книге я испробую новую форму критики, которая отличается рамочной конструкцией, имплицитной для моей новой истории чисел, обобщений и достоверности. Этот имплицитный набор работающих образов/историй описывает реальность как возникающую: то, что реально, возникает в ходе постепенного сгущения и рутинизации коллективных действий, и не только человеческих действий. Я называю эти рабочие образы и истории «воображаемым», хотя я не уверена в этом термине, так как его легко неправильно понять.

Хелен Верран. Наука и африканская логика¹

Изучая практику

Метод-сборка — это процесс учреждения и *изготовления* пучков ветвящихся отношений, которые *сгущают* присутствие и поэтому производят отсутствие, формируя, опосредуя и разделяя их. Зачастую метод-сборка связана с предъявлением реальностей там-вовне и изображением этих реальностей здесь-внутри, а также с учреждением Иного. Если мы так думаем, то реальность — реальности — приобретают иное значение. Они больше не являются независимыми, предшествующими, определенными и единичными, какими они представлялись в европейско-американской практике.

1. Verran (2001). P. 36–37.

Реальности, наоборот, становятся, интерактивными, сделанными, неопределенными и множественными. Но если это действительно так, то это предполагает, что нам нужны способы исследования учреждения и взаимодействия различных реальностей. Нужны инструменты, которые позволят нам учреждать и изображать смену форм, скрытую во взаимодействии и интерференции разных реальностей. Нужны сборки, которые опосредуют и производят сущности, которые не могут быть отражены в словах. Нужны процедуры, которые заново переплетут социальное и техническое. Нужны аллегорические связности (или не-связности). Нужно собирание.

Отсюда вытекают весьма серьезные следствия. Случаи, рассмотренные ранее, предполагают, что методы в естественных и социальных науках едва ли схватывают собственную перформативность и склонны отстраняться (в теории, если не на практике) от множественности, изменчивости форм, неопределенности. Мы видели, что преобладающий европейско-американский модус — перспективизм. Это означает, что он редуccionистский и направлен на узаконивание единственного объяснения внешнего. Тогда инверсия, описанная Латуром и Вулгаром (и находящая свой исток в обстоятельствах XVII века, обрисованных Шейпином и Шаффером), и наложение, описанное Мол, объясняют, что именно уникальное внешнее узаконивает выбранный нарратив и с необходимостью дисквалифицирует любые возможные альтернативы. Все эти авторы, но, пожалуй, в особенности Мол, предлагают поставить редуccionистскую инверсию с головы на ноги. Природа не должна больше пониматься как уникальный автор единственного объяснения, но как что-то, что производится параллельно с социальными

и культурными аранжировками. Но как мог бы выглядеть такой подход?

Это — тема данной главы, и, чтобы раскрыть ее, я сравню и противопоставлю два очень разных способа метод-сборки: один — воспроизводящий европейско-американские допущения относительно здесь-внутри и там-вовне, а другой — реализующий совершенно другую версию присутствия и отсутствия, свойственную космологиям австралийских аборигенов. Я противопоставляю их с целью проделать определенную работу, признавая, что их противопоставление сглаживает различия внутри каждой из категорий.

Путеводитель

В центральной Австралии есть впечатляющая достопримечательность, известная как Улуру или Эйрс-Рок. Она не случайно имеет два имени, потому что представляет собой как минимум две (и, несомненно, намного больше) реальности. Одна из них (вообще-то больше чем одна) — аборигенская, а другая — европейско-американская. В начале первой главы путеводителя по Улуру, изданного Национальным парком Австралии, главы, которая называется «Страна контрастов», мы находим следующее:

Почему существуют эти ландшафты? Геологическая история этого региона — а ему как минимум 1000 млн. лет — может дать ответ. Благодаря почти полному отсутствию растений и почвы на большей части поверхности, эти скалы могут пробудить живейший интерес геолога. Здесь ясно видны разные типы скал, цвета, различные страты и меняющиеся формы поверхности. Геологическое происхождение этого ландшафта,

видимое невооруженным глазом, весьма характерно для Центральной Австралии... Наибольшая трудность заключается в том, чтобы осознать, насколько это долго — 1000 миллионов лет, и вообразить, как происходили эти огромные изменения. По сравнению с этим наша жизнь — такой короткий миг!²

Сразу же после этого абзаца читаем:

Аборигены дают другой ответ на вопрос, как эти места обрели свою форму. Для них ответ дает Тьюкурпа — религиозная философия, понижающая все их существование. Как и все религиозные философии, Тьюкурпа дает ответ на самые фундаментальные вопросы. Она определяет, что истинно, что реально, что правильно. Все ландшафты, все их особенности и все живое были созданы во время Тьюкурпа, когда древние существа совершали длинные путешествия и оставляли свои следы на поверхности земли. До этого ничего не существовало. В Центральной Австралии многое свидетельствует о богатой культуре аборигенов — и ландшафт, и более современные проявления духовной истории аборигенов — предания и наскальные рисунки³.

Вторая глава этого путеводителя «Впечатляющий ландшафт» сходным образом противопоставляет западное геологическое описание процесса формирования Эйрс-Рок преданиям аборигенов. Например, мы узнаем, что монолит состоит из аркозового песчаника — осадочной породы, содержащей «мелкие включения гальки, песка, кварца и полевого шпата со следами оксидов железа, глины и осколков дру-

2. Kerle (1995). P. 3.

3. Ibid.

гих пород»⁴. Этот камень имеет серый цвет, пока он не окисляется в атмосфере и не приобретет оранжево-красный оттенок, столь характерный для Улuru. Волнистость, идущая более-менее вертикально вниз по склону скалы и особенно заметная на ее южной стороне, представляет собой естественный эффект осаждения породы. Это значит, что вся скала — а это более 3 км от края до края — впечатляющим образом повернулась почти на 90° за миллиард лет с начала своего формирования. Вертикальные слои, из которых она состоит, складывались долгое время, вероятно, около 50 млн. лет, и восточная сторона скалы старше. Геологи знают это потому, что они видят в этих скалах то, что они называют «донными отложениями»: слои, отложившиеся на дне быстрого потока, которые имеют характерную форму, потому что стремительное течение стачивало верхушки более ранних отложений.

Далее путеводитель рассказывает о том, как сформировались многочисленные неглубокие пещеры в основании скалы:

Точный механизм формирования этих пещер остается предметом дискуссии среди геологов. Согласно одному мнению, в тех местах, где химическая эрозия проникла сквозь уплотненный покров, эрозия лежащего внизу песчаника (который не уплотнился) шла быстрее. Небольшие ямки превращались в углубления, которые постепенно стали пещерами⁵.

Другая теория, продолжает путеводитель, гласит, что они были размывы водой, которая задержива-

4. Kerle (1995). P. 4.

5. Ibid. P. 26.

лась в песке, когда уровень ее был несколько выше теперешнего.

Это подробное описание Улуру дополняется геологическим описанием нескольких других топографически выдающихся элементов местного ландшафта, включая невысокую гору под названием Ольга (которую аборигены называют Ката Тьюта). Наконец, все это помещается в рамку историко-геологического отчета о формировании всего региона (который проиллюстрирован хронологической таблицей, охватывающей более миллиона лет орогенетических, эрозивных, тектонических, флювиальных и климатических событий как факторов, повлиявших на ландшафт и создавших его современную форму.

Геологическое описание занимает примерно 20 страниц. Описание аборигенов, приведенное раньше, немного короче. Оно начинается так:

Нет единой истории о том, как появились Улуру, Ката Тьюта или любой другой элемент ландшафта. Анангу не видят в Улуру единый духовный объект. Ее формирование и возникновение ее специфических свойств являются результатом нескольких историй, не обязательно связанных друг с другом. Выдающиеся объекты, такие как Улуру и Атила (Маунт Корнер, Угловая Гора) считаются неотъемлемой частью ландшафта, по которому странствовали персонажи сказаний Тьюкурпа⁶.

Сказаний действительно много. Среди них — сказания о Вияй Кутьяра (Двух Мальчиках), Мала (Заячем Кенгуру), Кунии (Женщине-Питоне), Мита и Лунката (Ящерицах с Голубыми Языками), Тьяти (Красной Ящерице) и Крапани (Динго-Дьяво-

6. Ibid. P. 18.

ле)⁷. Вот фрагмент одного из них, как он приведен в путеводителе. Томми Манта, один из хранителей и традиционных хозяев этого места, так рассказывал историю Вияй Кутъяра, Двух Мальчиков, в 1994 году:

Два Мальчика пришли с юга Австралии и по дороге к Улуру пересекли юго-восточную окраину Северных Территорий. Они ненадолго остановились в Итаринья, на ближнем к Улуру склоне Пируракаринтя, конусообразного пика к западу от парка. Они охотились и путешествовали вместе, и на подходе к Улуру они слышали звуки церемоний Мала вокруг каменной ямы, которая сейчас входит в Кантью Горге. Сначала Мала воздвигли Нгалтавата, свой церемониальный шест, на этом месте, но земля была слишком болотистая, и шест покосился. Они выдернули его и переставили на другое место, где он теперь и стоит, обратившись в камень. Два Мальчика пришли на церемонию, чтобы посмотреть, что происходит. Они еще не прошли инициацию и не знали ничего о мужских церемониях. Им стало очень любопытно.

Мала тем временем разделились на мужской и женский лагерь, чтобы подготовиться к Инма [ритуалам и песенным циклам] на следующее утро. Они не знали этого, но Курпани уже направлялись к ним с запада, намереваясь уничтожить их. Мужчины отдыхали в Мала Ватри и готовили украшения для Инма, а женщины спали в Тьюактыпи.

Мальчики начали играть в водяной яме Кантью, мешая воду с окружающей землей. Они громоздили грязь в кучу, которая становилась все больше и больше, пока не достигла высоты нынешней Улуру. Они начали играть на горе. Они садились

7. Дополнительные ссылки см. в: Layton (1989).

на вершину и скатывались по южному склону на животах, и пальцами пропахивали в склоне длинные борозды. Эти борозды окаменели и превратились в глубокие овраги, которые и сейчас видны на южном склоне Улуру⁸.

Но это лишь один вариант истории. Например, в путеводителе также излагается одна из версий Куния Тьюкурпа, сказания о Женщине-Питоне. Куния, которая много путешествует по Центральной Австралии, приходит к Улуру с востока. После долгого и утомительного путешествия она откладывает яйца в безопасном месте на восточном краю Улуру (кольцо яиц видно и по сей день, оно состоит из невысоких камней, лежащих на земле) и ползет вдоль северной стороны Улуру, оставляя змеевидные следы на поверхности скалы, которые хорошо видны. Она охотится, но затем ввязывается в битву с Лиру, который убил ее племянника. Она в ярости исполняет ритуальный танец, бросается песком в тщетной попытке умерить свой гнев, а потом вступает в битву, убивает Лиру, но (поскольку она в такой ярости) отравляет своим ядом окружающую местность. Все это написано и видимо на южных склонах Улуру: движения Кунии по скальной поверхности, песок, мертвая растительность — все это видимо в ландшафте. По наблюдению путеводителя:

Свидетельства действий Кунии, когда она бросается на своего обидчика и убивает его, ясно видны вдоль тропы Мутитьюала. Там вы увидите не просто скалы и камни, вас окружает процесс творения и следы событий, которые по сей день живут в рассказах, песнях и ритуальных танцах⁹.

8. Kerle (1995). P. 18.

9. Ibid. P. 21.

Два установления

Очевидно, здесь мы имеем два стиля рассказа или две очень разные метод-сборки. Чувствительность путеводителя к политике отношений между белыми и аборигенами отражает особое значение Улуру как для белых австралийцев (впечатляющий природный объект «красного сердца» страны), так и для ее традиционных хозяев-аборигенов, для которых, как замечено выше, эти места и связанные с ними события имеют духовное и пространственное значение. Отраженная в путеводителе политика равенства космологий отражает также проблему права собственности на Улуру, которая была после долгих споров безвозмездно возвращена его традиционным собственникам-аборигенам в 1985 г., но (как часть соглашения) местность была сразу передана в аренду Австралийскому Национальному Агентству охраны природы (вместе с Ката Тьюта) сроком на 99 лет и открыта для свободного посещения (с некоторыми ограничениями) не-аборигенами¹⁰. Я кратко рассмотрю взаимодействия между реальностями белого и аборигенного населения. Но сначала я хотел бы коснуться важных различий между двумя мировоззрениями и двумя наборами метод-сборок, к которым они отсылают. И хотя путеводитель работает в основном в европейско-американской традиции репрезентации, его политика равного представления помещает их рядом и тем самым аккуратно сглаживает некоторые из этих различий.

10. См.: Kerle (1995). P. 136; подробности более детально обсуждаются в: Auye (2002).

Если мы начнем с геологического описания, необходимо для начала заметить, что это популяризация. Здесь перед нами не эквивалент лаборатории Солка. Но назвать это популяризацией значило бы преждевременно сдать игру, поскольку это описание опирается на экспертные геологические источники и перерабатывает их для неподготовленной аудитории. Это значит, что его версия явленного внешнего принимает ту же общую форму, что и у геологов. Некоторые — даже многие — детали, которые известны геологам, здесь отсутствуют, но в целом нарратив имеет ту же общую форму. Реалии здесь, таким образом, отделены и *независимы* и от знающего, и от практик знания. Например: в настоящее время поверхность скалы имеет определенные свойства. По ней видно, в какой последовательности складывались горизонтальные слои. Далее, в геологическом времени не проблема собрать орогенетические силы, способные наклонить слои на 90 градусов. Известно, что в геологической реальности они существуют. И незавершенные дебаты о происхождении пещер на уровне земли не нарушают независимости геологического внешнего, поскольку они понимаются как проблема, которая в свое время будет разрешена путем дальнейшего исследования реальности, а не путем дебатов между геологами.

Геологическое внешнее также *предшествует* исследованию — в случае отдельных черт оно старше исследования на миллиард лет. Никакие действия геологов не способны изменить эту реальность и историю ее происхождения. Все, что они узнают, будет открытием. Неудивительно, что мы также обнаруживаем, что геологическое внешнее одновременно *определенное* и *единственное*. Специфический набор более или менее сложных сил, работавших миллиард лет, произвел столь же специфические

формы геологической реальности, что и представлены в Улуру и окружающем ее ландшафте. Это, следовательно, еще один случай латуро-вулгаровской инверсии и наложения Мол. Любая мысль о том, что метод-сборка в геологии имела какое-то отношение к производству, с одной стороны, геологической реальности, а с другой стороны, репрезентации этой реальности, стерта. В изложении путеводителя геологическая история выглядит так, как будто сама реальность объясняет, почему следует верить тому или говорить это о происхождении и форме Улуру. Единственная, определенная, предшествующая и независимая реальность объясняет утверждения. Здесь нет ничего от социально-го или культурного.

Однако, разумеется, ввиду приверженности политике равенства космологий, это не совсем справедливо по отношению к путеводителю. (Немногие учебники по геологии или даже путеводители оставляют место для альтернативных космологий, за исключением мимолетных упоминаний о курьезных ошибках ученых прошлого или местных верованиях.) Возможно — но это всего лишь возможность — что противопоставление само является собиранием, которое порождает эффект амбивалентности или неопределенности. Возможно, тогда оно в действительности аллегорично. Так или иначе, геологии в путеводителе предшествует рассказ о Тьюкурпа. Временно закрыв глаза на определенные трудности (скорее всего, невозможно описать или передать нарратив Тьюкурпа в европейско-американском формате путеводителя), подумаем, *что* это говорит нам о метод-сборке аборигенов? И, в частности, что это говорит нам о внешнем в практике аборигенов? Ответ в том, что каждая из характеристик внешнего, учрежденная в европейско-американской космоло-

гии, в большей или меньшей степени уничтожена в аборигенской альтернативе. Впрочем, одновременно уничтожается даже само различие между здесь-внутри и там-вовне. Пройдемся по списку в обратном порядке, начав с *единственности*.

Производит ли метод аборигенов единственность? Вероятно, нет; в лучшем случае это недостоверно. Возможно, она и достижима в стратегических, обсуждаемых и эксплицитных реализациях определенных видов Тьюкурпы. Возможно, иногда она достигается в результате переговоров, в ходе которых различные Тьюкурпа картографируются относительно друг друга или, эта метафора лучше, сплетаются вместе, формируя нечто вроде целого. Таков базис полубеллетристической работы Брюса Четвина «The Songlines»¹¹. Путеводитель по Улуру пишет следующее:

История Кунии, Женщины-Питона, которая приходит к Улуру с востока из окрестностей Эрлунда... Если вы поедете к Улуру с этой стороны, дорога займет приблизительно три часа. Предвкушение и возбуждение от предстоящей встречи с Улуру зачастую отвлекает путешественников от этой местности. Это печально, ведь она тоже является частью Тьюкурпа. О Кунии Тьюкурпа — ее путешествиях, местах отдыха и приключениях — знают и поют племена анангу по всем Северным Территориям, в Южной и Западной Австралии¹².

Путешествие Кунии, таким образом, охватывает (и одновременно создает) обширное пространство — сотни, если не тысячи миль. Нарративы Кунии при-

11. См.: Chatwin (1998).

12. Kerle (1995). P. 19.

надлежат различным племенным группам в разных местах, и разные истории этих племен переплетаются друг с другом, производя нечто вроде связного рассказа. То есть множества взаимоналожений, которое можно мыслить как единственность.

В то же время эти нарративы порождают различия. Путеводитель указывает на это в приведенной выше цитате:

формирование [Улуру] и возникновение ее специфических характеристик есть результат нескольких историй, не обязательно связанных друг с другом¹³.

Тем самым одна и та же территория охватывается множественностью нарративов. А еще есть различия даже внутри Тьюкурпа, связанных с Кунией, потому что эти истории действительно отличаются в разных местах и неразрывно с ними связаны. Например, битва Кунии с Лиру связана с южным склоном Улуру: она вписана в него и его формирует. Тьюкурпа — позже мы вернемся к этому моменту — соединяет нарратив и форму ландшафта в неразрывное единство. Она соединяет их столь же гладко с родственными связями (Тьюкурпа принадлежит определенной родственной группе), соответствующими социальными различиями, реализацией нарратива в церемониях, визуальных изображениях и священных празднествах. Все это увязывается в более или менее «локальный» пучок, который не разделяет «природу» и «культуру». И подробности этого «локального» пучка (термин «локальный» здесь, вообще-то, не очень подходит, поэтому я ставлю

13. Kerle (1995). P. 14.

его в кавычки), скорее всего, известны только тем, кто включен в правильные социальные связи, которые зачастую определяются не только родством, но также принадлежностью к гендерной и возрастной группе.

Но есть еще одно соображение. Так же как Тьюкурпа изменяется от места к месту, она не имеет жестко фиксированной формы и в каждом отдельном месте. Это не строго кодифицированная формула, например, открытия заседания парламента. Напротив, она изменяется в различных версиях и в различные моменты в одном и том же месте. Этому есть несколько причин, но одна из них в том, что это предмет бесконечных обсуждений и переговоров между ее носителями и их соседями¹⁴. Она просто не подлежит фиксации. В более общем смысле работающая в STS и постколониальных исследованиях Хелен Верран описывает ее относительную пластичность следующим образом (Верран говорит в основном о Йолнгу, населяющих побережье Восточного Арнемленда, которые живут во многих сотнях километров от Питьянтьятьяра, Йакуни-тьятьяра и Улуру, но нет сомнений, что ее описание применимо и к Тьюкурпа Западных и Центральных пустынь):

Знание мест и их связей содержится в большом корпусе историй и песен, танцев и рисунков, которые сопутствуют церемониальному разворачиванию этих историй... Они исполняются в ходе церемоний, где сложная логика гурруту (рекурсии родственных отношений) и определенных точек местности репрезентируются. Слова песен, в которых воплощены эти образы, не заучивают-

14. Verran (1998).

ся наизусть. Заучивается общая картина сети мест и их взаимоотношений¹⁵.

Нарративы и то, что они учреждают, не фиксированы в практике аборигенов. Они снова и снова становятся предметом переговоров. Тот факт, что они являются предметом переговоров и нуждаются в переговорах, является совершенно эксплицитным. Так же как и тот факт, что эти переговоры по своей природе стратегичны. Из этого следует, что если единственность достигнута (но это всегда дело случайности, и исход переговоров неопределен), то это локальное и кратковременное собрание или достижение, а не нечто постоянное. У австралийских аборигенов, как полагает Верран¹⁶, имеют место множественность теорий и регулярность практик — полная противоположность европейско-американской единственности теории и множественности практик¹⁷. То есть формы истории повторяются, но нет необходимости в *единственной*

15. Ibid. P. 248.

16. Verran (2002).

17. Верран развивает свой аргумент следующим образом: «начало мастерской *galtha* подчеркивает множественность участвующих групп и их различный вклад в необходимо смешанную реальность этого места. Научная практика начинается с того, что скрываются различия между множеством разнообразных научных практик, составляющих науки об окружающей среде. Вместо этого задается виртуальное единое пространство. Эти два подхода меняются местами, когда мы переходим к тому, что на самом деле происходит в мастерской. Для Йолнгу важно, что множественные возможные „делания“ сливаются в единый акт места, ученым же нужно выполнять, отчитываться и объявлять множество реальных действий. Я предполагаю, что нормальные онтологии этих двух традиций знания прибегают к разным путям обращения с напряжением между множественностью и единствен-

форме. Конечно, степень, в какой есть что-то помимо очень конкретных пространственно-временных форм *определенности*, ограничена. Так, Верран указывает¹⁸, что если спросить местного жителя о церемониях соседней группы и места, от вас, скорее всего, отмахнутся, как бы говоря «это не мое дело». Это важно, но комментарий из позиции незнания невозможен.

Единственность и определенность, стало быть, неопределенны. Действительно, существует множество возможных реалий — и неопределенностей, — но это не переживается как проблема. В то же время это означает, что другие характеристики внешнего, которым отдают предпочтение европейско-американские методы, столь же неопределенны. Метод аборигенов, Тьюкурпа, едва ли производит предшествование и независимость. По поводу *предшествования* позвольте мне снова процитировать Верран (*Wangarr* в языке Восточного Арнемленда есть эквивалент слова, переводящегося как «сновидение, мечта»):

Согласно этим историям, было вечное, одновременное сотворение людей в клановых группах и значимых точек местности вечными существами, пока они занимались своими делами: охотой, дефекацией, соитием, менструацией, плачем и деторождением. Это понимается как то, что происходило в «сновидческое время», *Wangarr* на языке Йолнгу. Оно часто ошибочно понимается как далекое прошлое, но противопоставление секулярного времени вечному, возможно, предоставляет лучшее объяснение. *Wangarr* —

ностью, которое сопутствует любому созданию онтологии места» (Verran, 2002, 165).

18. В личной беседе.

это время другого типа (нечто вроде вечного времени), нежели время нашей повседневной жизни (секулярное время); это не только время далекого прошлого. Это время, которое мы можем обнаружить здесь и сейчас и будем встречать его в будущем¹⁹.

«Вечное, одновременное сотворение...»: эти слова переносят нас в такое время, которое далеко отстоит от времени геологического нарратива о происхождении с его отложениями и эрозией. Оно не имеет никакого отношения к историко-геологической хронологии, которая оперирует линейным временем, чтобы произвести настоящее. Вместо этого в космологии аборигенов прошлое постоянно присутствует в настоящем:

Сновидческие Существа — это Предки. В этом смысле они одновременно и предшествуют, и продолжают присутствовать в ныне живущих поколениях. Их духи переходят к их наследникам²⁰.

То, что было создано, создается и сейчас. Это один из пунктов обвинения, который помогает объяснить гнев исконных хозяев, когда они были переселены в 1940-х, 50-х и 60-х в ходе жестокой политики ассимиляции²¹. Перемещенные со своих мест,

19. Verran (1998). P. 247.

20. Sutton (1989).

21. Изначально аборигены стекались на животноводческие фермы, воспринимая это как приемлемый способ жизни на своей земле или поблизости от нее. В 1970-х был издан закон, требовавший от белых владельцев ферм платить «почетное жалование» (минимальную зарплату) аборигенам за их труд. Это привело к тому, что владельцы ферм стали отказывать аборигенам и отправлять их в миссионерские поселения.

они не могли больше совершать церемонии, необходимые, чтобы постоянно (вос-)производить единство земли-личности-родства-религии-предков. Те части Австралии (а таких много), откуда было навсегда изгнано местное население (путем ли геноцида, насильственной ассимиляции или принудительного переселения), очень быстро утратили жизнь и облик. Необходимый процесс вечного и единовременного сотворения утрачен — но есть и места, где утраченное постепенно восстанавливается.

Итак, внешнее предшествует конкретным реализациям этого внешнего здесь-внутри. Но в то же время противопоставление не работает, потому что мир создается и пересоздается в каждом собирании, каждой церемонии, каждой ре-презентации (термин Верран), каждом сгущении. Если он и обладает определенностью, то только на мгновение. С единичностью — то же самое. Опять же, если нечто является предшествующим, оно же является и одновременным. Независимость столь ж неопределенна. Короче говоря, присутствующее нестрого отделено от там-вовне, которое оно сгущает. Это значит, что европейско-американские нарративы происхождения, вроде тех, что предлагают геологи и которые зависят от определенной инерции внешнего, теряют смысл в опосредованиях аборигенов. Вещи не установлены раз и навсегда и не меняются медленно под действием внешних сил, которые существуют сами по себе. Невозможно представить, что они однажды сотворены и сохраняют форму с течением времени. Их невозможно открыть и репрезентировать, как бы совершая какую-то операцию, отдельную от их существования. Если вещи вообще сохраняют форму, то только потому, что они вместе участвуют в своем постоянном воссоздании. К тому же, это означает, что внешнее здесь едва ли *незави-*

симо. Земля, биологические виды, природные феномены, родственные отношения и духовное — все создается вместе. И воссоздается. И воссоздается снова.

Значит, как не существует исторического времени, нет здесь и простых разграничений, которые позволили бы нам провести различие между пространственно отделенным «там-вовне» и его реализациями «здесь-внутри». Контраст с европейско-американскими отчетами о геологической истории снова оказывается поучительным. Резонно предположить, что события, которые образуют эту историю, учреждаются как имеющие место в пространстве четырех измерений. Одно из этих измерений — время, три остальные — измерения евклидова пространства. Расстояния, высоты и объемы, так же как даты различных геологических и топографических процессов, могут быть описаны. И действительно, путеводитель по Улуру иллюстрирован многочисленными изотропными и картографическими репрезентациями, показывающими, например, расположение древнего уровня гор и аллювиальных конусов выноса. Но, как показывает Верран, осуществляемый аборигенами мир не конституируется в той же пространственной логике. Он не имеет никакого отношения к местности, если последняя понимается географически.

Вот почему выше я поместил термин «локальный» в кавычки. Термин «локальный», очевидно, зависит от понимания пространства как вместилища (мелких) локальностей, которые существуют внутри него. Это абсолютно осмысленно в контексте географического и иного внешнего европейско-американских метод-сборок. Тогда «локальное» может быть противопоставлено «глобальным» феноменам, и локальности могут быть отделены друг от друга с помощью евклидовых или других функциональ-

но эквивалентных координат. Но метод аборигенов работает иначе. Нет глобального, нет пустого пространства, относительно которого измеряется и внутри которого помещается локальное. Вместо этого метод-сборки аборигенов реализуют пространственность, которая неразрывно связана с Тьюкурпа, с рассказом, с перевоплощением и воссозданием историй древних существ — событий, которые существуют, как мы видели, в вечной одновременности прошлого и настоящего. Этим практикам чуждо понятие пустого пространства. Воображать внешнее, независимое от его реализаций, почти буквально не имеет смысла в космологии аборигенов. Вот почему политика равного представления в путеводителе не вполне ухватывает это: описывать реальность аборигенов там-вовне уже значит помещать ее в европейско-американский метафизический проект. Что и происходит в моем собственном описании выше.

Активность и дуализм

Европейско-американская метод-сборка учреждает или пытается учредить реальность, которая является независимой, предшествующей, единственной и определенной. Или же она понимает себя в качестве конституируемой в подобной реальности. Следуя за Латуром, Вулгаром и Мол, я утверждал, что это понимание неверно. Работа, создающая реалии, систематически вытесняется в Иное. Неопределенность или случайность реалий, предъявляемых в репрезентациях, исчезает. Их характер как учрежденных стирается. Но в метод-сборках аборигенов неопределенность и случайность не исчезают. Здесь, как мы видели, всё прилагает усилие, постоянное усилие. Бесконечная и необходимая погло-

ценность процессом. Ничто не становится автономным. Все должно переделываться, пересоздаваться. Никогда нет завершенности. Метод аборигенов, следовательно, не является процессом опосредования, который (в своем самопредставлении) производит реальность, принимаемую за независимую, предшествующую и отделенную от социального. В отличие от своего европейско-американского собрата этот процесс опосредования знает и признает, что это и есть его природа. Он знает и признается самому себе, что процесс неизбежен. Он знает, что ничто окончательно не зафиксировано. Что нет никакой завершенности.

Существует другой, комплементарный, способ говорить об этом различии: мыслить его в терминах распределения активности. Метод-сборка в Европе и Америке склонна предполагать и производить серию взаимосвязанных дуализмов между там-вовне и здесь-внутри, делающих возможными независимость и предшествование — но также и (чтобы назвать это кратко) *пассивность* — того, что там-вовне. Эти дуализмы, широко обсуждавшиеся в истории науки, встречаются в нескольких формах. Например, принято проводить водораздел между *человеческим* и *нечеловеческим*. Эти два класса сущностей понимаются как различные (и такой шум поднимается, особенно в социальных науках, если это различие проигнорировать!). Столь же привычно различать между знающими *субъектами*, с одной стороны, и *объектами* знания, с другой. Опять же, предполагается, что они разные по своей природе и соотносятся друг с другом каким-то особым образом. В частности, предполагается, что мудрый субъект может «знать» объект и предсказывать его поведение, пока он правильно с ним обращается, отделяя себя и свои методы от различных ложных и иска-

жающих влияний. Это аргумент, который я разворачивал в первой интерлюдии и в Главе 3. Далее, европейско-американская метод-сборка традиционно различает между *социальным*, с одной стороны, и *природным*, с другой. Как проводится это различение, может варьироваться, но, как правило, природа принимается как данность, как управляемая всеобщими и инвариантными законами, которые детерминируют (порой вероятностным способом) поведение ее компонентов. Напротив, социальное хоть и может иногда быть подвержено законам детерминации, предлагает дополнительно возможности творчества и человеческой свободы.

Эти три дуализма (и другие, подобные им по форме) взаимодействуют и усиливают друг друга. Они делают это отчасти потому, что каждый указывает на еще одну дихотомию — разделение между классами *активных* сущностей и *пассивных* сущностей. Человек, субъект и социальное активны (или в большинстве случаев должны быть таковыми). Потенциально креативные, потенциально способные к выбору, потенциально автономные — они обладают способностью к действию (в стандартном смысле, который вкладывают в этот термин социальные науки). Напротив, нечеловеческое, объект и природа пассивны (или в большинстве случаев должны быть таковыми), предсказуемы и претерпевают воздействия. В теории то, как они ведут себя, можно (до некоторой степени и иногда статистически) предсказывать и, соответственно (по крайней мере на это надеются), контролировать. Они определены. Свобода выбора и автономия не считаются атрибутами не-человеков, но в определенных пределах: теория сложности как раз занимается непредсказуемостью нелинейного поведения. Однако в общем и целом считается, что мир природы и его объекты демонстрируют

поведение (в пассивном, претерпевающем смысле как это понимается в социальных науках), а не способность к действию. Соответственно, когда объекты срываются с места и начинают проявлять инициативу, возникают проблемы. Либо объекты пассивны, либо совершается какая-то категориальная ошибка: социальное не было должным образом отделено от природного. *Но такие паттерны дуалистического разделения почти полностью отсутствуют в метод-сборках аборигенов.* В них нет того стремления к какому-либо дуалистическому разделению, о котором говорят Шейпин и Шаффер, и нет принуждения к тому, что Латур определяет как нововременное очищение²². Всевозможные персонажи могут быть активными и делаются активными в метод-сборках аборигенов. И хотя иногда это становится источником проблем, это еще и (как предполагает Верран, и здесь я с ней согласен) жизненно важный источник силы.

Объясню подробнее: метод-сборка аборигенов собирает и производит богатейшее разнообразие всевозможных акторов. Нарративы Тьюкурпа полны объектов-оборотней. Предки — это частью люди, частью животные, существа отчасти природные, отчасти социальные, частично духовные и частично географические. Эти выражения вводят в соблазн мыслить их как гибриды, но это тоже неверно, потому что метод-сборки аборигенов изначально не различают европейско-американских онтологических категорий, поэтому и не собирают из них гибриды. «Частично человеческие, частично природные» —

22. Имплицитная отсылка к Латуру (1993) (См.: Латур Б. Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии. СПб.: Издательство Европейского Университета в С.-Петербурге, 2006. — Примеч. пер.).

это описание, локализованное в европейско-американской онтологии с ее требованием (видимой) чистоты. Опять же, в сборках аборигенов активность и интенция могут быть (и обычно бывают) локализованы в объектах, встречающихся в природе, таких как скалы, деревья, ветры, облака, огонь, водные потоки, озера и бури. Нам придется обратиться к Шекспиру, к научной фантастике или, по замечанию Верран, к эстетике, чтобы подобрать аналогии в европейско-американской метафизике. Такие возможности недоступны в тех описаниях, которые мы имеем в технаукe. Но такая проблема возникает не только с природными феноменами. Как мы же замечали, животные тоже могут быть агентами. Кунийя, Женщина-Питон, Мала — Заячий Кенгуру, Мита — Ящерица с Голубым Языком. Список бесконечен. Но опять же, придется вернуться в прошлое — или уйти в область литературы и, возможно, особенно детской литературы — чтобы найти места, где в европейско-американском дискурсе животным приписывается активность. Несколько столетий назад, например, в судах Европы животные несли юридическую ответственность за свои действия²³.

Но аргумент этот затрагивает не только природные феномены и животных. В мире аборигенов активностью также наделяются церемонии, песни, слова, орнаменты на теле, танцы. Ею наделяются технологические объекты, такие как двигатель или копье. Ей наделяются и произведения искусства, такие как те, что производятся в современной художественной традиции Западной Пустыни:

23. Забавное частично беллетризованное эссе по этому поводу (и многим другим) см.: Barnes (1990), Barnes (2005).

Рисунок или скульптурная форма может... считаться не просто нарисованным человеком изображением древнего Крокодила (или Кенгуру, или Женщины), но моментом манифестации Сновидческого мира в нашем. Поэтому рисунки и резные фигурки могут вызывать болезнь, придавать человеку силу или вызывать события, по крайней мере, так считают многие аборигены²⁴.

Рисунки аборигенов (или некоторые из них), таким образом, сами являются реализациями. Они являются агентами. Если бы мы захотели перевести это на философско-романтический язык, мы могли бы сказать, что метод-сборки аборигенов создают магические миры: аборигены (или их не-человеческие союзники, материальные и нематериальные) продолжают свои песнопения и заклинания. Активность повсюду. Слово остров Просперо, только в десятикратном масштабе. А раз активность повсюду, ничто не бывает сконструировано и оставлено в покое. Вселенная полнится активностью. Мрачные жалобы Вебера о расколдовывании здесь неприменимы.

Онтологическая дизъюнкция

Иногда миры, творимые метод-сборками аборигенов, отделяют себя от европейско-американских миров. Порой же они оказываются полностью от них отделены. Вот как Джеффри Бардон говорит о художнике-аборигене Тиме Лейране Тьяпалатьярри:

24. Sutton (1989). P. 49.

Тим часто говорил мне, что он на самом деле не хочет знать белых австралийцев, и рисунок [Сновидение Духа смерти Напперби] есть его восприятие собственных племенных земель и духовной судьбы в районе Напперби. Он принимает в себя Напперби как собственное Сновидение и таким образом отбирает его у белых владельцев²⁵.

«Он на самом деле не хочет знать белых австралийцев». Такое разделение бросается в глаза евро-американцам и в других местах. Например, есть четыре огороженных места вокруг Улуру, места, имеющие особое значение, в которые не допускаются обычные посетители. Знаки, расставленные вокруг горы, предупреждают путешественников не перелезать через заборы. Опять же, белый посетитель в Ката Тьюта, следующий по изгибам дороги, ведущей к этим зрелищным выходам скал на поверхность, холмам и долинам, обнаруживает, что на большей части пути ему не разрешено остановить машину, и замечает, что по прибытии ему разрешено ходить пешком лишь по немногим строго определенным тропинкам. Последнее правило предписано частью ради безопасности (температуры в пустыне экстремальные в любое время года, за исключением середины зимы), но тут происходит и нечто другое. Посетителя уводят в сторону, практикуется избегание:

Ката Тьюта — особенно важная местность, управляемая только прошедшими инициацию мужчинами. Поэтому истории Тьюкурпа не рассказывают простым посетителям²⁶.

25. Bardon, Tjapaljarri (n.d.). P. 46.

26. Kerle (1995). P. 16.

Пространство перестало быть изотропным: повсюду одинаковым, сущностно нейтральным. Оно (как было отмечено выше) выстраивается иначе. Аналогична, но менее успешна попытка (обычно в той или иной степени бесплодная) традиционных хозяев Улуру убедить посетителей не забираться на вершину скалы:

Подъем на Улуру... гарантирует величественную панораму и чувство достижения, но это противоречит желаниям аборигенов, ее хранителей, потому что игнорирует духовное значение Улуру и может быть опасно²⁷.

Но, несмотря на это требование и напряженный характер подъема, около 10% посещающих Улуру все же решают забраться на вершину. Сколько из оставшихся 90% обращают внимание на просьбу традиционных хозяев, неясно, но туристы зачастую бывают недовольны, когда, как иногда случается после смерти значительного лица, Улуру закрывают на несколько дней. Но избегание состоит не просто в исключении людей с белой кожей. Как предполагает вышеприведенная цитата о Ката Тьюта и история Двух Мальчиков, Вийай Кутьяра Тьюкурпа, есть ограничения на то, кому и что позволено знать внутри и между аборигенскими группами. Конечно, это интегральная часть ячеистой Тьюкурпа, пестрая смесь частично связанных нарративных, пространственных и священных реалий, из которых состоит Австралия аборигенов. Посторонние могут знать в общих чертах об историях и могут принимать участие в некоторых связанных с ними прак-

27. Kerle (1995). P. 18.

тиках, но они не будут знать весь масштаб учреждений и их реалий.

Итак, есть секреты, но (и это ключевой момент) эти секреты и ограничения имеют не просто эпистемологический характер. Мы здесь имеем дело не просто с очередной, чуть более экзотической, версией того факта, что (например) вы или я не знаем технологию создания ядерного оружия или размер чьего-то банковского счета. Дело не просто в том, что некоторые знания секретны или конфиденциальны. Дело не в том, что нам отказывают в конкретной перспективе на определенные запретные части общего для нас всех мира. Дело и не в том, что мы (пока?) не приложили достаточно усилий, чтобы овладеть искусством (к примеру) масс-спектрометрии, которое (когда мы его освоим) вскроет части общего научного внешнего, которые в данный момент для нас закрыты. Все гораздо глубже: дело в том, что *мы вообще не являемся частью этих миров*. Те, кто не признает своими эти истории, не являются частью Тьюкурпа. Они не принадлежат Тьюкурпа. В том очень радикальном смысле, который достаточно трудно оценить из перспективы европейско-американского здравого смысла, *мы не существуем для этих миров*. Так же как *они не существуют для нас*.

Что это значит? Одно из следствий состоит в том, что с точки зрения различных Тьюкурпа, те, о ком не рассказывается, — не-люди. Мы едва ли существуем, если существуем вообще. Но важно попытаться сказать об этом правильно. Будет, например, неверно представлять это себе как другой вариант расизма, переодетого в некие экзотические, Ино-центричные одежды. Аналогия проваливается, поскольку это не вопрос переопределения людей в не-людей, как это делали, например, на-

цисты, когда описывали евреев как паразитов²⁸. Как это ни ужасно, нацистская метод-сборка учреждала и опиралась на свою версию европейско-американской космологии. Она предполагала онтологическую единственность или универсализм — и евреи как определенная категория (не-)людей существовали в этой космологии. Они не считались людьми, и, как известно, нацисты оказались в состоянии учредить эту реальность в масштабах геноцида.

Но в реализациях мира, создаваемых аборигенами, происходит нечто совершенно другое. Отсутствует именно онтологический универсализм, а не отрицание универсальных прав человека. Последние, как показывает сама формулировка, и являются реализацией онтологического универсализма и зависят от него. Проблемы возникают, когда имеет место взаимодействие или интерференция между различными мирами, у которых нет необходимых средств, чтобы признать свое различие. Для австралийских аборигенов это произошло в катастрофических столкновениях с белыми, которые в дополнение к расизму воплощали европейско-американские метод-сборки, которые предполагают универсализм и единственность и верны им. Как мы видели, традиционные владельцы все же выражают свое недовольство тем, что многие посетители решают подняться на Улуру, тогда как Тим Лейра Тьяпальярри стремился избегать белых австралийцев и вернуть земли своего народа. Такие столкновения (и даже худшие) предполагают, что евро-американцы не совсем невидимы в реальности аборигенов — возможно, они представляются призраками или пустыми оболочками (Верран, в личной беседе). Но из мира

28. Bauman (1989) (См.: Бауман З. Актуальность холокоста. М.: Европа, 2010. — Примеч. пер.).

аборигенов возникает вопрос, который опять же трудно представим изнутри европейско-американских метод-сборок: является ли коммуникация благом? Предполагаемый ответ на этот вопрос таков: нет, не обязательно. Обязательно ли имеет значение, что учреждены миры, которые не знают друг о друге? Предполагаемый ответ снова «нет». Это *может* иметь значение, если Тьюкурпа и релевантные группы накладываются друг на друга. Но если этого не происходит, то это и не важно. *Онтологическая дизъюнкция* — возможность, которая может оказаться, и зачастую оказывается, весьма подходящей.

Проблема обычно не внутри реализаций различных аборигенских миров и не в отношениях между ними (что не отменяет того факта, что между людьми случаются несогласия, доходящие порой до рукоприкладства). Дело в том, что, если продолжать пользоваться отчасти неприменимыми терминами, позаимствованными у европейско-американских способов учреждения реальности, они не предъявляют претензии на универсальность, и все, что учреждается, оказывается специфическим и «локальным» во времени и в пространстве. Проблема возникает, когда реальности аборигенов пересекаются, как это происходило как минимум последние двести лет, с европейско-американскими метод-сборками, учреждающими пассивную версию пространственной и временной единственности. Даже исключая очевидные случаи злоупотребления властью, возможность онтологической дизъюнкции для последних просто недоступна.

Итак, как мы увидели, если традиционные хозяйства местности исчезают и не могут больше способствовать воссозданию своих специфических миров, то эти миры исчезают. Если детей аборигенов насильственно разлучают с семьей и с их местно-

стью и переселяют в австралийские города, чтобы они могли наслаждаться цивилизующими преимуществами белых приемных родителей (что и произошло с «украденным поколением»), они тоже потенциально становятся не-людьми:

Давая каждому индивиду персональное сновидение, сообщество постоянно воссоздает мир древних. Пролетные перевоплощения единого предка сливаются в коллективный образ этого существа; в этом состоит религиозный принцип: человек после смерти становится своим сновидением. Нужно умереть и быть похороненными в своей земле, чтобы гарантировать, что это произойдет²⁹.

Геноцид необратим, но, к счастью, практика аборигенов гибка. Проблема отлученного ребенка (или приезжего антрополога, который также считается не-человеком) может быть решена путем простого процесса усыновления. И с этого момента усыновленный становится реальным, практикуется как реальный, и оказывается способным принимать участие в историях и реалиях соответствующей Тьюкурпа.

Распознавание установки

Обратите внимание на это противопоставление.

Европейско-американская метод-сборка предьявляет в своих изображениях мир онтологически единственный, и, следовательно, населенный ограниченным числом объектов, сил и процессов, которые могут быть более или менее правильно познаны. Как пространственно-временные таблицы геологов.

29. Layton (1989). P. 15.

То, что не ясно, может по меньшей мере в принципе подлежать прояснению. Исследование, таким образом, включает очерчивание явлений или исправление ошибочных представлений о них. Предполагается, что окончательное соглашение может и должно быть достигнуто по крайней мере в принципе (хотя могут потребоваться последующие исправления, если обнаружится ошибка). Это подразумевает, что возможность познавательной практики, признающей, что сущности бесконечно учреждаются и (в ходе этого процесса) реализуются по-разному в разных местах и разных контекстах, оказывается вытесненной. Значит, имеет место напряженность. *В сердце репрезентационной единственности содержится множественность.* Но этого не видно. Множественное, дробное, ускользающее, смутное, частичное и текучее смещаются в Иное, необходимо учреждаемое, но все же Иное. Вместо этого видимой оказывается реальность там-вовне, независимая, предшествующая, единственная и определенная. В той мере, в какой это важно, работа исследователя — попытаться определить характер этой реальности. Когда это сделано, можно судить: сравнивать различные перспективы и определять правильное решение. Как мы видели, это *решение, которое отрицает возможность эксплицитной онтологической политики.* Да, оно учреждает такую политику, но не видит, что делает это — преимущество, если это преимущество, доступное, по наблюдению Верран, только из привилегированной позиции.

Все это противостоит метод-сборке аборигенов. Как мы видели, она способна учредить онтологическую множественность, которая близка к онтологической дизъюнкции. Она достигает этого потому, что нет универсального или общего. Все относительно специфично, относительно «локально», учреж-

дается в определенных местах и по определенным случаям. Потому что нет абсолютно привилегированной позиции. Это значит: то, что неясно, не обязательно дожидается прояснения. Возможно, это нечто диффузное, не особенно значимое, и поэтому оно едва существует и может оставаться неопределенным. Возможно, однако, это нечто важное, и в данном случае оно становится предметом обсуждения и переговоров. Верран:

Австралийские аборигены обычно понимают себя как имеющих широкий репертуар средств, которыми мир может быть во-образен заново, и в этом во-образении вос-создан. По-английски это обычно называется термином «сновидение» [the dreaming]. Я думаю, более удачным именем для этого концептуального ресурса будет «онтическое/эпистемическое воображаемое» аборигенских систем знаний. Именно это воображаемое, ценимое, почитаемое и предоставляющее возможности для богатого интеллектуального обмена между всеми участниками общественной жизни аборигенов, отчасти делает возможным вечное стремление примирить множество локальных знаний, составляющих систему знаний аборигенов. Многочисленные сообщества аборигенов умеют вести переговоры об онтических категориях³⁰.

Верран думает о «сновидении» (Тьюкурпа в Западной Пустыне и *Wangarr* у Йолнгу) как об «онтическом/эпистемическом воображаемом», потому что это богатый культурный ресурс и результат (пере)сказывания и (вос)создания реальностей³¹.

30. Verran (1998). P. 242.

31. Дальнейшее обсуждение «воображаемого» см.: Verran (2001, 2005).

Действительно, именно такой ресурс нужен группе, которая серьезно относится к своей онтологической политике (Верран предпочитает говорить об «онтических» и «эпистемических» политиках, а не об онтологии и эпистемологии, потому что последняя пара терминов обычно подразумевает стабильные, фиксированные «философские» системы). Но (пользуясь моей терминологией), она также говорит, что группа будет серьезно относиться к своим онтологическим политикам и к своему воображаемому, только если она серьезно относится и к *переговорам* с другими реальностями, культурами и группами о том, что есть. Если она желает переделать свое воображаемое. Если она готова менять свое воображаемое и позволить ему принимать новые формы. Позволить ему, как она выражается, определиться в новых формах. Вследствие этого политика оказывается явно перемешанной с творением реальности, а также с использованием метафор из области «воображаемого». Снова слово Верран:

дискуссии обычно связываются с постоянной борьбой за когнитивный авторитет, достигаемый через столкновение метафоры с метафорой. Зачастую происходит горячая открытая схватка за то, чья метафора победит. Со временем одна из метафор одержит верх, и она весьма обогатится благодаря спорам, окружавшим процесс ее установления³².

Реалии, таким образом, устанавливаются путем эксплицитных переговоров по поводу метафор для рассказа и метафор для бытия — хотя они и устанавливаются лишь на время. Другие метафоры — и другие частично связанные коллективные реальности —

32. Verran (1998). P. 242.

ждут за кулисами и появятся снова в процессе переговоров.

Все это предполагает другой ресурс для того, чтобы начать разрушать принятый в европейско-американском методе отказ думать о практиках учреждения. Мы должны оставить метафоры создания реальности открытыми, вместо того чтобы позволить небольшому подмножеству метафор натурализоваться и умереть в закрытом, единственном и пассивном варианте внешнего. Мы должны отказаться от различения между буквальным и метафорическим (как отмечали многие философы науки, буквальный смысл — это всегда «мертвая» метафора, метафора, которая больше не осознается как таковая). Мы должны отказаться и от дуализма между реальным и нереальным, между реальностью и вымыслом и начать мыслить в терминах *степеней* учрежденной реальности, или более реального и менее реального. Мы должны находить практики, которые могут изменять воображаемое, и работать аллегорически, представляя связность без непротиворечивости.

И это не просто вопрос теории, он имеет применение к политике земельной собственности в Австралии. Это длинная история³³, но вкратце суть в том, что старый австралийский закон, исходящий из того, что Австралия была не населена, когда туда прибыли англичане, был отменен в 1990-х. При определенных условиях, «традиционное право владения» было признано, а с ним и необходимость переговоров между белыми фермерами, экологами, горнодобывающими компаниями и аборигенами по поводу правового статуса земли. Но как примирить два подхода и два разных понимания земли?

33. Подробности см., например, в: Verran (2008) и Sharp (1996).

Для фермеров и других евроамериканцев право собственности на землю опирается на юридические документы, которые основываются на результатах картографических метод-сборок, которые, в свою очередь, сгущают и учреждают пространственную реальность, согласующуюся с европейско-американскими ожиданиями. Мы уже знаем, как она выглядит: пространство существует, оно там-вовне, оно по природе своей пустое и изотропное, определенное, предшествующее и независимое. Но аборигенам свойственны совершенно другие методы познания и создания пространства. Однако с принятием «Закона о праве на землю» фермерам и другим белым *пришлось* сесть за стол переговоров с аборигенами и найти способ соотнести эти две традиции и две реальности. И это произошло — происходит — в различных обстоятельствах, например, в разговоре³⁴. Обзор этого процесса, сделанный Верран, завершается предположением, что в этой ситуации фермеры и, следовательно, остальные евроамериканцы больше не могут цепляться за ограниченную реальность, предлагаемую картографическими результатами. Вместо этого им потребуется перенять у своих собеседников-аборигенов хотя бы некоторые из техник эпистемических и онтических переговоров. Грядут большие и болезненные изменения, которые сделают мир менее определенным. Но в этом мире онтологические политики больше не будут практиковаться тайно.

34. См. выдающееся исследование Маргарет Эйр (Ayre, 2002) об охране природы и природопользовании в Восточном Арнемленде, а также исследование Дэвида Тернбулла (Turnbull, 2005).

Интерлюдия: хинтерланд и реальность

В этой книге я использую ряд метафор, чтобы говорить о «там-вовне». Среди них: хинтерланд; явленное отсутствие; отсутствие как становление-Иным, потоки, отношения и резонансы. Я избегал использования одного из самых распространенных терминов в литературе по социальным наукам — «структура». Я надеюсь, что мотивы этого достаточно ясны. Идея структуры обычно подразумевает не просто общую или примитивную версию внешнего, но дополнительно привязана к независимости, предшествованию, единственности и определенности. Тогда говорить о «структуре», вероятно, значит подразумевать, что реальность существует там-вовне, в определенной форме, ждет своего открывателя, даже если на практике на его пути стоят масштабные технические сложности.

Предположения такого рода стоят за современными версиями реализма³⁵. Последние утверждают, что научные эксперименты не имеют смысла, если не существует реальности, независимой от действий ученых. Независимая реальность — одно из условий возможности эксперимента. Работа исследователя — проводить эксперименты с целью построения и проверки гипотез о механизмах, управляющих реальностью или составляющих ее. Поскольку наука ведет свою работу в определенных социальных и культурных обстоятельствах, модели и метафоры, используемые для порождения потенциально фаль-

35. См., например: Baskhar (1979), а из недавних исследований в контексте социальных наук: Sayer (2000) и Benton, Craib (2001).

сифицируемых утверждений, разумеется, включены в социальные контексты и всегда подлежат пересмотру³⁶. Тем не менее предполагается, что внешнее независимо и определено. Различные «парадигмы» отсылают к одному и тому же миру (хотя, возможно, и к разным его частям).

Метафизики, которые я описывал, также реалистические, но только в самом примитивном и изначальном смысле. Они предполагают общий поток внешнего, но ничего больше. Эта позиция близка позиции Яна Хакинга:

Есть только один аспект, в котором мой тезис противоречит группе метафизических учений, в просторечии называемых «реалистическими». Реалисты обычно предполагают, что конечная цель или идеал науки есть «единственно верная теория вселенной». Я никогда не видел в этом утверждении ни малейшего смысла³⁷.

Для Хакинга «наши излюбленные теории и мир столь хорошо сочетаются не потому, что мы выяснили, каков мир, а потому, что мы подогнали их друг к другу»³⁸. Хакинг придерживается конструктивистского взгляда на эксперимент. В том конкретном мире, в котором нам привелось жить, научное исследование, по факту, породило определенный набор заключений, и под стать создало эмпирическую реальность. Чтобы прийти к метод-сборке, обсуждаемой в этой книге, мы должны сместить фокус внимания с конструирования на учреждение (реализацию).

36. Реалисты называют это «транзитивным» измерением исследования, в противоположность «нетранзитивным» природным феноменам.

37. Hacking (1992). P. 31.

38. Ibid. P. 3.

Это, как мы видели, позволяет или требует ввести множественность. Проявляется возможность — и даже вероятность — возникновения напряжения между различными вариантами учреждения (и знания) реальности. А с ней и возможность, что реалии могут создаваться и признаваться как неопределенные собирания, противоречивые и непротиворечивые, двусмысленные, аллегорические, языковые и внеязыковые. Пожелай мы заняться игрой со словами, можно было бы назвать эту позицию *реализмом реализаций*.

Конечно, если бы все социальные и социологические метод-сборки были скоординированы в одном месте, если бы можно было собрать их все, тогда такая реализация могла бы породить более-менее единственный и, кто знает, даже определенный хинтерланд или «структуру», покрывающую набор различных локаций. Она казалась бы связной. Но это значило бы проигнорировать все, что мы узнали о множественности и множественных учреждениях. Еще более важно, что это значило бы проигнорировать проведенное нами разграничение между явленным отсутствием, с одной стороны, и перемещением в Иное, с другой. Поскольку, если реалии множественны или дробны, тогда резонансы и паттерны разнообразных явленных отсутствий накладываются — но лишь частично. И если всегда есть отсутствие как переход в Иное, то мы не можем сделать никаких общих утверждений об этом Ином — только частные и в отдельные частные моменты.

В конце концов, это вопрос метафизики. Если мы чувствуем себя неуютно без четких, определенных и единственных описаний четких, определенных и единственных структур, что ж, ничего не поделаешь. Однако если мы способны и готовы терпеть неопределенность и специфику учреждения, пото-

ков и резонансов, тогда мы должны обнаружить, что столкнулись с совершенно новым набором важных загадок относительно природы реального и способов вторжения в него. Возможно, например, «великие структуры» неравенства должны пониматься не как великие структуры, а как относительно несвязные учреждения, которые тем не менее резонируют или интерферируют между собой, чтобы удержать друг друга на месте. У Латура есть притча о колониализме, написанная в таких словах. «Белые, прибывавшие в колонии, — говорит он, — были пестрой толпой». Но:

Они были сильнее сильных, потому что они были *вместе*. Нет, лучше: они прибыли *порознь*, *каждый в свое место и каждый с собственной идеей чистоты*, как еще одна чума египетская.

Священники говорили *только* о Библии, и только ей одной они приписывали успех своей миссии. Администраторы с их правилами и инструкциями приписывали собственный успех цивилизующей миссии своей страны. Географы говорили *только* о науке и ее прогрессе, торговцы приписывали все достоинства своего искусства золоту, торговле и Лондонской товарной бирже. Солдаты просто следовали приказам и интерпретировали все, что делали, в терминах защиты родины. Инженеры приписывали эффективность своих машин прогрессу³⁹.

Возможно, данное собрание окажется полезным. Возможно, нет. Но как пример стиля оно заслуживает размышления. И, безусловно, мы уже затрагивали эту возможность в Главе 6, говоря о двусмысленности и аллегории. Иначе говоря, идея в том, что то,

39. Latour (1988). P. 202.

что инженеры называют «системой со слабыми связями», более устойчиво, чем те, что демонстрирует единственную определенную логику. Возможно, внешнее резонирует, производя яркие паттерны, вовсе не имеющие единой и определенной структуры. Возможно, вещи удерживают свое единство именно своей разьединенностью. Примеры: водный насос; программа обследования шейки матки; молитвенные собрания квакеров⁴⁰. В этом случае великие неравенства и распределения лучше понимать не как структуры, а как не-структуры. И нам придется, к лучшему или к худшему, найти способы исследовать частичные наложения хинтерландов, явленные отсутствия, если мы хотим ухватить эти неравенства.

40. О проблемах плотно интегрированных систем см. образцовый текст Чарльза Перроу «Normal Accidents» (Perrow 1984). Дальнейшее обсуждение несвязной связности см.: Singleton, Michael (1993), Singleton (1998) и Law (2002a).

Заключение: онтологическая политика и после

ЭТА КНИГА — отчет о состоянии метода. Ее главный тезис состоял в том, что в социальных и естественных науках метод учреждается под прикрытием европейско-американских шор XIX и даже XVII столетия. Это означает, что он неправильно себя понимает и представляет. Метод, как я утверждал, не набор более или менее успешных процедур, сообщающих о данной реальности. Скорее, метод перформативен. Он способствует производству реальности, но делает это не по прихоти или капризу. Существует хинтерланд реальностей, явленных отсутствий, Иного, уже созданных резонансов и паттернов, и метод не может все это игнорировать. В то же время он созидателен. Метод переделывает и повторно связывает компоненты хинтерланда и тем самым пересоздает реальности, порождая новые версии мира. Он постоянно создает новые сигналы и паттерны, новые манифестации и новые сокрытия. Установления и порождаемые ими реальности не остаются просто готовыми к использованию. Напротив, они создаются и пересоздаются. Реальности, по крайней мере в принципе, могут быть сделаны по-другому.

Как следствие, метод не является (и никогда не может быть) невинным и чисто техническим. Если метод — множество моральных императивов, то они не гарантируются исходной и устойчивой реальностью, так как метод не «сообщает» о том,

что всегда уже здесь. Так или иначе, он делает вещи другими. Вопрос в том, *как* делать вещи другими и *что*, собственно, делать? В пределах (всегда испытываемых на прочность) резонирующего хинтерланда ныне действующих паттернов реальностей существуют разные возможности. Тогда метод неизбежно производит не только истины и не-истины, реальности и не-реальности, присутствия и отсутствия, но и конфигурации, имеющие политические следствия. Он производит конфигурации и сборки вещей (а также отчеты о них), которые могли бы быть иными. Но как об этом мыслить? Как отказаться от идеи метода как множества технических (или нравоучительных) процедур, требующих правильного понимания и применения? Как избавиться от законотворчества, обычно обнаруживаемого нами в учебниках по методу? Как отстраниться от полных и завершенных отчетов о методе? Как избавиться от успокоительных европейско-американских метафизических очевидностей?

В этой книге я старался разработать ряд словарей, пригодных для мышления о методе, его операциях и перформативности. Следуя за историками, философами и историками науки, я расширил понятие метода, чтобы оно охватывало не только то, что представлено в форме текстов и процедур их производства, но также их хинтерланд и скрытые опоры. Чтобы схватить эти процессы создания и связывания, я предложил понятие метод-сборки. Тезис в следующем: метод — это не просто выученное по учебникам и в лекционных аудиториях или практикуемое в этнографии, опросах общественного мнения, геологических экспедициях и лабораториях. Даже в этих формальных условиях он разветвляется вовне и резонирует с материально и дискурсивно гетерогенными отношениями, по большей части не-

видимыми для методолога. Во всяком случае, метод обнаруживается за пределами данных условий. Метод всегда гораздо больше, чем предполагается формальным подходом.

Есть более точный способ сказать это: метод-сборка — это непрерывный процесс *учреждения необходимых границ между присутствием, явленным отсутствием и Иным*. Этот язык заимствуется у постструктурализма, в соответствии с которым, если что-либо делается присутствующим, то что-то иное, но соотносимое с ним делается отсутствующим, выталкивается из поля видимости: *присутствие невозможно без отсутствия*. Тем самым репрезентации сопутствуют чему-то, находящемуся там-вовне (репрезентируя его), а также многому помимо этого. То же относится и к объектам, производимым во внешнем контексте, с которым они более или менее опосредованно взаимодействуют. Это означает, что метод-сборка делает что-то присутствующим, создавая *отсутствие*. Формально я определил это как учреждение *присутствия, явленного отсутствия и отсутствия как Иного*¹. Более конкретно, метод-сборка — это изготовление, связывание и собирание отношений в три компонента: а) то, что здесь-внутри, или присутствует (например, репрезентация или объект); б) то, что отсутствует, но при этом явлено (оно может быть увидено, описано, оно значимо для присутствия); и) то, что отсутствует, но является *Иным*, поскольку, хотя и будучи необходимым для присутствия, оно скрыто, подавлено, неинтересно. Вопрос тогда в том, чтобы представить или описать возможные пути создания метода.

1. Именно акцент на присутствии отличает *метод-сборку*.

Я также говорил, что метод-сборка может быть понята как резонанс, так как она работает путем *обнаружения и создания регулярностей в мире*. Картина реальности, стоящая за этим утверждением, перемещает нас за пределы наиболее распространенных версий европейско-американской метафизики, в соответствии с которой реальное относительно устойчиво, определено и потому познаваемо и предсказуемо. Альтернативная метафизика предполагает, что внешнее неисчерпаемо, избыточно, активно, что оно — множество колеблющихся потенциальностей и в конечном счете абсолютно неопределенный поток. Но порой в метод-сборках внешнее кристаллизуется в отдельные формы или коллапсирует (еще одна метафора) «на мгновение» в разрешимость. Если метод-сборка может быть рассмотрена как резонанс, то это потому, что она обнаруживает в потоке регулярности паттерны и колебания, но при этом усиливает и ретранслирует некоторые из них, погружая другие в зону тишины. Какие возможные реальности она отказывается учреждать, исходя из преобладающего стремления к гладкому и однородному? И как метод-сборка могла бы быть изготовлена по-другому?

Реалии

Большая часть книги посвящена обзору этих возможных реалий. Я предположил, что господствующие европейско-американские установления производят и предполагают формы предьявляемого отсутствия, которые являются *независимыми* от наблюдателя и ему *предшествующими, определенными*, а также *единственными* (существует только одна реальность). По ходу изложения я также отметил,

что европейско-американская метод-сборка обычно предполагает *постоянство* (существуют общие инвариантные законы и процессы, и ничто не изменяется без соответствующей причины), *пассивность* исследуемых объектов (они остаются неизменными, пока на них не будет оказано воздействие внешней причины), *универсальность* (то, что отсутствует, является тем же самым во всех возможных местах).

Все это самоочевидно в европейско-американской метафизике. Но внимание к практикам ее методов обнаруживает, что, во-первых, эти допущения систематически нарушаются, и, во-вторых, факт подобного нарушения подавляется и перемещается в зону Иного. Вместо (или рядом) независимости и предшествования существуют зависимость и одновременность. Исследования Мол показали, что объекты, единственные в теории, множественны и дробны на практике². Схожим образом постоянство объекта учреждается, но одновременно и подрывается. То же касается и универсализма (если имеют место множественные реалии, то тогда существуют не универсалии, а только их явления). Вдобавок нарушается и допущение определенности. Стандартные методы отвержены, как правило, ясности и точности. Но так как метод-сборка разветвляется на формирующиеся резонансы, она включает компоновки, являющиеся аллегорическими, двусмысленными, неопределенными, неясными, подразумеваемыми. И, наконец, пассивность достигается только потому, что активный процесс производства реальностей вытесняется в отсутствие, сделан-

2. Возможно, что эта подавленная множественность необходима для достижения единственности. Хотя при определенных обстоятельствах может быть сделан противоположный вывод.

ное Иным, и учреждаются дуалистические инверсии, обсуждавшиеся в предыдущей главе. Это Иное становится зоной, удаленной от того, что расположено здесь-внутри.

Можно предположить, что учреждаемые европейско-американской метод-сборкой реалии сложны, но большинство аспектов этой сложности отрицается. Возможно, становление-Иным имеет свои достоинства. Например, по мнению Латура³, расцвет (He)Нового Времени связан с производством сложных гибридов. Производить гибриды легко именно потому, что отрицается само это производство. Согласно Латуру, хотя однородности чистоты и обнаруживают самонепонимание, они также являются благом. Тем самым, возможно, и существуют преимущества для того, что он называет «не-ново-временной конституцией», но есть сложности, вытекающие из отрицания. Чтобы говорить об этом, можно рассмотреть версии репрезентационного присутствия, формы изображения.

Собирание

Некоторые метод-сборки производят конвенционально приемлемые утверждения, репрезентации, изображения реальности. Но термины «утверждение» и «репрезентация» весьма специфичны. Вот почему я предпочел говорить о «присутствии» и «собирании». Моя цель — проявлять снисходительность и не говорить ничего о подходящей форме или материальности того, что делается присутствующим. Единственное, что утверждается, — это ре-

3. Latour (1993).

ляционность: то, что создается и собирается, находится в опосредованном отношении с отсутствием, отчасти явленным, но по большей части ставшим Иным. Почти вся эта книга — обзор материальностей и форм возможных присутствий. Мой интерес состоял в расширении списка за пределы границ, признаваемых приемлемыми в обычном понимании метода. Так наш список отображений включал следующее:

- *тексты*, например, медицинские руководства, полевые заметки, научные статьи, электронные таблицы, производимые устройствами записи следы⁴;
- *визуальные образы* (фотографии ангиографии, хромотографические разделения, поперечный разрез кровяных сосудов, искусство аборигенов);
- *карты* различных видов, включая (но этим не ограничиваясь) те, которые создаются европейско-американскими методами картографии⁵;
- *человеческие способы понимания*, некоторые из которых конвенционально признаются релевантными для метода (например, зрительные навыки ученых), другие же имеют менее конвенциональный характер (примерами выступали чувство беспорядка, переживаемое исследователем во время посещения центра помощи больным алкоголизмом, ощущение ужаса свидетелей катастрофы на Ладброк-Гроув или схватывание духовных реалий на молитвенном собрании квакеров);

4. Как мы видели, аргумент развивается Латуром и Вулгаром. Но см. также: Latour (1990).

5. Тщательного изучения требует образцовая работа Дэвида Тернбулла о картографии. См.: Turnbull (1993; 1996; 2000).

- *тела*, как в случае катастрофы на Ладброк-Гроув или, можно добавить, в случае физического состояния страдающих от алкогольного поражения печени или состояния кожи тяжело больных атеросклерозом нижних конечностей;
- *машины* в форме устройств записи (которые могут быть поняты, как мы видели, в качестве рутинизированных утверждений), но также и в форме устройств, чья первичная функция не заключается в производстве следов (водяной насос и железнодорожная катастрофа);
- *церемонии*, например, австралийских аборигенов Ката Тьюта (они не были здесь описаны, поскольку мы не принадлежим их сообществу и ничего о них не знаем) или квакеров (молитвенное собрание);
- *доказательства* (театр доказательства Роберта Бойля, описанный Шейпином и Шаффером);
- *разговоры* наподобие тех, что описала Мол в кабинете врача и операционной;
- *аллегории*, которые, как я показывал, повсеместны, но иногда их аллегорический характер получает признание.

Этот список не является исчерпывающим. Очень важно, что он и *не должен* рассматриваться как исчерпывающий. Другие возможности (более или менее конвенциональные) сразу же приходят на ум: музыкальное исполнение, хирургия, спорт, физическая близость, игры, моделирование, архитектура, города, документальные и художественные фильмы, молитва, физическое упражнение, коллажи и коммутационные панели, танец, маска, вождение автомобиля, приготовление пищи, фланирование, скульптура, природные феномены всех видов,

парки, ландшафты. И, несомненно, помимо этого много чего еще. Все это изготовленные формы присутствия. Они *не должны* пониматься как аллегорические методы изображения, поскольку работают также по-другому и имеют другие функции. Но я считаю, что их *можно* трактовать как аллегорические методы. Характер списка разоблачительный. Он показывает нам, что исследовательские методы, конвенционально истолкованные в естественных и социальных науках, ограничены в двух важных аспектах. Во-первых, они ограничены материально. Идея в том, что хотя, например, парк, религиозная церемония, игра или прием пищи могут способствовать созданию особой реальности (быть для нее аллегорией, резонировать с ней) и могут быть признаны с точки зрения здравого смысла (и антропологии символизма), они лежат далеко за пределами, предполагаемыми стандартным методом. Во-вторых, конвенциональные истолкования метода ограничены в силу склонности создавать явленные отсутствия, принимаемые за независимые, предшествующие, единственные, определенные, пассивные и т.д.

Мы должны проявить осторожность. Не существует специальной корреляции между материальными формами присутствия и связанными с ними отсутствиями. И то и другое создается в опосредованиях, и аргумент не является редукционистским. В любом случае европейско-американский метод (как и любой другой) зависит от превращенных в Иное сущностей и от отношений, которые он не может предъявить. Становление-Иным неизбежно. Но даже при этом узкий набор материальностей стандартных методов ограничивает пространство реализации других сущностей по крайней мере в двух отношениях.

Во-первых, определенные типы реалий с трудом (в лучшем случае) сгущаются в текстуальные или изобразительные формы. Например, мистический опыт не может быть схвачен в словах. Этот опыт превосходит слова, и текстуально на него можно только указать. Способы жизни квакеров и австралийских аборигенов наводят на мысль, что духовный опыт должен быть схвачен также в телесном опыте, танце или искусстве. Нарратив, репрезентирующий духовную реальность, доходит только до определенного момента. Этот аргумент важен не только в контексте духовности. С ней схожи многие реалии. Возможно ли *описать* эмоциональный экстаз, любовь, страх или скорбь? Скарри считает, что язык отличен от боли⁶. В лучшем случае слова указывают на боль («острая боль»). Сгущения появляются здесь в других формах: тело в состоянии боли, музыкальное произведение («наше настроение»), ландшафт, телесные действия или взгляд любимого ребенка. Многие реалии изготавливают себя в материалах, отличающихся от языка.

Можно, конечно, утверждать, что хотя любовь, боль, религиозный опыт и являются реалиями, они не значимы для социальных наук. Данное утверждение заслуживает внимания. Существуют хорошие резоны удерживать религиозный опыт или любовь подальше от академических и политических исследований. Вскоре я вернусь к этому тезису, считая его спорным. Но в любом случае даже конвенционально более приемлемые для естественных и социальных наук реалии исключаются их [наук] господствующими методологическими практиками. Выше мы столкнулись с несколькими примера-

6. Scarry (1985).

ми: организация реабилитации страдающих алкогольным поражением печени, атеросклероз нижних конечностей. Мы можем сформулировать аргумент следующим образом: если вещи не-связны, тогда пытаться *описать* их в качестве таковых значит потерять цель, состоящую в создании форм связности. Но может быть, другой, аллегорический, способ лучше? Другой способ собирания? Тот, который спотыкается и останавливается, который более великодушен, скромнее и менее вербален?⁷

Во-вторых, даже внутри области текстов и других записей академическая метод-сборка устанавливает пределы собственной форме. Некоторые записи допустимы (статьи, исследовательские отчеты, заявки на грант, обзоры, книги, семинары). То же относится к определенным типам карт, диаграмм, графиков, фотографий. Но многие формы текстов и визуализации недопустимы. Например, академическая метод-сборка не сгущается в форме поэзии, литературы или театра (конечно, есть исключения). Лишь некоторые визуальные описания следуют конвенциям изобразительного искусства, комикса, кино или рекламы. Тем самым множество текстуально и иным образом записанных реалий оказывается исключенным. Академические тексты обычно прочитываются как технически адекватные описания внешних реалий. В отличие от романов, они редко читаются ради них самих. И хотя есть исключения, как правило, академические тексты не читают-

7. Здесь я комментирую академические и другие формы письма, которые стремятся описать реальность. Очевидно, что данный аргумент не обязательно применим к нереперенциальным формам письма, например, роману или поэзии.

ся как резонирующие участники создания реалий, которые они описывают.

У этих ограничений есть собственное место. Они делают возможным производство особых реальностей — *присутствий*, описывающих, отражающих, соответствующих определенной и единственной реальности. Шейпин и Шаффер описывают происхождение европейско-американского стремления создавать и описывать мир таким образом. Результатом стало вытеснение или подавление методологий и реалий, создающих и описывающих мир по-иному. В Европе и Америке записи, сгущающие *онтико-эпистемические формы воображения*, принадлежат роману, поэзии, изобразительному искусству, но не серьезному исследовательскому методу: *не-связности* (Джеймс Джойс?), всепоглощающие потоки (Эдвард Мунк?), неопределенности (Марк Ротко? Франц Шуберт?), множественности (Жорж Брак?), дробности (Стивен Райх?). Возможно, все это представляет (как замечает Хелен Верран⁸) нововременное разделение труда между истиной и эстетикой. Но, с другой стороны, это разделение дается дорогой ценой, поскольку переводит в Иное формы воображения, потоки, неопределенности и множественности, даже если само опирается на них. И при этом оно отрицает различные желаемые эффекты — блага, которые они могут принести и реализовать.

Блага

Какие «блага» может производить метод-сборка?
Чему она может способствовать?

8. Verran (1998).

Выше я обсуждал два вида блага: *истину* и *политику*. Если методы перформативны, то они различаются стремлением учредить те или иные реалии. Но, как мы видели, хотя это обычно ведет к образованию Иного, метод-сборки также реализуют различные реалии в разных местах и в разное время, что означает: истина уже не единственный арбитр. Позвольте мне подчеркнуть: уже не *единственный* арбитр. Это чрезвычайно важный вопрос во многих метод-сборках. «Истинно ли это?» — критический вопрос, от которого нельзя избавиться. Постоянная тема этой книги: метод-сборка не работает по прихоти и капризу. Она должна резонировать с обширным и материально гетерогенным множеством переплетенных отношений, если стремится предъявить реальность и соответствующее ей присутствие. Итак, *истина* — это благо. И она остается благом. Метод-сборки, не производящие соотносимые с истинами присутствия, могут быть привлекательными. Могут быть самые разные причины для их формирования. Но эти метод-сборки, чем бы они ни были, не связаны с возможными реальностями.

Но истина не единственное благо. Второй в списке значится *политика*. И если политика — это борьба за построение лучших социальных и (как мы теперь знаем) несоциальных сборок, тогда метод-сборка и ее продукты тоже могут быть рассмотрены политически. Метод-сборка не является политически невинной. Она делает политику. В своих различных версиях она делает одни (политические) сборки более возможными, более сильными, более реальными, при этом ослабляя и превращая в менее реальные другие. В этом состоит одна из причин, по которой я (наряду со многими учеными, представляющими STS, феминизм, исследования культуры) хотел бы открыть и расширить программу

реальности европейско-американской технонауки. Возможно, нужно создать множество онтико-эпистемических форм воображаемого. Будет ли это политическим благом, зависит от обстоятельств, содержания этого воображения и конкретных мест. Однако полный запрет на воображение в истинностной метод-сборке (например, путем изгнания воображения в периферийную зону эстетики) благом не является. Это политика производства Иного, предполагающая и навязывающая постулат, что единственность — это судьба, что расколдование — в природе вещей, что множественность — это ошибка.

Сходные аргументы применимы и к определенности. Являются ли текучие, дробные, множественные, неопределенные, активные реалии благом или нет, должно оцениваться в каждом конкретном случае. Не существует общего правила. Не существует политических благ в-себе и для-себя. (Сравните крушение поездов и водяной насос.) Но выдвигать общий запрет на признание реалий, демонстрирующих указанные свойства, значит реализовывать классовую политику в онтологии. И это плохо. Большая проницаемость и признание текучести (и всего остального) не могут быть в целом плохими. Тогда, это конец политической невинности. Истины не находятся с необходимостью, как склонна предполагать теория идеологии, в конфликте с политикой. Так или иначе, истины и политика сопутствуют друг другу. Или, по крайней мере, могут сопутствовать. И как только признана перформативность метода, это приводит к ответственности перед обоими этими благами.

Это аргумент признается, хотя и отчасти, в другом языке, во множестве политически радикальных вторжений в современную технонауку, например,

в отдельных версиях феминизма⁹. Но есть и другие блага, утраченные вследствие поглощенности истинной и политикой. Одним из них является, конечно же, *эстетика*. Так, разговор о «красоте», «изяществе», «пригодности» или «экономии» указывает на дальнейший набор благ. Но нужно снова быть осторожным. То, что принимается за «красоту», не может быть определено ни в общих терминах, ни независимо от контекста. (Абсолютистские теории являются не лучшими путеводителями по вкусам-на-практике, чем эпистемология — по истинам-на-практике.) Но где эстетика явным образом обнаруживается на практике? Ответ: чаще всего, не в тех метод-сборках, которые имеют дело преимущественно с реализацией истин. И любопытно, что эстетика чаще проявляется в точных науках, чем в социальных. Математики часто говорят об изяществе (все-таки из всех научных дисциплин в математике в наибольшей степени ценятся воображаемые объекты), подобное можно найти и в физике¹⁰. Но по крайней мере на первый взгляд идея, что истина в социальной науке как-то связана с красотой, кажется невероятной: чаще имеет место распространение довольно уродливого жаргона. В целом, в актуальной сборке эстетика относительно слабо связана с научными (естественными и социальными) истинами. По большей части она перепоручается искусству и потреблению. Мы видим еще одно преломление нововременного разделения труда, разве-

9. Мы столкнулись с этим, например, в работах Донны Харауэй. См.: Nagaway (1991a; 1991b; 1997; 2003).

10. Интересные подходы к эстетике в физике описаны Трэвиком. См.: Traweek (1988; 1999). Различные эстетические стили встроены в работу Теркля по использованию компьютера. См.: Turkle (1996).

диняющего различные области и предохраняющего истину от других благ.

Но если тезис, развернутый в этой книге, жизнеспособен, то отнюдь не очевидно, что подобное разделение труда — благо. Дело не в том, что нужен некий современный фашизм, в котором самоочевидным благом будет расцвет эстетики в ущерб всему остальному. Красота должна существовать наряду с истиной, но также и политикой. В любом случае, как отмечалось выше, они множественны в своих реализациях и формах. Но их отсутствие в процессах создания реальных не является благом. Разделение труда работает на исключение онтико-эпистемических эстетических форм воображаемого. Оно подавляет их текучесть, дробность, неопределенность и лишает нас почвы для переговоров о создании реальностей, которые были бы истинны, политически желательны и *при этом* прекрасны. Короче, оно отрицает за созданием реальности любую ответственность перед прекрасным, трактуя это как категориальную ошибку. Неявным образом с уродством можно мириться, пока то, что учреждается, истинно. Опять же, здесь нет общего правила — возможно, иногда это и так. Но нет необходимости настаивать, что эстетика всегда должна коллапсировать в эпистемологию, чтобы полагать, что их теперешняя разделенность — это плохо.

Разделение труда и сопровождающие его запреты и деления распространяются дальше. Возможно, справедливость связана с политикой, а возможно, и нет, и тогда еще одно благо строго исключается из учреждения истин. Но если эта связь все же есть, то возникает множество вопросов, сходных с поставленными выше. Может быть, лучше принимать во внимание, являются ли одни реалии более справедливыми, чем другие? Или могут ли отдель-

ные, более справедливые, сущности рассматриваться как более реальные, чем они есть в действительности? Похожие рассуждения применимы и к другим версиям блага. Например, является ли духовность благом? Квакеры и австралийские аборигены не единственные люди на земле, кто живет в пронизанном духовностью мире и участвует в сборках, создающих его реалии. Не единственные, кто знает (давайте расширим категорию), что мир заряжен и пропитан моментами вдохновения. Духовное и материальное нельзя здесь различить. Если мы указали, что акты вдохновения и духовные сущности реализуются (или могут быть реализованы) в некоторых мирах, то аргументы, подобные приведенным выше, должны работать и в данном случае.

Во-первых, представить, что акты вдохновения реальны, что они являются значимым благом для существования в мире, еще не значит утверждать, что они единственный вид блага. (Духовный редукционизм ведет к религиозному фундаментализму, который, как представляется, не есть слишком большое благо, кроме как для тех, кто стремится его реализовать.) Во-вторых, представить акты вдохновения в качестве реалий не значит сказать, что специфическая версия духовного или вдохновения является благом в любом конкретном контексте или практике. Общего правила нет. (Фашизм отчасти действует при помощи вдохновения и харизмы.) В-третьих. Рассматривать подобные акты в качестве блага, которое может быть значимым для реализации истин, не означает, что они всегда должны быть реализованы таким образом. Это предостерегающие замечания, которые я должен был сделать. Полное вытеснение актов вдохновения и духовных сущностей тоже имеет цену. Например, их можно понимать как выражение онтико-эпистемического во-

ображения. Как следствие, по крайней мере в своих наименее кодифицированных и насыщенных властью формах они способны создавать версии реального, которые распределяют активность более щедро и менее расчетливо дуалистично, и тем самым менее склонные трактовать природу как пассивную, реактивную и неразумную¹¹.

А если мы избежим грубой единственности мира, чувства, что реальность — это судьба? Тогда нужно будет сплести вместе различные блага. Возможно, будет необходимо представить и практиковать мирозидание как поток, вихрь, водоворот, в которых создаются и пересоздаются сцепления между различными частично связанными «благами», в которых истины, духовные сущности, акты вдохновения, формы справедливости и эстетики многообразно сплетаются друг с другом, порой сгущаются, но и частично остаются отделенными друг от друга. Хореография, танец, сплетение, частичные связи и частичные разделения, которые также могут распространиться на последнюю великую категорию, исключенную нововременным разделением труда — категорию личностного, персонального, область страхов, любви и страстей.

Харауэй как-то заметила, что «согласилась бы быть скорее киборгом, чем богиней»¹². Это прекрас-

11. Последняя работа Донны Харауэй о людях и собаках как видах-компаньонах развивает, несмотря на использование совершенного другого языка, аргумент тесно связанный с развиваемым здесь. См.: Nagaway (2003).

12. Это последняя строчка ее «Манифеста кибергов». См.: Nagaway (1991a, 181). Ее аргумент с необходимостью ситуативен, что отчасти связано с ее эротической и политической приверженностью измененной версии науки, в рамках которой последняя легко воспринимается как не-человеческая и фундаментально текучая. О другой части ре-

но, но если мы думаем о метод-сборках и «благах», вовсе не обязательно делать выбор. Поскольку существуют разные блага. Но ни одно из них не отделено полностью от истин реальности, кроме как в конвенциях, в нововременных обстоятельствах, в конвенциональных запретах метода.

Пере-упорядочение

Моим первым желанием было подорвать имеющее хождение в социальных науках методы или по крайней мере поставить в отношении них ряд вопросов. Эти методы имеют множество преимуществ, но также и многочисленные шоры. По ходу книги я пытался показать, что они предполагают и одновременно реализуют специфический набор метафизических допущений, которые могут и, как я полагаю, должны быть ослаблены. Но как насчет практики? Какими должны быть на практике альтернативные методы? Чем будут на практике медленные, спотыкающиеся, неопределенные, внимательные к описанному Аппельбаумом процессу методы? Какой была бы практика спокойного метода? Метода, предоставляющего меньше гарантий? Метода, менее захваченного логикой целей и средств? Метода, который был бы более щедрым?

Ответ, безусловно, заключается в том, что единственного ответа *нет*. Здесь *может* не быть единственного ответа. И, конечно же, сама способность ставить вопросы, во всяком случае, также важна, как и любой конкретный ответ, который мы можем найти. Если тезис, развернутый в этой книге, сдела-

левантного феминистского и духовного контекста см.: Starhawk (1989).

ет доступным для обсуждения более широкий круг методологических вопросов, я буду счастлив. Какие вопросы мы можем обсудить? Вот некоторые наиболее очевидные возможности:

1. *Процесс.* Европейско-американский метод отдает предпочтение результату, а не процессу. Возьмите любую заявку на грант, и вы увидите, что правила метода представляются как средства достижения цели — лучше узнать что-то или произвести некое вмешательство. Практические аспекты познания заключаются в скобки и трактуются как технические. Таким образом, первый набор вопросов должен иметь дело с анализом практики. Должны ли мы обращать внимание на практические аспекты создания реалий, на опосредования метод-сборки? Если ответ «да», тогда как мы можем это делать? Каковы модальности праксеографии? Тогда ключевой вопрос в следующем: должны ли мы заниматься *онтологическим процессом*? Ответ, предлагаемый в данной книге, состоит в том, что это жизненно важно. Деление на цели и средства — это особый способ нарезки пирога. Одни части процесса учреждения могут быть втиснуты в схему цель/средства, но другие — нет. Чтобы понять непрерывное и неопределенное учреждение онтологии и хорошо его приготовить, нам придется иметь дело не только со средствами и целями, но и с неопределенностями и неразрешимостями.
2. *Симметрия.* Европейско-американские подходы и методы склонны устанавливать правила обнаружения реалий. Эти правила различают плохие и хорошие методы. Они говорят, например, как нужно получать результаты и как составлять о них отчеты. Это разновидность асимметрии. Плохие результаты происходят из плохих методов, а хорошие — из других, приемлемых, форм

метода. Второе множество методологических вопросов касается симметрии. Должны ли мы рассматривать все практики, производящие и сгущающие реалии, как допустимые методы? Должны ли мы проявлять большую щедрость в наших определениях метода? Должны ли мы прекратить исключать целые классы практик из области метода? Я доказывал, что да: существует множество допустимых методов. Если мы хотим понять наши методы, то нам лучше рассматривать их систематически, исследовать их без предварительной оценки их адекватности в терминах наших допущений о том, что методологически правильно, а что — нет¹³.

3. *Множественность*. Если мы фокусируем внимание на практиках, то приходим к множественности, поскольку множество практик создает множество реальностей. Истина больше не единственный арбитр, как и реальность больше не предначертана судьбой. Если сильно упрощать, нам предстоит выбирать между различными реалиями по степени их желаемости. Мир всегда может быть другим. Можем ли мы с этим совладать? Мой ответ был «да». Если реальности создаются по-разному, тогда, как я подчеркивал, важным становится продумывание различных модусов созидания, позволяющих нам понять эту множественность. Мы нуждаемся в способах познания и реализации дробности и частичной связности.

13. Дело также в том, что симметрия всегда является движущейся мишенью. Аргумент симметрии предполагает, что все может быть сделано явленным. Но область Иного беспредельна. Только отдельные допущения могут быть сделаны явленными. Вопрос скорее в открытости и отношении к скрытым реалиям Иного, чем в составлении полного списка скрытых асимметрий.

4. *Рефлексивность*. Если мы обращаемся к практике, то это приводит нас к вопросам рефлексивности. Прежде всего, мы должны спросить себя, способны (и хотим) ли мы признать, что наши методы также *создают* реальности. Я настаивал на возможности и важности этого шага. В мире множественных «благ» это не потакание собственным желаниям, а необходимость. Но как это сделать? Один из ответов заключается в том, что нам нужно уделить внимание процессу, особенно способу, каким устанавливается граница между различными формами отсутствия: явленного отсутствия и отсутствия как Иного. Центральным становится вопрос, как эта граница создается и пересоздается, как и связанный вопрос о нашем собственном неустрашимом соучастии в создании реальности.
5. *Блага*. Внимание к практике, а также приверженность симметрии, множественности и рефлексивности предполагают, что истина перестает быть окончательным арбитром. Но если это так, должны быть приняты в расчет и другие блага. Вопрос в том, способны (и желаем) ли мы признать множественность благ, учреждаемых в метод-сборках. Я утверждал, что это жизненно необходимо. Но как мы должны мыслить о различных благах? Как они могут быть реализованы и связаны друг с другом и где? Это открытые вопросы. Однако я настаивал на важности определенных благ: истины, политики, справедливости, эстетики, вдохновения, духовности. Кратко я затронул и тему личности. Это открытая повестка. Как и где создавать различные блага, как устанавливать равновесие между ними — это тема для обсуждения. Где, например, мы были бы готовы пойти на разложение истин технауки в пользу других благ? Но не существует общих ответов. Нужны конкретные вопросы и не менее конкретные ответы.

6. *Воображаемые объекты.* Если мы признаем, что миры и реалии множественны, то стремимся ли мы тем не менее продвинуться к единственности? Есть ли у европейско-американского настоящего требования естественной определенности свои достоинства? Или же благом был бы поиск способов познания и производства реальности, позволяющих создавать множество возможных, более или менее реальных миров? В этой книге я высказал ряд аргументов в пользу аллегории как способа познания множественного и двусмысленного. Я также говорил о «собирации» — способе избежать дискурсов о связности и непротиворечивости. Но это только начало. Например, становится важным создание методов, не стремящихся прийти к универсальным заключениям, адвигающихся от одного конкретного места к другому. Как выглядели бы подобные методы? Вопрос открыт, и на него последует множество ответов.
7. *Материальности.* Вопрос здесь прост. Должны ли мы принять более щедрый и менее ограничивающий подход к тому, что в методе может и должно быть сделано присутствующим? Материальности метода? Должны ли материалы, отличные от тех, которым отдается преимущество в настоящее время, быть признаны в качестве присутствий, отражающих реальность, способствующих ее созданию? Должны ли мы выйти за пределы академических текстов к другим модальностям? [Задействовать] не только тексты и цифры, но и тела, приборы, театр, здания? Я ответил «да» на эти вопросы и утверждал, что реалии, которые мы знаем (и помогаем учреждать) по академическим текстам, будучи, безусловно, важными, все же слишком ограничены. Похоже, аллегория зачастую требует новых материальностей. Опять же, работа еще только предстоит. Необходим целый ряд материально инновационных методов.

8. *Неопределенность.* Я утверждал, что господствующие истинностные метод-сборки обычно рассчитаны на получение определенных результатов и потому создают определенные реальности. Является ли это благом или же слишком большим ограничением? Я ответил: «слишком большим ограничением». Наши методы должны хотя бы иногда (а скорее — часто) предъявлять неопределенные реалии. Важно осознать, что аллегория, несвязность, неопределенность — не обязательно знаки методологического краха.
9. *Пере-учреждение.* Европейско-американская метод-сборка в действительности дуалистична, поскольку устраняет из мира реального независимую активность. Должно ли вдохновленное дуализмом производство реального быть приостановлено или даже прекращено? Активны ли «естественные» реалии? В этой книге я отстаивал точку зрения, согласно которой настало время отвергнуть дуализм. Или точнее: пришло время аннулировать то становление-Иным, которое его подкрепляет и скрывает производящие его очаровывающие сложности. Поток и резонансы или паттерны, которые могут быть созданы и обнаружены в этом потоке, сами являются модусом очарованности. Но, так или иначе, в наших общераспространенных методах мы не только определяем место активности, но и стремимся к полному и систематическому разочарованию.

Заключение

Таковы вопросы *онтологической методологии*. Их конкретная форма отражает мои собственные интересы и повестку. Реализация, множественность, текучесть, аллегория, резонанс — таковы ключевые слова моего исследования того, что я называл ме-

год-сборкой. Но моя цель — скорее спровоцировать дискуссию, чем навязать новую ортодоксию. Если реальности создаются, то многие методологические очевидности социальных и естественных наук оказываются подорванными, и мы должны обсудить, что делать дальше. Забота об истине не будет и не должна быть устранена. Но различие между истинами и другими благами в лучшем случае прагматическое. Все виды сборок резонируют, чтобы тем или иным способом произвести истины. Но наши методы вовлечены и в другие блага: политику, эстетику, духовность, вдохновение, личную страсть (и этот список неполон).

На что можно рассчитывать в плане метода в мире, где столько много версий блага? И снова я не дам общего ответа. Но я хотел бы закончить предположением, что, возможно, полезно будет провести различие между «процедурными» и «организационными» вопросами.

Процедурные вопросы касаются того, *как хорошо провести исследование*. Какие блага встроить в конкретное исследование и в каких формах? Как отразить и реализовать в исследовании приверженность, например, истине, красоте, политике? Что представляет собой хорошее исследование железнодорожной катастрофы? Какие подходы и методы могут быть созданы для того, чтобы получить знание о безопасности, боли или замешательстве? Процедурные вопросы могут выглядеть как радикально расширенная, но при этом гораздо более скромная версия наших нынешних методологических дебатов. Радикально расширенная, поскольку процедурные вопросы будут отражать, как создавать не только истины, но и другие блага. Почему поезда столкнулись? Но что значит это «почему»? Какие реалии сделаны видимыми или невидимыми в том или ином спо-

себе исследования? Почему мы создаем реальности так, а не иначе? Есть ли место для того, что не может быть высказано? Какие *блага* явлены, а какие переведены в зону Иного? Каких благ мы должны добиваться? Как они могут быть связаны друг с другом? И, конечно, стоит ли это делать?

Подобные дебаты были бы одновременно и шире, и скромнее наших сегодняшних дискуссий о методе. Скромнее, поскольку заканчивались бы конкретными заключениями для конкретных исследований, что предполагает аллергию на общие правила методологической, политической, эстетической или любой другой гигиены, аллергию на любые общие установления. И не потому, что существуют различные блага, и не потому, что не стоит к ним стремиться или связывать их друг с другом, а потому, что больше нет общего пути, по которому можно было бы без усилий передвигаться из одного места в другое, не обращая внимания на своеобразие. Нет общего мира и нет общих правил. Существуют только конкретные реализованные частичные совпадения между временно сгущенными реалиями, которые должны быть созданы способом, производящим определенные версии блага, путешествующего только до определенного момента. Общее, как и универсальное, исчезает. Идея универсальной транспортируемости универсального знания всегда была химерой¹⁴. Но если исчезает универсальное, то же происходит с локальным, поскольку локальное есть подмножество универсального. Вместо этого мы остаемся с ситуативными реализациями и множествами частичных связей. Именно

14. Этот тезис развит в том числе и Латуром. См., например: Latour (1987).

им мы обязаны своими гетерогенными обязательствами.

Вместе с этими процедурными вопросами встают и *организационные*. Ибо то, что я описывал, знаменует начало конца нововременной конституции с ее разделениями труда — разделениями, стремящимися провести различия между истинами технонауки, эстетикой искусства, должным и недолжным политики и справедливости, духовными сущностями религии, эмоциями и телесностью личности. Конечно, существуют важные причины для проведения таких различий. Тезис о том, что истины легче создавать, если они отделены от политики, возможно, и верен. Разделение труда имеет то преимущество, что истины иногда оказываются политически подрывными.

Ставить под вопрос нововременную конституцию с ее требованием разделения труда — это не значит становиться адвокатом некоего недифференцированного, утопического социального и технического порядка. Это не призыв двигаться к обществу без разделения труда. Нет совершенного места, и, конечно, мы не нуждаемся в обществе, в котором каждое исследование отражало бы одновременную приверженность истине, красоте, политике и всем остальным возможным благам. Это был бы призыв к безудержному тоталитаризму, и так как внешнее дробно и комковато, в этом нет большого онтологического, а тем более политического смысла. Вещи гораздо сложнее, и единственная рекомендация не может больше применяться везде. *Не существует* универсального.

Проблема скорее в том, как правильно мыслить способы соотнесения мест и своеобразий. Они не отделены друг от друга деянием Бога или картографа. Наука, политика и эстетика не обитают в различных

сферах. Они переплетены. Их отношения пересекаются и резонируют самым неожиданным образом. Существует множество частичных связей и интерпретаций. Вопрос в следующем: как об этом правильно мыслить и как правильно действовать. Стены академии проницаемы не только в смысле постоянного требования полезности истин, но и в том гораздо более широком и созидательном смысле, который я пытался сгустить в этой книге.

Что это значит на практике? Я не знаю. Но одно совершенно ясно. В длительной перспективе более не является очевидным, что дисциплины и исследовательские поля естественных и социальных наук пригодны в своей нынешней форме. Уже не столь очевидно, что разделение труда желательно, — разделение труда, которое полагается на раздачу кусочков истины различным специалистам, избавленным тем самым от необходимости практиковать другие блага. После разделения универсального нам необходимы совершенно другие метафоры, чтобы составить представление о своих мирах и своей ответственности перед ними. Локальности. Свообразия. Реализации. Множественности. Дробности. Блага. Резонансы. Собираания. Формы изготовления. Процессы плетения. Спирали. Вихри. Неопределенности. Сгущения. Танцы. Формы воображаемого. Страсти. Интерференции. Вот некоторые метафоры для работы с методом, которым я пытался дать жизнь в этой книге. Метафоры, чтобы спотыкаться и останавливаться. Метафоры для более тихих и щедрых версий метода.

Глоссарий

Акторно-сетевая теория [actor-network theory]: подход в социотехническом анализе, который рассматривает сущности и материальности как учреждаемые и реляционные эффекты и исследует конфигурации и реконфигурации этих отношений. Их реляционность означает, что большинство онтологических категорий (например, «технология» и «общество», «человек» и «не-человек») рассматривается в качестве эффектов или результатов, а не средств объяснения. Акторно-сетевая теория широко используется как инструмент социотехнического анализа, хотя, возможно, лучше ее рассматривать как восприимчивость к материальности, реляционности и процессу. Спорно, является ли она теорией. В течение своего развития она принимала самые разные и порой несовместимые формы. В разное время ее критиковали за относительное отсутствие интереса к основным социальным асимметриям (вроде гендера), за отказ основывать свои объяснения на общепринятых онтологических категориях, за склонность к центрированному менеджериализму, уплощающий характер сетевой метафорики, и пренебрежение Инаковостью. Насколько эти упреки соответствуют ранней или современной работе, ведущейся в рамках этой традиции — вопрос открытый.

Аллегория [allegory]: искусство иметь в виду нечто иное, чем высказываемое, или что-то дополнительное к нему. Искусство расшифровки смысла, чтения между строк, чтобы понять что-то иное или нечто большее. Ремесло делания нескольких вещей одновременно, то, что описывается и может быть также передано этим описанием. Вездесущее, но часто вытесняемое в Инаковость в современных стандартных прочтениях репрезентации.

Взгляд из ниоткуда [view from nowhere]: выражение, обозначающее идею, что мы можем выйти вовне и получить картину мира в целом, которая не зависит от какого бы то ни было конкретного расположения или практики.

Внешнее (там-вовне) [out-there-ness]: представление, являющееся общим местом в европейско-американских и иных картинах мира и состоящее в том, что за пределами нас самих есть реальность. Этот тезис может быть разными способами уточнен и усилен. См.: Прimitивное внешнее, Независимость, Единственность и Определенность.

Внутреннее (здесь-внутри) [in-here-ness]: то, что произведено как присутствующее (к примеру, репрезентация или аллегория), и относится к и замещает то, что произведено как отсутствующее, но изображенное или означенное.

Воображаемое [imaginary]: «репертуар, посредством которого мир может быть воспроизведен в представлении и благодаря этому создан заново» (Vergan).

Деконструкция [deconstruction]: см. Постструктурализм.

Дискурс [discourse]: в своей фукинианской версии это множество отношений гетерогенной материальности, которое рекурсивно производит объекты, субъекты, знания, силы, распределения власти. Дискурс продуктивен. В то же время он учреждает границы возможного или познаваемого.

Дробность [fractionality]: метафора для выражения идеи, согласно которой объекты, субъекты и реалии (а также их хинтерланды) больше одного, но меньше множества. Это идея о том, что хинтерланды сложным образом частично пересекаются друг с другом. Способ избежать двух одинаково неудовлетворительных альтернатив: с одной стороны, идеи о том, что множественность и различие предполагают онтологический (и политический) плюрализм, в котором нет взаимодействий между множествами, и реальности умножаются без ограничений (своего рода релятивизм). А с другой — противоположной приверженности онтологической единственности, в которой мир понят как единственный и связный.

Единственность [singularity]: идея, согласно которой в мире есть определенные, ограниченные и потому единичные множества процессов, что мир — единичная вещь.

Идеализм [idealism]: см. Философский идеализм.

Избыток [excess]: то, что не может содержаться в нарративе или лингвистическом дискурсе, но необходимо ему. Способ говорить об Инаковости.

Инаковость (Иное) [otherness]: то, что не является ни присутствующим, ни признаваемым или явленным отсутствующим, но тем не менее создано посредством присутствия и участвует в его создании. Точнее, это то, что одновременно необходимо присутствию, но и необходимо же подавляется или вытесняется в отсутствие. См. также: Отсутствие.

Интерференция [interference]: паттерн, возникающий при пересечении двух волн. В материальной семиотике Харауэй это метафора расщепленного видения, которое заменяет репрезентацию или отражение, признавая свою обусловленность ситуацией и расщепленность. В то же самое время это действие, производящее политическое различие. См. также: Киборг.

Киборг [cyborg]: троп из феминистской материальной семиотики Донны Харауэй. Это множество частичных связей между двумя или более частями, которые не могут быть сведены друг к другу, но тем не менее связаны друг с другом отношениями. Эти части могут быть материальными (между машиной и человеком, человеком и животным), политическими (между разными политическими или социальными идентичностями и позициями) или могут существовать в напряжении между реальностью и вымыслом. Киборг — это политически производительный троп. Он учреждает возможные новые реалии, работая с материальными семиотическими отношениями и внутри них.

Конструктивизм [constructivism]: тезис, согласно которому то, как конструируются научные утверждения или истины, в значительной степени (а в некоторых вариантах и полностью) отражает социальные условия их производства. Несмотря на некоторые совпадения, программа социального конструктивизма отличается от подхода, основанного на идеях учреждения (реализации) и метод-сборки. Конструирование обычно предполагает, что поначалу у объектов нет устойчивых идентичностей, но с разворачиванием практик, переговоров и/или разногласий они постепенно определяются и таким образом постепенно стабилизируются как единичные. Напротив, учреждение, или реализация, не требует схождения к единственности,

но принимает различие и множественность в качестве постоянных условий.

Критический реализм [critical realism]: современная радикально-политическая версия реализма, опирающаяся на реалистическое предположение, что эмпирическое и экспериментальное исследование бессмысленно в отсутствие внешнего мира и человеческой способности вмешиваться в этот мир и наблюдать результаты исследовательской деятельности. Согласно критическому реализму, мир состоит из объектов, структур и причинных или иных сил, и работа ученого в том и заключается, чтобы предлагать открытые для пересмотра теории и гипотезы о них. Вводится различие между эмпирическим (возникающее в опыте), действительным (происходящее при активации структур или сил) и реальным (то, что есть вовне, структуры и силы, неважно видимы или активированы ли они). Это означает, что возникающее в эмпирическом, несмотря на свою важность, может вводить в заблуждение. Кроме того, реальное может быть выявлено действительным, а может и нет. Надежного способа определить, что именно реально, нет. Также вводится различие между транзитивным (грубо говоря, объектами знания) и транзитивным (используемыми в знании теориями или понятиями), причем транзитивное в отличие от нетранзитивного социально локализовано и изменчиво. Никаких утверждений не делается о достоверности или основаниях области транзитивного, так как теории или понятия могут быть отброшены и заменены альтернативами. В терминах, предложенных в этой книге, реализм и критический реализм объединяет приверженность по крайней мере идеям единственности, предшествования, независимости и, вероятно, определенности реального, в том числе в его примитивной, или исходной, версии.

Материальная семиотика [material semiotics]: см. Акторно-сетевая теория, Феминистские исследования технонауки, Киборг и Интерференция.

Материальность [materiality]: способ мышления о материальном, рассматривающий его как непрерывно учреждаемый реляционный эффект. Это значит, что вещи не существуют сами по себе, а бесконечно порождаются и по крайней мере потенциально переформируются. Материальность следует отличать от материализма,

который, будучи противоположностью идеализма, заявляет, что реальное материально, а идеальное производно от материальной организации. Материальность, напротив, не предполагает никаких априорных различий между материальным и идеальным.

Метафизика [metaphysics]: в философии непроверяемые и часто неявные допущения, которые учреждаются в опыте и дискуссии и структурируют их.

Метод-сборка [method assemblage]: в общем случае это процесс создания и учреждения необходимых границ между присутствием, значимым отсутствием и Инаковостью. Метод-сборка производительна или перформативна, производит присутствие и отсутствие. Это создание или связывание отношений в три компонента: (а) то, что здесь-внутри, или присутствует; (б) то, что отсутствует, но явлено (то есть, оно описано, явным образом значимо для присутствия и может быть увидено); (в) отсутствующее, но Иное, поскольку будучи необходимым для присутствия, оно в то же время скрыто, подавлено или не вызывает интерес. Присутствие может принимать форму изображений (репрезентационных и/или аллегорических) или объектов. Явленное отсутствие может принимать форму репрезентируемой реальности там-вовне или значимого контекста для объекта. Метод-сборка отличается от сборки преимуществом, отдаваемым порождению присутствия. Определение само по себе симметрично и ничего не говорит нам о форме, принимаемой присутствием, отсутствием или отношениями между ними. Рабочая версия определения метод-сборки предложена в Главе 2. Здесь же она рассматривается как реализация связки ветвящихся отношений, которые порождают репрезентации здесь-внутри и репрезентированные реалии там-вовне. Это частный случай более общего определения, данного выше.

Множественность [multiplicity]: как и различие, это одновременное учреждение объектов в разных практиках, когда эти объекты считаются одним и тем же. Отсюда тезис о том, что есть много реальностей, а не одна. Так получается потому, что практики бесконечно изменчивы и отличаются друг от друга. Добавочный тезис, что практики разнообразно и непредсказуемо пересекаются, так что всегда есть интерференции между

разными реальностями. Множественность несовместима с единственностью, а также плюрализмом.

Модальности [modalities]: условия или контексты, добавляемые к утверждениям о реальности и так или иначе определяющие их. Иногда при этом ослабляется сила этих высказываний.

Независимость [independence]: приверженность идее, согласно которой внешнее обычно не зависит от наших действий и восприятий.

Неопределенность [indefiniteness]: см. Определенность.

Объект [object]: созданная версия сгущенного присутствия, которая принимает форму процесса или сущности, проистекающих из упорядоченной формы отсутствия и определяющей ее. См.: Метод-сборка.

Онтологическая политика [ontological politics]: если реалии учреждаются, то реальность в принципе не фиксирована или не единственна, а истина больше не является единственным основанием для принятия или отвержения репрезентации. Соответственно, возможны разные причины (включая, политические) учреждения одного типа реальности, а не другого, и эти основания в какой-то мере можно оспаривать. Это онтологическая политика.

Онтология [ontology]: ветвь философии, исследующая то, что есть, и из чего состоит реальность там-вовне.

Опосредование [mediation]: процесс учреждения отношений между сущностями, которые в рамках этого процесса получают форму.

Определенность [definiteness]: предположение, согласно которому внешнее или отсутствие имеет определенную форму. Одно из допущений стандартных версий реализма.

Остенсия [ostension]: определение термина через указание на объект или событие, которое термин обозначает.

Отсрочка [deferral]: выражение постструктуралистской идеи, согласно которой создать присутствующее значит одновременно создать отсутствующее. Отсрочка — это выведение и вычеркивание необходимого отсутствия в будущее.

Отсутствие [absence]: необходимое Иное присутствия, которое реализуется и конституируется вместе с последним, а также помогает конституировать его. В метод-сборке есть две формы отсутствия. Явленное отсутствие — то, что отсутствует, но признано в качестве значимого для присутствия или представлено в нем. Отсутствие

как Инаковость — это то, что отсутствует, потому что учреждается присутствием как неуместное, невозможное или подавленное. См. также: Инаковость.

Перформативность [performativity]: тезис, согласно которому слова влияют на реальность. В более общем случае это тезис о том, что в процессы учреждения производят реалии.

Плюрализм [pluralism]: идея о том, что точки зрения или, более общо, реалии могут сосуществовать в разных местах без интерференции друг с другом до тех пор, пока для регуляции отношений между ними и обеспечения независимости друг от друга можно задействовать подходящие базовые принципы. Отсюда версия единственности (поскольку базовые принципы должны разделяться всеми). Поэтому плюрализм следует отличать от множественности.

Постструктурализм [post-structuralism]: философское течение середины и конца XX века, которое критикует то, что называет метафизикой присутствия, утверждая, что попытки свести все к присутствию (к примеру, в форме прозрачной репрезентации) обречены на провал. Дело в том, что присутствие с необходимостью требует отсутствия: эта пара создается или возникает вместе. У этого тезиса есть ряд следствий. Во-первых, какой бы полной ни была репрезентация, она обнаружит следы Инаковости, отсутствия или того, что необходимо присутствию, но было подавлено. (Деконструкция — это анализ текстов и иных присутствий с целью обнаружить следы отсутствия или Инаковости.) Во-вторых, процесс создания присутствующего также производит Иное или отсутствующее. Третье следствие: что бы ни было за пределами присутствия, оно непослушно, избыточно и, возможно, воспринимается как поток. В-четвертых, отдельные учрежденные версии реальности устанавливают границы тому, что они могут знать или творить. Понятия вроде «дискурс», «отсрочка» или «эпистема» указывают на такие пределы. Хотя тексты постструктуралистов часто считаются абстрактными и требовательными по части философской подготовки, многие авторы, ассоциированные с этим течением или испытавшие его влияние, по характеру своей работы эмпирически или исторически ориентированы (например, Фуко, Латур, Харауэй, Мол).

- Поток [flux]: интуиция, согласно которой что бы там ни было вовне, оно не является структурой с подлежащей открытию формой, а избыточно заполнено гетероморфными потоками, вихрями, течениями, водоворотами, непредсказуемыми изменениями, штормами и моментами затишья и спокойствия, а также создается в них.
- Предшествование [anteriority]: внешнее, или там-вовне, рассматриваемое как предшествующее процессу его познания. Одно из допущений стандартных версий реализма.
- Примитивное внешнее [primitive out-there-ness]: интуиция, что за пределами нас самих есть реальность. Ничего конкретного о ее характере не утверждается.
- Приостановка [stop]: вариант деконструкции, в которой однородный нарратив, возникший в присутствии, обнаруживает разрыв или прерывание, открывающее неопределенности Инаковости.
- Проблема различия [problem of difference]: одновременное существование разных объектов, которые считаются тождественными. Как показывает Анн-Мари Мол, это происходит потому, что если объекты реализуются в практиках, и это разные практики, то различны и производимые ими объекты, даже если рассматриваемые практики, как считается, связаны с одним и тем же объектом или являются его аспектами. Тогда в отношениях между практиками/объектами возникают проблемы координации или разделения.
- Просвещение [Enlightenment]: классическое в философском смысле рассмотрение знания как продукта разума, эмпирического исследования и как инструмента социального переустройства. Исторически это период и движение в Европе XVIII века.
- Реализм [realism]: подход в философии науки, утверждающий, что эмпирическое и экспериментальное исследование бессмысленно в отсутствие внешнего мира и способности человека вмешиваться в этот мир и наблюдать результаты своих действий. См. также: Критический реализм.
- Релятивизм [relativism]: идея, согласно которой вещи равнозначны, и нет оснований, чтобы предпочитать одни другим. Есть по меньшей мере три версии этой идеи. Эпистемологический релятивизм утверждает, что знание в вашей культуре имеет такую же ценность, как и знание в моей культуре. Нет оснований, чтобы

заявлять, что мой подход к внешнему сколько-нибудь лучше, чем ваш. Согласно этическому релятивизму, этика ситуативно обусловлена и локальна, и нет оснований, чтобы утверждать, что мои этические стандарты сколько-нибудь лучше ваших. Политический релятивизм имеет ту же форму: нет оснований предпочесть вашу политику моей. Нам следует жить и давать жить другим. Релятивизм тесно связан с плюрализмом и может быть понят как иное по отношению к единственности. Его следует отличать от множественности и порождения дробности в практиках, где разные реалии, знания, этики и политики частично связаны и интерферируют друг с другом.

Репрезентация [representation]: произведенная версия сгущенного присутствия, которая изображает и воспроизводит значимое отсутствие. При этом заявляется или предполагается, что ее изображения — это относительно прямые выражения значимого отсутствия. См.: Метод-сборка.

Романтизм [romanticism]: в философии идея, согласно которой мир настолько богат, что истории, которые мы можем рассказать о нем, несводимы либо одна к другой, либо (в некоторых случаях) к одному набору всеобъемлющих, предельных процессов. Одновременно выдвигается требование не потерять это богатство. Исторически это реакция на рационализм Просвещения.

Сгущение [condensation]: созданное присутствие, которое может принимать разнообразные материальные формы.

Символический интеракционизм [symbolic interactionism]: преимущественно американская традиция в социологии, опирающаяся на анализ практики и рассматривающая знания и идентичности как производимые в определенных практиках и неустранимые из них. Находясь под сильным влиянием философского романтизма, оно относительно скептически относится к Просвещению или классическим тезисам о том, что знание может быть формализовано и отделено от практик и культур.

Симметрия [symmetry]: принцип, согласно которому все феномены должны рассматриваться с помощью одного и того же типа объяснения или подхода. В контексте науки это значит, что истинность или ложность научных идей не должны влиять на характер объяснения и все должно объясняться в одних и тех же терминах. В этой книге

данный принцип применен к методу. Метод-сборка — это способ мыслить в одинаковых терминах обо всех методах, вписываются они в нормативные правила для метода социальной науки или нет.

Собирание [gathering]: метафора вроде связывания в узел или образования пучка в широком определении метод-сборки. Коннотации: процесс объединения, связывания, сбора, собрания или совместного протекания. Метафора используется для разговора об отношениях без соотнесения этих отношений с нормативной логикой, предполагаемой (не)противоречивостью или (не)связностью.

Создание, изготовление [crafting]: учреждение и сгущение присутствия в метод-сборке. Это необязательно человеческая деятельность.

Универсализм [universalism]: идея о том, что истинное знание основывается на универсальных критериях, которые могут и должны быть применены ко всем релевантным контекстам. Отсюда идея, что истинное знание остается неизменным при смене контекста.

Устройство записи [inscription device]: система (в том числе зачастую и машина, но не только) производства записей или следов из материалов, принимающих другие формы. Может быть понято как отдельная модальность для опосредования внешнего (там-вовне) и внутреннего (здесь-внутри).

Учреждение (реализация) [enactment]: тезис о том, что отношения, а также реалии и репрезентации реалий (или, в общем случае, отсутствия и присутствия) бесконечно или постоянно возникают в продолжающемся процессе производства и воспроизводства. Вне этих процессов у них нет ни статуса, ни положения, ни реальности. «Реализация» [enactment] близко по смыслу к «исполнению» [performance]¹⁵, но предпочтительнее, поскольку «исполнение» широко использовалось применительно к театру или человеческой деятельности в целом.

Фаллибилистский метод [fallibilist method]: подход к методу, рассматривающий его теории, претензии на истину или пропозиции в качестве опровержимых и ищущий

15. Одно из словарных значений слова «enactment» «исполнение театральной роли». — *Примеч. пер.*

их опровержения на том основании, что в долгосрочной перспективе это наилучший способ увеличить силу, охватываемую область или достоверность знания. Ассоциируется с работами Карла Поппера, а также реализмом и критическим реализмом.

Феминистские исследования технонауки [feminist technoscience studies]: пестрый корпус эмпирических и теоретических исследований, посвященных характеру технологии и науки и вдохновленных феминистской теорией и политикой. Главные темы или исследовательские линии:

А. Так называемый эмпирический феминизм, пытающийся описать гендерное неравенство в науке и технологии.

Б. Эпистемологическая критика, исследующая гендерную дифференциацию (*gendering*), встроенную в научный метод и научные выводы и являющуюся следствием социального характера формирования науки.

В. Эпистемология точки зрения, утверждающая, что истина, или по меньшей мере работающая версия знания, с наибольшей вероятностью (или даже лишь только) производится подчиненными точками зрения, в особенности женщин или феминисток.

Г. Материальная семиотика, в качестве освободительного проекта исследующая и стремящаяся работать с отношениями одновременно материальными и семиотическими, которые учреждаются как частично связанные паттерны практики, знания, субъективности, объективности и господства. Она делает это путем их рассеивания с целью проведения различия. Материальная семиотика делает ставку на частичную точку зрения, расщепленное видение и ситуативно обусловленное знание, утверждая, что невозможно быть вне какой-либо ситуации и что идентичности, ситуации знания, политика и действие скорее гетерогенны и несводимы друг к другу, чем когерентны.

Философский идеализм [philosophical idealism]: ветвь философии, в которой утверждается, что реальное нематериально — к примеру, реальное может принимать форму идеального или духовного — и что идеальное своей деятельностью производит видимость материального.

Хинтерланд [hinterland]: пучок неопределенно далеко распространяющихся и более или менее рутинизированных и затратных литературных [liter-

агу] и материальных отношений, которые включают утверждения о реальности и сами реалии. Хинтерланд включает в себя устройства записи и учреждает топографию возможностей, невозможностей и вероятностей реальности. Конкретная метафора для отсутствия и присутствия.

Цели и средства [means and ends]: стратегия иерархической организации, которая учреждает и подчиняет процесс или практику достижению значимой цели. Следовательно, в этом режиме большинство текущих процессов учреждения либо становятся Иными, либо рассматриваются как техники.

Эпистема [episteme]: в археологии Фуко множество стратегий, лежащих в основании социального тела, пронизывающих и производящих его. Они производят возможности, но также учреждают границы условий возможности. См. также: Дискурс.

Явленное отсутствие [manifest absence]: см. Отсутствие.

Библиография

- Addelson K.* (1994), *Moral Passages: Towards a Collectivist Moral Theory*, New York and London: Routledge.
- Alpers S.* (1989), *The Art of Describing: Dutch Art in the Seventeenth Century*, London: Penguin.
- Althusser L.* (1971), 'Ideology and Ideological State Apparatuses (Notes towards an investigation)', pp. 121–173 in L. Althusser (ed.), *Lenin and Philosophy and Other Essays*, London: New Left Books. (Русский перевод: *Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. 2011. 3(77).*)
- Appelbaum D.* (1995), *The Stop*, Albany, NY: SUNY Press.
- Ascherson N.* (2002), 'Hitler's Teeth: Review of Berlin: The Downfall, 1945 by A. Beever', *London Review of Books*, 28 November 2002, 15–16.
- Ashmore M.* (1989), *The Reflexive Thesis*, Chicago: Chicago University Press.
- Ashmore M., M. J. Mulkey, T. J. Pinch* (1989), *Health and Efficiency: A Sociology of Health Care Economics*, Milton Keynes: Open University Press.
- Ayre M.* (2002), 'Yolngu Places and People: Taking Aboriginal Understandings Seriously in Land and Sea Management', PhD, University of Melbourne.
- Bardon G., and T. L. Tjapaltjarri* (n.d.), 'The Great Painting, Nap- per by Death Spirit Dreaming', pp. 46–47 in J. Ryan (ed.), *Mythscape: Aboriginal Art of the Desert from the National Gallery of Victoria*, Melbourne: National Gallery of Victoria.
- Barnes B.* (1977), *Interests and the Growth of Knowledge*, London: Routledge & Kegan Paul.
- Barnes B.* (1982), *T. S. Kuhn and Social Science*, London: Macmillan.
- Barnes J.* (1990), *A History of the World in 10 1/2 Chapters*, London: Picador. (Русский перевод: *Барнс Дж. (2005) История мира в 10 1/2 главах. М.: Б.С.Г.-Пресс, Иностранная литература*)

- Baskhar R.* (1979), *A Realist Theory of Science*, Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf.
- Bauman З.* (1989), *Modernity and the Holocaust*, Cambridge: Polity Press. (Русский перевод: *Бауман З.* Актуальность холокоста. М.: Европа, 2010.)
- Becker H. S.* (1982), *Art Worlds*, Berkeley: University of California Press.
- Benton Т., I. Craib* (2001), *The Philosophy of Social Science*, Basingstoke: Palgrave.
- Bloor D.* (1976), *Knowledge and Social Imagery*, London: Routledge & Kegan Paul.
- Bryson N.* (1983), *Vision and Painting: The Logic of the Gaze*, Language, Discourse, Society, Basingstoke: Macmillan.
- Butler J.* (1993), *Bodies that Matter: On the Discursive Limits of 'Sex'*, New York and London: Routledge.
- Callon M.* (1986), 'Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of Saint Brieuc Bay', pp. 196–233 in J. Law (ed.), *Power, Action and Belief: A New Sociology of Knowledge? Sociological Review Monograph*, 32, London: Routledge & Kegan Paul.
- Callon M.* (1998a), 'An Essay on Framing and Overflowing: Economic Externalities Revisited by Sociology', pp. 244–269 in M. Callon (ed.), *The Laws of the Markets*, Oxford and Keele: Blackwell and the Sociological Review.
- Callon M.* (1998b), 'Introduction: The Embeddedness of Economic Markets in Economics', pp. 1–57 in M. Callon (ed.), *The Laws of the Markets*, Oxford and Keele: Blackwell and the Sociological Review.
- Callon M., B. Latour* (1992), 'Don't Throw the Baby Out with the Bath School! A Reply to Collins and Yearley', pp. 343–368 in A. Pickering (ed.), *Science as Practice and Culture*, Chicago: Chicago University Press.
- Campbell C.* (1987), *The Romantic Ethic and the Spirit of Modern Consumerism*, Oxford: Blackwell.
- Chatwin B.* (1998), *The Songlines*, London: Vintage Classic.
- Chevalley A., M. Chevalley* (eds) (1963), *The Concise Oxford French Dictionary*, Oxford: Clarendon Press.
- Clifford J.* (1997), *Routes: Travel and Translation in the Late Twentieth Century*, Cambridge, MA and London: Harvard University Press.

- Clifford J., G. E. Marcus (eds) (1986), *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*, Berkeley, Los Angeles and London: University of California Press.
- Collins H.M. (1974), 'The TEA Set: Tacit Knowledge and Scientific Networks', *Science Studies*, 4: 165–185.
- Collins H.M. (1975), 'The Seven Sexes: A Study in the Sociology of a Phenomenon, or the Replication of Experiments in Physics', *Sociology*, 9: 205–224.
- Collins H.M. (1981a), 'The Place of the "Core Set" in Modern Science: Social Contingency with Methodological Propriety in Science', *History of Science*, 19: 6–19.
- Collins H.M. (1981b), 'Son of Seven Sexes: The Social Destruction of a Physical Phenomenon', *Social Studies of Science*, 11: 33–62.
- Collins H.M., S. Yearley (1992), 'Epistemological Chicken', pp. 301–326 in A. Pickering (ed.), *Science as Practice and Culture*, Chicago: Chicago University Press.
- Cooper R. (1998), 'Assemblage Notes', pp. 108–129 in R. C. H. Chia (ed.), *Organized Worlds: Explorations in Technology and Organization with Robert Cooper*, London and New York: Routledge.
- Crossman R. (1975), *Diary of a Cabinet Minister, Vol. 1, Minister of Housing, 1964–1966*, London: Hamish Hamilton and Jonathan Cape.
- Cullen W.D. (2001), *The Ladbroke Grove Rail Inquiry, Part 1*, Norwich: HSE Books, Her Majesty's Stationery Office.
- Cussins C. M. (1998a), 'Ontological Choreography: Agency for Women Patients in an Infertility Clinic', pp. 166–201 in M. Berg and A. Mol (eds), *Differences in Medicine: Unravelling Practices, Techniques and Bodies*, Durham, NC and London: Duke University Press.
- Cussins C. M. (1998b), 'Producing Reproduction: Techniques of Normalization and Naturalisation in Infertility Clinics', pp. 66–101 in S. Franklin and H. Ragoné (eds), *Reproducing Reproduction: Kinship, Power and Technological Innovation*, Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Cussins C. M. (1998c), "'Quit Sniveling, Cryo-Baby. We'll Work Out Which One's Your Mama!'", pp. 40–66 in R. Davis-Floyd and J. Dumit (eds), *Cyborg Babies: From Techno-Sex to Techno-Tots*, New York and London: Routledge.
- Daston L. (1999), 'Objectivity and the Escape from Perspective', pp. 110–123 in M. Biagioli (ed.), *The Science Studies Reader*, New York and London: Routledge.

- de Laet M., A. Mol* (2000), 'The Zimbabwe Bush Pump: Mechanics of a Fluid Technology', *Social Studies of Science*, 30: 225–263.
- Deleuze G., F. Guattari* (1988), *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*, London: Athlone. (Русский перевод: *Делез Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато: капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.)
- Deleuze G., C. Parnet* (1987), *Dialogues*, London: Athlone.
- Derrida J.* (1982), 'Différance', pp. 1–27 in *Margins of Philosophy*, Helmut Hempstead: Harvester Wheatsheaf. (Русский перевод: *Деррида Ж.* Различае <Différance> // Деррида Ж. Поля философии. М.: Академический проект, 2012. С. 24–51.)
- Doll R., A. B. Hill* (1950), 'Smoking and Carcinoma of the Lung', *British Medical Journal*, 2: 739–748.
- Douglas M.* (1982), 'Cultural Bias', pp. 183–254 in *M. Douglas (ed.), In the Active Voice*, London: Routledge & Kegan Paul.
- Feyerabend P.K.* (1975), *Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge*, London: New Left Books. (Русский перевод: *Фейерабенд П.* Против метода: очерк анархистской теории познания. М.: АСТ, Хранитель, 2007.)
- Foucault M.* (1970), *The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences*, London: Tavistock. (Русский перевод: *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977.)
- Foucault M.* (1972), *The Archaeology of Knowledge*, London: Tavistock. (Русский перевод: *Фуко М.* Археология знания. СПб.: Гуманитарная Академия; Университетская книга, 2004.)
- Foucault M.* (1979), *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*, Harmondsworth: Penguin. (Русский перевод: *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.)
- Foucault M.* (1981), *The History of Sexuality, Volume 1: An Introduction*, Harmondsworth: Penguin. (Русский перевод: *Фуко М.* Воля к знанию. История сексуальности. Т. 1 // *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., Касталь, 1996.)
- Goffman E.* (1971), *The Presentation of Self in Everyday Life*, Harmondsworth: Penguin. (Русский перевод: *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс, 2000.)

- Gouldner A.* (1973), 'Romanticism and Classicism: Deep Structures in Social Science', pp. 323–366 in A. Gouldner (ed.), *For Sociology*, London: Allen Lane.
- Gusfield J. R.* (1981), *The Culture of Public Problems: Drinking-Driving and the Symbolic Order*, Chicago: University of Chicago Press.
- Hacking I.* (1990), *The Taming of Chance*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Hacking I.* (1992), 'The Self-Vindication of the Laboratory Sciences', pp. 29–64 in A. Pickering (ed.), *Science as Practice and Culture*, Chicago and London: Chicago University Press.
- Hall S.* (1992), 'The West and the Rest: Discourse and Power', pp. 275–331 in S. Hall and B. Gieben (eds), *Formations of Modernity*, Cambridge: Polity and Open University Press.
- Haraway D. J.* (1989), *Primate Visions: Gender, Race and Nature in the World of Modern Science*, London: Routledge.
- Haraway D. J.* (1991a), 'A Cyborg Manifesto: Science, Technology and Socialist Feminism in the Late Twentieth Century', pp. 149–181 in D. Haraway (ed.), *Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature*, London: Free Association Books. (Русский перевод: *Харауэй Д.* Манифест киборгов // Гендерная теория и искусство. Антология. М.: РОССПЭН, 2005.)
- Haraway D. J.* (1991b), 'Situated Knowledges: the Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective', pp. 183–201 in D. Haraway (ed.), *Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature*, London: Free Association Books.
- Haraway D. J.* (1997), *Modest_Witness@Second_Millennium.FemaleMan©_Meets_OncoMouse™: Feminism and Technoscience*, New York and London: Routledge.
- Haraway D. J.* (2003), *The Companion Species Manifesto: Dogs, People, and Significant Otherness*, Chicago: Prickly Paradigm Press.
- Harvey D.* (1993), 'Class Relations, Social Justice and the Politics of Difference', pp. 41–66 in M. Keith and S. Pile (eds), *Place and the Politics of Identity*, London and New York: Routledge.
- Hesse M. B.* (1963), *Models and Analogies in Science*, London: Sheed & Ward.
- Hesse M. B.* (1974), *The Structure of Scientific Inference*, London: Macmillan.

- Hine C.* (2000), *Virtual Ethnography*, Thousand Oaks, CA, London and New Delhi: Sage.
- Hirschauer S.* (1998), 'Performing Sexes and Genders in Medical Practices', pp. 13–37 in M. Berg and A. Mol (eds), *Differences in Medicine: Unravelling Practices, Techniques and Bodies*, Durham, NC: Duke University Press.
- Hirschauer S., A. Mol* (1995), 'Shifting Sexes, Moving Stories: Feminist/Constructivist Dialogues', *Science, Technology and Human Values*, 20: 368–385.
- Hockney D.* (2001), *Secret Knowledge: Rediscovering the Lost Techniques of the Old Masters*, London: Thames & Hudson.
- Ingold T.* (2000), *The Perception of the Environment: Essays in Livelihood, Dwelling and Skill*, London and New York: Routledge.
- Jameson F.* (1991), *Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism*, London: Verso.
- Kerle A.* (1995), *Uluru, Kata Tjuta & Watarrka: Ayers Rock, the Olgas & Kings Canyon, Northern Territory*, Sydney: University of New South Wales Press.
- Klinenberg E.* (2002), *Heat Wave: A Social Autopsy of Disaster in Chicago*, Chicago and London: Chicago University Press.
- Knorr Cetina K. D.* (1981), *The Manufacture of Knowledge: An Essay on the Constructivist and Contextual Nature of Science*, Oxford: Pergamon Press.
- Knorr Cetina K. D.* (1999), *Epistemic Cultures: How the Sciences Make Knowledge*, Cambridge, MA and London: Harvard University Press.
- Kuhn T. S.* (1970), *The Structure of Scientific Revolutions*, Chicago: Chicago University Press. (Русский перевод: *Кун Т. Структура научных революций*. М.: Прогресс, 1975.)
- Lacqueur T.* (1990), *Making Sex: Body and Gender from the Greeks to Freud*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Lakatos I., A. Musgrave* (eds) (1970), *Criticism and the Growth of Knowledge*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Latour B.* (1987), *Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society*, Milton Keynes: Open University Press. (Русский перевод: *Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри сообщества*. СПб.: Издательство Европейского университета в С.-Петербурге, 2013.)
- Latour B.* (1988), *Irréductions*, published with *The Pasteurisation of France*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

- Latour B.* (1990), 'Drawing Things Together', pp. 19–68 in M. Lynch and S. Woolgar (eds), *Representation in Scientific Practice*, Cambridge, MA: MIT Press.
- Latour B.* (1993), *We Have Never Been Modern*, Brighton: Harvester Wheatsheaf. (Русский перевод: *Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Издательство Европейского университета в С.-Петербурге, 2006.)
- Latour B.* (1996), *Aramis, or the Love of Technology*, Cambridge, MA: MIT Press.
- Latour B.* (1997), 'Foreword: Stengers's Shibboleth', pp. vii–xx in I. Stengers (ed.), *Power and Invention: Situating Science*, Minneapolis and London: University of Minnesota Press.
- Latour B.* (1998), *Pandora's Hope: Essays on the Reality of Science Studies*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Latour B., S. Woolgar* (1986), *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*, Second Edition, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Law J.* (1994), *Organizing Modernity*, Oxford: Blackwell.
- Law J.* (1998), 'After Metanarrative: On Knowing in Tension', pp. 88–108 in R. Chia (ed.), *Into the Realm of Organisation: Essays for R. Cooper*, London: Routledge.
- Law J.* (2000), 'Transitivities', *Society and Space*, 18: 133–148.
- Law J.* (2002a), *Aircraft Stories: Decentering the Object in Technoscience*, Durham, NC: Duke University Press.
- Law J.* (2002b), 'Economics as Interference', pp. 21–38 in P. du Gay and M. Pryke (eds), *Cultural Economy*, London: Sage.
- Law J.* (2002c), 'Objects and Spaces', *Theory, Culture and Society*, 19: 91–105. (Русский перевод: *Ло Д.* Объекты пространства // Социология вещей. М.: Территория будущего, 2006.)
- Law J., R. Benschop* (1997), 'Resisting Pictures: Representation, Distribution and Ontological Politics', pp. 158–182 in K. Hetherington and R. Munro (eds), *Ideas of Difference: Social Spaces and the Labour of Division*, Sociological Review Monograph, Oxford: Blackwell.
- Law J., A. Mol* (1995), 'Notes on Materiality and Sociality', *Sociological Review*, 43: 274–294.
- Law J., A. Mol* (1998), 'On Metrics and Fluids: Notes on Otherness', pp. 20–38 in R. Chia (ed.), *Organised Worlds: Explorations in Technology, Organisation and Modernity*, London: Routledge.

- Law J., A. Mol* (2001), 'Situating Technoscience: An Inquiry into Spatialities', *Society and Space*, 19: 609–621.
- Law J., A. Mol* (eds) (2002), *Complexities: Social Studies of Knowledge Practices*, Durham, NC: Duke University Press.
- Law J., V. Singleton* (2003), 'Allegory and its Others', pp. 225–254 in D. Nicolini, S. Gherardi, D. Yanow (eds), *Knowing in Organizations: a Practice Based Approach*, New York: M. E. Sharpe.
- Law J., V. Singleton* (forthcoming), 'Object Lessons', *Organization*.
- Law J., J. Urry* (2004), 'Enacting the Social', *Economy and Society*.
- Lawson H.* (2001), *Closure: A Story of Everything*, London and New York: Routledge.
- Layton R.* (1989), *Uluru: An Aboriginal History of Ayers Rock, Canberra: Aboriginal Studies Press*.
- London Yearly Meeting of the Religious Society of Friends (1960), *Christian Faith and Practice in the Experience of the Society of Friends*, London: Religious Society of Friends.
- Lynch M.* (1985), *Art and Artifact in Laboratory Science: A Study of Shop Work and Shop Talk in a Research Laboratory*, London: Routledge & Kegan Paul.
- Mannheim K.* (1953), 'Conservative Thought', pp. 74–164 in K. Mannheim (ed.), *Essays on Sociology and Social Psychology*, London: Routledge & Kegan Paul. (Русский перевод: Мангейм К. Консервативная мысль // Мангейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 572–668.)
- Merton R. K.* (1973a), 'The Normative Structure of Science', pp. 267–278 in N. W. Storer (ed.), *The Sociology of Science*, Chicago: Chicago University Press.
- Merton R. K.* (1973b), 'Science and the Social Order', pp. 254–266 in N. W. Storer (ed.), *The Sociology of Science*, Chicago: Chicago University Press.
- Mol A.* (1999), 'Ontological Politics: A Word and Some Questions', pp. 74–89 in J. Law and J. Hassard (eds), *Actor Network Theory and After*, Oxford and Keele: Blackwell and the Sociological Review.
- Mol A.* (2000), 'Pathology and the Clinic: An Ethnographic Presentation of Two Atheroscleroses', in M. Lock, A. Young and A. Cambrosio (eds), *Living and Working with the New Medical Technologies*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Mol A.* (2002), *The Body Multiple: Ontology in Medical Practice*, Durham, NC and London: Duke University Press.

- Mol A., M. Berg* (1994), 'Principles and Practices of Medicine: The Co-existence of Various Anaemias', *Culture, Medicine and Psychiatry*, 18: 247–265.
- Mol A., J. Law* (1994), 'Regions, Networks and Fluids: Anaemia and Social Topology', *Social Studies of Science*, 24: 641–671.
- Moreira T.* (2000), 'Translation, Difference and Ontological Fluidity: Cerebral Angiography and Neurosurgical Practice', *Social Studies of Science*, 30: 421–446.
- Moreira T.* (2001a), 'Incisions: A Study of Surgical Trajectories', PhD, Lancaster University.
- Moreira T.* (2001b), 'Involvement and Constraint in a Surgical Consultation Room', *Bulletin Suisse de Linguistique Appliquée*, 13–32.
- Moser I.* (2000), 'Against Normalisation: Subverting Norms of Ability and Disability', *Science as Culture*, 9: 201–240.
- Moser I.* (2003), 'Living After Traffic Accidents: On the Ordering of Disabled Bodies', PhD, University of Oslo.
- Moser I., J. Law* (1998), 'Materiality, Textuality, Subjectivity: Notes on Desire, Complexity and Inclusion', *Concepts and Transformation: International Journal of Action Research and Organizational Renewal*, 3: 207–227.
- Moser I., J. Law* (1999), 'Good Passages, Bad Passages', pp. 196–219 in J. Law and J. Hassard (eds), *Actor Network and After*, Oxford and Keele: Blackwell and the Sociological Review.
- Moser I., J. Law* (2003), "Making Voices": New Media Technologies, Disabilities, and Articulation', pp. 491–420 in G. Liestøl, A. Morrison and T. Rasmussen (eds), *Digital Media Revisited: Theoretical and Conceptual Innovation in Digital Domains*, Cambridge, MA and London: MIT Press.
- Nettleton S.* (1995), *The Sociology of Health and Illness*, Cambridge: Polity.
- Osborne T., N. Rose* (1999), 'Do the Social Sciences Create Phenomena? The Example of Public Opinion Research', *British Journal of Sociology*, 50: 367–396.
- Perrow C.* (1984), *Normal Accidents: Living with High Risk Technologies*, New York: Basic Books.
- Phillips D. L.* (1973), *Abandoning Method: Sociological Studies in Methodology*, San Francisco: Jossey-Bass.
- Pickering A.* (1995), *The Mangle of Practice: Time, Agency and Science*, Chicago and London: University of Chicago Press.

- Pinch T. J.* (1980), 'Theoreticians and the Production of Experimental Anomaly; the Case of Solar Neutrinos', in K. D. Knorr, R. Krohn and R. D. Whitley (eds), *The Social Processes of Scientific Investigation, Sociology of the Sciences*, Vol. 4, Dordrecht, Boston and London: Reidel.
- Pinch T. J.* (1981), 'The Sun Set: The Presentation of Certainty in Scientific Life', *Social Studies of Science*, 11: 131–158.
- Pinch T. J.* (1985), 'Towards an Analysis of Scientific Observation: The Externality and Evidential Significance of Observational Reports in Science', *Social Studies of Science*, 15: 3–36.
- Polanyi M.* (1958), *Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy*, London: Routledge & Kegan Paul. (Русский перевод: *Полани М. Личностное знание: На пути к посткритической философии*. М.: Прогресс, 1985.)
- Popper K. R.* (1959), *The Logic of Scientific Discovery*, London: Hutchinson. (Русский перевод: *Поппер К. Логика научного исследования*. М.: Республика, 2004.)
- Porter T. M.* (1995), *Trust in Numbers: The Pursuit of Objectivity in Science and Public Life*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Power M.* (1997), *The Audit Society: Rituals of Verification*, Oxford: Oxford University Press.
- Ravetz J. R.* (1973), *Scientific Knowledge and its Social Problems*, Harmondsworth: Penguin.
- Rip A.* (1986), 'Mobilizing Resources Through Texts', in M. Callon, J. Law and A. Rip (eds), *Mapping the Dynamics of Science and Technology: Sociology of Science in the Real World*, Basingstoke: Macmillan.
- Robert Le (1974), *Dictionnaire Alphabétique et Analogique de la Langue Française*, Paris: Le Robert.
- Rock P.* (1979), *The Making of Symbolic Interactionism*, London: Macmillan.
- Rose G.* (2001), *Visual Methodologies*, London, Thousand Oaks, CA and New Delhi: Sage.
- Rose N.* (1999), *Powers of Freedom: Reframing Political Thought*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Rotman B.* (1987), *Signifying Nothing: The Semiotics of Zero*, Stanford: Stanford University Press.
- Said E. W.* (1991), *Orientalism: Western Conceptions of the Orient*, London: Penguin. (Русский перевод: *Саид Э. Ориентализм*. М.: Русский мир, 2006.)

- Saussure F. de* (1960), *Course in General Linguistics*, London: Peter Owen. (Русский перевод: *Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики*. М.: Логос, 1998.)
- Sayer A.* (2000), *Realism and Social Science*, London, Thousand Oaks, CA and New Delhi: Sage.
- Scarry E.* (1985), *The Body in Pain: The Making and Unmaking of the World*, New York and Oxford: Oxford University Press.
- Serres M.* (1980), *Le Passage du Nord-Ouest*, *Hermes V*, Paris: Les Éditions de Minuit.
- Shapin S.* (1984), 'Pump and Circumstance: Robert Boyle's Literary Technology', *Social Studies of Science*, 14: 481–520.
- Shapin S.* (1989), 'The Invisible Technician', *American Scientist*, 77: 554–563.
- Shapin S.* (1994), *A Social History of Truth: Civility and Science in Seventeenth-Century England*, Chicago: Chicago University Press.
- Shapin S., S. Schaffer* (1985), *Leviathan and the Air Pump: Hobbes, Boyle and the Experimental Life*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Sharp N.* (1996), *No Ordinary Judgement: Mabo, the Murray Islanders' Land Case*, Canberra: Aboriginal Studies Press.
- Sherlock S.* (1989), *Diseases of the Liver and Biliary System*, 8th edn, Oxford, London, Edinburgh, Boston and Melbourne: Blackwell.
- Singleton V.* (1996), 'Feminism, Sociology of Scientific Knowledge and Postmodernism: Politics, Theory and Me', *Social Studies of Science*, 26: 445–468.
- Singleton V.* (1998), 'Stabilizing Instabilities: The Role of the Laboratory in the United Kingdom Cervical Screening Programme', pp. 86–104 in M. Berg and A. Mol (eds), *Differences in Medicine: Unravelling Practices, Techniques and Bodies*, Durham, NC: Duke University Press.
- Singleton V., M. Michael* (1993), 'Actor-networks and Ambivalence: General Practitioners in the UK Cervical Screening Programme', *Social Studies of Science*, 23: 227–264.
- Starhawk* (1989), *The Spiral Dance: A Rebirth of the Ancient Religion of the Great Goddess*, New York and San Francisco: Harper.
- Stengers I.* (1997), *Power and Invention: Situating Science*, Minneapolis and London: University of Minnesota Press.
- Strathern M.* (1991), *Partial Connections*, Savage Maryland: Rowman & Littlefield.

- Sutton P. (ed.) (1989), *Dreamings: the Art of Aboriginal Australia*, Ringwood, Victoria and London: Viking.
- Thompson E.P. (1967), 'Time, Work-Discipline, and Industrial Capitalism', *Past and Present*, 38: 56–96.
- Thrift N. (1996), *Spatial Formations*, London, Thousand Oaks, CA and New Delhi: Sage.
- Thrift N. (2000), 'Afterwords', *Society and Space*, 18: 213–255.
- Traweek S. (1988), *Beamtimes and Lifetimes: The World of High Energy Physics*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Traweek S. (1999), 'Pilgrim's Progress: Male Tales Told During a Life in Physics', pp. 525–542 in Mario Biagioli (ed.), *The Science Studies Reader*, New York and London: Routledge.
- Turkle S. (1996), *Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet*, London: Weidenfeld & Nicolson.
- Turnbull D. (1993), *Maps are Territories, Science is an Atlas*, Chicago: Chicago University Press.
- Turnbull D. (1996), 'Cartography and Science in Early Modern Europe: Mapping the Construction of Knowledge Spaces', *Imago Mundi*, 48: 5–24.
- Turnbull D. (2000), *Masons, Tricksters and Cartographers: Comparative Studies in the Sociology of Scientific and Indigenous Knowledge*, Amsterdam: Harwood Academic Publishers.
- Turnbull D. (2005), 'Locating, Negotiating, and Crossing Boundaries: A Western Desert Land Claim, The Tordesillas Line and The West Australian Border', *Society and Space*.
- Urry J. (2000), 'Mobile Sociology', *British Journal of Sociology*, 51: 185–203.
- Verran H. (1998), 'Re-Imagining Land Ownership in Australia', *Post-colonial Studies*, 1: 237–254.
- Verran H. (2001), *Science and an African Logic*, Chicago and London: Chicago University Press.
- Verran H. (2002), 'Transferring Strategies of Land Management: Indigenous Land Owners and Environmental Scientists', pp. 155–181 in M. de Laet (ed.), *Research in Science and Technology Studies*, Vol. 13: Knowledge and Technology Transfer, New York: JAI Press.
- Verran H. (2005), *Science and the Dreaming: Expertise in a Complex World*, Chicago and London: Chicago University Press.
- Watson-Verran H., D. Turnbull (1995), 'Science and other Indigenous Knowledge Systems', pp. 115–139 in S. Jasanoff, G. E. Mark-

БИБЛИОГРАФИЯ

- le, J. C. Petersen and T. Pinch (eds), *Handbook of Science and Technology Studies*, Thousand Oaks, CA: Sage.
- Williams R.* (1988), *Keywords: A Vocabulary of Culture and Society*, London: Fontana Press.
- Wilson H.* (1971), *The Labour Government, 1964–1970: A Personal Record*, London: Weidenfeld & Nicolson and Michael Joseph.
- Wittgenstein L.* (1953), *Philosophical Investigations*, Oxford: Blackwell. (Русский перевод: *Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М.: Логос, 1994.*)
- Wynne B.* (1996), 'May the Sheep Safely Graze? A Reflexive View of the Expert–Lay Knowledge Divide', pp. 44–83 in S. Lash, B. Szerszynski and B. Wynne (eds), *Risk, Environment and Modernity: Towards a New Ecology*, London and Beverly Hills, CA: Sage.

Джон Ло

ПОСЛЕ МЕТОДА:
беспорядок и социальная наука

Главный редактор издательства ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ
Научный редактор издательства АРТЕМ СМИРНОВ
Выпускающий редактор ЕЛЕНА ПОПОВА
Корректор СВЕТЛАНА ХОХЛОВА
Художественное оформление серии ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ
Верстка ЯРОСЛАВА АГЕЕВА

Издательство Института Гайдара
125993, Москва, Газетный пер., д. 3-5, стр. 1



Подписано в печать 22.01.15.
Тираж 1000 экз. Формат 84×108/32
Отпечатано в филиале «Чеховский печатный двор»
ОАО «Первая образцовая типография»
www.chpd.ru. Факс (496) 726-54-10, (495) 988-63-87
142300, г. Чехов, ул. Полиграфистов, 1.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

Спрашивайте в книжных магазинах

МОСКВА

- Академия**, специализированные магазины деловой книги в РАНХиГС, просп. Вернадского, 82,
(499) 270-29-78
- Москва**, ул. Тверская, 8, стр. 1, (495) 629-64-83, 797-87-17
- Библио-глобус**, ул. Мясницкая, 6/3, стр. 1,
(495) 781-19-00
- Московский дом книги**, ул. Новый Арбат, 8,
(495) 789-35-91
- Молодая гвардия**, ул. Большая Полянка, 28,
(495) 780-33-70
- Фаланстер**, М. Гнездниковский пер., 12/27, стр. 3,
(495) 629-88-21, 504-47-95 falanster@mail.ru
- Фаланстер на Винзаводе**, 4-й Сыромятнический пер., 1,
стр. 6, (495) 926-30-42
- Книжный клуб 36,6**, ул. Бакунинская, 71, стр. 10,
(495) 926-45-44
- Аргумент**, Ленинские горы, МГУ, д. 1, сектор «Б»,
(495) 939-42-95
- Науку — Всем**, выставочный зал, Нахимовский просп., 56,
(499) 724-25-45
- Дом педагогической книги**, (495) 629-54-35
- Дом книги на Соколе**, (499) 155-38-82
- Циолковский**, ул. Б. Молчановка, 18, (495) 691-51-16,
56-28
- У Кентавра**, книжная лавка РГГУ, ул. Чайнова, 15,
(499) 973-43-01
- БукВышка**, университетский книжный магазин
(ВШЭ), ул. Мясницкая, 20, (495) 628-29-60
- Додо на Солянке (DoDo)**, ул. Солянка, 1/2, стр. 1,
м. Китай-Город, 8-926-063-01-35

Додо в ТРЦ «Филион» (Dodo Филион),
Багратионовский пр-д, 5 (ТРЦ «Филион») м. «Фили»,
«Багратионовская», 8-929-579-53-22

Додо в КЦ ЗИЛ (Dodo ЗИЛ культурный центр),
ул. Восточная, д. 4, к. 1, м. «Автозаводская»,
(495) 675-16-36

Омнибус, Кутузовский проспект, 21 (кинотеатр
«Пионер»), 8-915-418-60-27

Гнозис, Турчанинов пер., 4, (499) 255-77-57

Гоголь books, в «Гоголь-центре», ул. Казакова, 8,
(925) 468-02-30

Kaspar Hauser, в галерее «Артплей», Нижняя
Сыромятническая, 10/11, (499) 678-02-26

**Книжная экспедиция Управления делами
Президента Российской Федерации**: центральный
салон и 22 торговых секции, ул. Варварка, 9,
(495) 606-52-94

Ходасевич, Покровка, 6, 8-965-179-34-98

Гараж, Павильон Центра «Гараж», Пионерский пруд,
Парк Горького, (495) 645-05-21

Сеть Читай-город (Новый Книжный), (495) 937-85-81,
177-22-11

Сеть Академкнига

ул. Вавилова, 55/7, (499) 124-55-00

Мичуринский просп., 12, (499) 932-74-79

Цветной б-р, 21, стр. 2, (499) 921-55-96

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Санкт-Петербургский дом книги, Невский просп., 28
(дом Зингера), (812) 448-23-55

Подписные издания, Литейный просп., 57,
(812) 273-50-53

Порядок слов, наб. р. Фонтанки, 15, (812) 310-50-36

Все свободны, Мойка, 28, 8-911-977-40-47

Мы, Невский просп., 20 (проект Biblioteka),
8-981-168-68-85

Магазин издательства СПбГУ, Менделеевская линия, 5,
(812) 328-96-91, 329-24-70

ВЛАДИМИР

Эйдос, книжный клуб ул. Б. Московская, 20а (в арке),
8-920-623-03-08

ВОРОНЕЖ

Петровский, книжный клуб, ул. 20-летия ВЛКСМ, 54а,
ТЦ «Петровский пассаж», (4732) 33-19-28

ЕКАТЕРИНБУРГ

Йозеф Кнехт, ул. 8 Марта, 7 (вход с набережной),
(950) 193-15-33

Екатеринбургский Дом книги, ул. Антона Валека, 12,
(343) 253-50-10

ПЕРМЬ

Пиотровский, книжный магазин и клуб, ул. Ленина, 54,
(3422) 43-03-51

РОСТОВ-НА-ДОНУ

Интеллектуал, книжный салон, ул. Садовая, 55, Дворец творчества детей и молодежи, фойе главного здания, 8-988-565-14-35

Сорок два, пр. Соколова, д. 46, Циферблат, 3-й этаж,
8-906-180-35-14

ПЕНЗА

Впереплёте, ул. Московская, 12, (8412) 25-64-68

НОВОСИБИРСК:

Капиталь, литературный магазин, ул. Максима Горького, 78, (383) 223-69-73

Собачьё сердце, Каменская ул., 32, вход из арки

НИЖНИЙ НОВГОРОД

Приволжский филиал Государственного центра современного искусства, Кремль, корп. 6 (здание Арсенала), (831) 423-57-41

КИЕВ

Архе, Ул. Якира, 13, +380-63-134-18-93

Книжный бум, книжный рынок «Петровка», ряд 62, место 8 (павильон «Академкнига»), +380-67-273-50-10

КАЗАНЬ

Смена, Центр современной культуры, ул. Бурхана Шахиди, 7, (843) 249-50-23

КРАСНОЯРСК

Бакен, ул. Карла Маркса, 34а, (3912) 88-20-82

СФУ-Механика роста, книжная лавка при Северном
Федеральном университете. Свободный пр., 82, стр. 1,
(3912) 06-26-96, 06-39-28

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНЫ

LibroRoom <http://libroroom.ru/>
OZON.ru <http://www.ozon.ru/>
Лабиринт <http://www.labirint.ru/>
Бэффо! <http://www.boffobooks.ru/>
BOOKS.ru <http://www.books.ru/>
Бизнес-книга <http://bizbook.ru/>
Книга.ru <http://www.kniga.ru/>
Read.ru <http://read.ru/>
Спринтер <http://www.sprinter.ru/>
Интернет-магазин научной книги <http://urss.ru/>

В ЭЛЕКТРОННОМ ВИДЕ:

ЛитРес <http://www.litres.ru/>
OZON.ru <http://www.ozon.ru/>

ОПТОВЫЕ ПРОДАЖИ

Издательский дом «Дело» РАНХиГС,
Москва, просп. Вернадского, 82, (495) 433-25-02,
433-25-10



Институт экономической политики имени Егора Тимуровича Гайдара — крупнейший российский научно-исследовательский и учебно-методический центр.

Институт экономической политики был учрежден Академией народного хозяйства в 1990 году. С 1992 по 2009 год был известен как Институт экономики переходного периода, бессменным руководителем которого был Е. Т. Гайдар.

В 2010 году по инициативе коллектива в соответствии с Указом Президента РФ от 14 мая 2010 г. № 601 институт вернулся к исходному наименованию и ему было присвоено имя Е. Т. Гайдара.

Издательство Института Гайдара основано в 2010 году. Задачей издательства является публикация отечественных и зарубежных исследований в области экономических, социальных и гуманитарных наук, трудов классиков и современников.